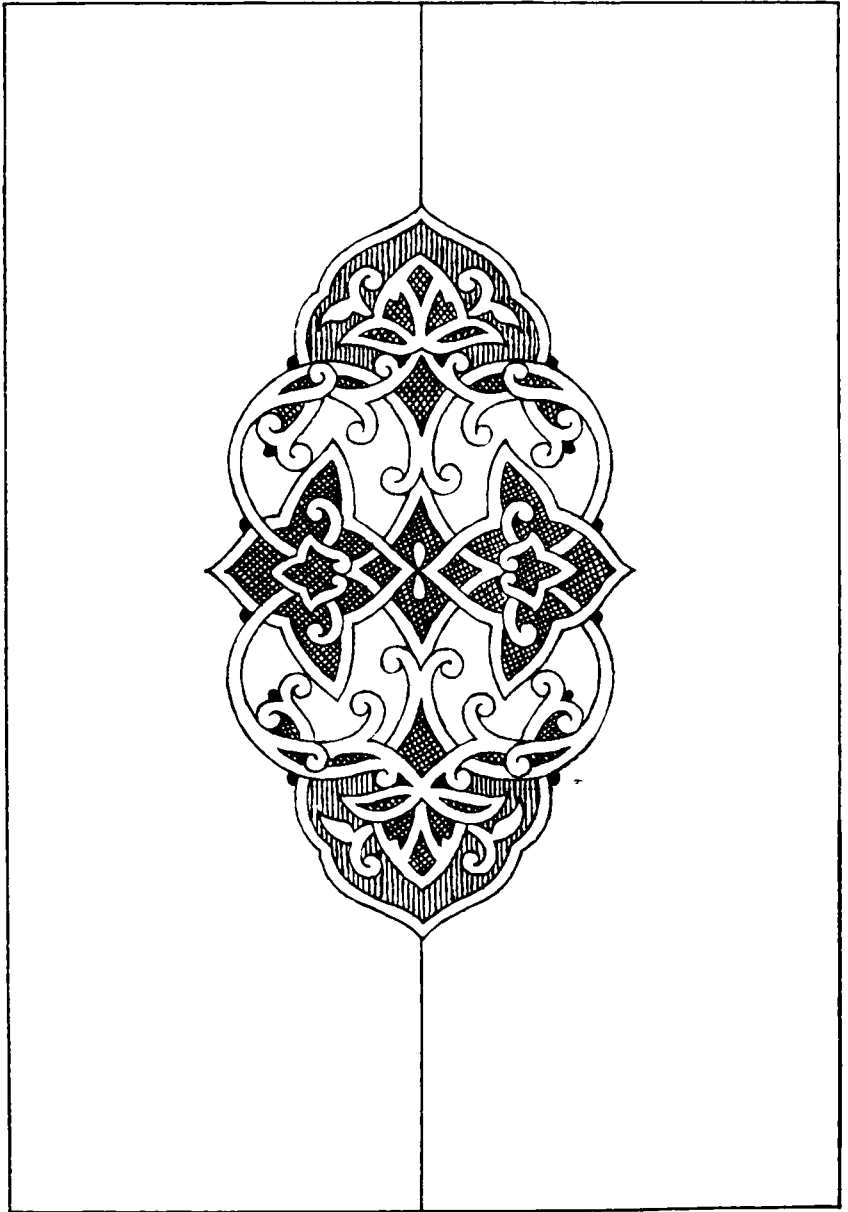

•
ДУРБЕК
ЮСУФ И ЗУЛЕЙХА

ДУРБЕК

ЮСУФ
И
ЗУЛЕЙХА

СТАРОУЗБЕКСКАЯ
ПОЭМА
В ПЕРЕВОДЕ

СЕРГЕЯ
СЕВЕРЦЕВА

МОСКВА
« ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ЛИТЕРАТУРА »
1987

ББК 84Уз1
Д84

Вступительная статья и пояснительный словарь
Г. АЛИЕВА

Иллюстрации
Флориды ГАМБАРОВОЙ

Оформление
Давида ШИМИЛИСА

Д $\frac{4702570100-207}{028(01)-87}$ 127-87

© Вступительная статья, оформление. Издательство «Художественная литература», 1987 г.

ДУРБЕК И ЕГО ПОЭМА «ЮСУФ И ЗУЛЕЙХА»

Юсуф и Зулейха, предание об Иосифе Прекрасном, Иосиф и его братья... Кто из современных образованных людей любой страны не знает об этой старинной мудрой легенде? Сказание это живет уже много веков и принадлежит к числу мировых сюжетов, получивших распространение как в восточной, так и в европейской литературе. Такая популярность связана не только с тем, что легенда эта нашла отражение в Ветхом завете, а затем и в Коране, где история Юсуфа названа «прекраснейшим из преданий».

Широкое распространение легенды в письменной литературе и фольклоре многих народов мира обусловлено тем, что в ее драматичной и трогательной фабуле отражены общечеловеческие начала гуманистических воззрений, благородные мысли о всепобеждающей силе добра, о неизбежной наказуемости и конечном поражении зла и, наконец, о социальном смысле нравственности. Именно в этих высоких идеях, заложенных в легенде, следует искать причину того, что в разные эпохи к ней обращались и продолжают обращаться литераторы многих народов.

Великий Гете, который еще в детстве пробовал сочинить повесть на тему об Иосифе, в своей знаменитой книге «Поэзия и правда» писал: «Как много свежести в этом безыскусственном рассказе!..» Неувядаемая свежесть этого предания из века в век привлекала к себе и вдохновение поэтов, и сочувствие вдумчивых читателей.

Особую популярность как литературно-художественный сюжет легенда о Юсуфе и Зулейхе приобрела на Востоке. Достаточно сказать, что в литературах народов Востока насчитывается более ста пятидесяти извест-

ных произведений на эту тему; художественные обработки этого сюжета встречаются в литературах народов Средней Азии и Закавказья, Поволжья и Казахстана, Ирана и Афганистана, Индии и Пакистана, Турции и Арабского Востока.

Есть еще одно важное обстоятельство, связанное с литературным воплощением идей и образов легенды об Иосифе-Юсуфе: поэты и писатели чаще всего обращались к этой теме в критические моменты социально-политической истории своей страны. Именно в такой период к этому старинному сюжету обратился один из блестящих умов XX века, видный немецкий писатель Томас Манн. В сложном философском романе-тетралогии «Иосиф и его братья», написанном незадолго до прихода фашистов к власти в Германии, автор, выступая против грубой, агрессивной действительности, проводит линию противопоставления рационального человеческого мышления интуитивному иррационализму — тому мистическому «наптю», которым определялись, как признавал бесноватый фюрер, его чудовищные решения и поступки. На материале предания об Иосифе немецкий писатель-гуманист стремился развенчать зловещую фашистскую доктрину о якобы существующем «расовом превосходстве».

Другой крупнейший литератор современности, выдающийся турецкий поэт Назым Хикмет в драме «Иосиф и Менофис» раскрыл новую грань в идейно-тематической основе старинной легенды, сообщив ей иное социальное звучание. В своей драме «Иосиф и Менофис», выдвинув на первый план социально-политический аспект предания, лишь намеченный в изначальной сюжетной канве, Назым Хикмет с большой силой и мастерством выразил идеи современной борьбы против общественной несправедливости, за торжество гуманистических идеалов, за свободу и социальный прогресс.

Глядя назад, через перевалы пяти столетий, нельзя не заметить, что именно в пору исторических потрясений в жизни народов Средней Азии была создана поэма «Юсуф и Зулейха» выдающегося узбекского поэта Дурбека.

Это было время ожесточенных феодальных междоусобиц, кровавые и разорительные последствия которых еще более усугубляли и без того плачевное положение населения Мавераннахра и Хорасана, входивших тогда в обширную военно-феодальную империю Тимура. Когда 19 января 1405 года в Отгаре скончался шестидесятилетний Тимур, собиравшийся вторгнуться во главе громадной армии в пределы Китая, и когда весть о смерти Тимура достигла его любимой и великолепно отстроенной столицы — Самарканда, это послужило сигналом для ожесточенной борьбы за власть, в которой приняло участие почти все многочисленное потомство властолюбивого и жестокого эмира. На некоторое время самаркандский престол захватил внук Тимура — Халил-Султан, однако борьба за власть продолжалась с нарастающей силой.

Наиболее энергичным среди сыновей и внуков Тимура оказался его сын Шахрух-Мирза, который и нанес 30 марта 1409 года сокрушительный

удар Халилу-Султану. С этого времени Шахрух перенес столицу из Самарканда в Герат, где он чувствовал себя более спокойно и уверенно. Отсюда и начал он свои усмирительные и грабительские походы. Первой жертвой этих походов оказался город Балх. 22 июля 1409 года войско Шахруха подошло к стенам этого хорошо укрепленного города, плодородные и богатые окрестности которого были сразу же разорены. Осада мощной крепости города Балха войсками Шахруха продолжалась вплоть до 10 сентября того же года.

В настоящее время мы, к сожалению, не располагаем биографическими сведениями об авторе поэмы «Юсуф и Зулейха». Во вступительной части поэмы, однако, есть строки, свидетельствующие о том, что именно во время осады Балха поэт Дурбек усиленно работал над своим творением. Поэма «Юсуф и Зулейха» была завершена в том же суровом и мрачном для жителей Балха 1409 году.

Вот как описывает Дурбек тогдашние кровавые события, обрушившиеся на его родной Балх:

Был город осажден в те дни, для многих роковые,
Замкнулись пред лицом врагов ворота крепостные.

Настала страшная пора.— застигнутым бедой,
Укрыться жителям пришлось за городской стеной.

Как в заточенье, жил народ, покинув поневоле
Все, что он вырастить успел в своем саду и поле.

Стал осажденный Балх похож на беспросветный ад,
А за стенами — ширь земли цвела, как райский сад.

...Три долгих месяца народ в твердыне осажденной
Томился, голодом, нуждой, тоскою истомленный.

Со всеми вместе жил и я в мучительном плену —
Всех тайн и всех невзгод людских измерил глубину.

В этих тяжелых условиях, в осажденном врагами городе поэт упорно работал над своей поэмой, используя при этом не только кораническое изложение, но и подбирая дополнительные сведения из других источников, которые содержал прозаический пересказ легенды о Юсуфе.

В поэме «Юсуф и Зулейха» отчетливо проступают две идейно-художественные линии. Одна из них связана с поэтическим изложением старинной легенды, другая обращена к социально-политическим проблемам современной поэту действительности. Сюжетное развитие поэмы Дурбека почти полностью повторяет кораническое повествование. В первых главах

показано безмятежное детство Юсуфа, интриги десяти его братьев, заключение Юсуфа в колодезь, продажа в рабство; дальнейшие главы повествуют о его возвышении, затем о долгих годах тюрьмы и страданий, о новом головокружительном успехе и т. д. При этом Дурбек стремится по возможности полнее раскрыть мысли и переживания не только главного героя, но и остальных действующих лиц.

Характерно, что любовная история Зулейхи — лишь побочная линия в повествовании узбекского поэта. Хотя имя Зулейхи и вынесено в заглавие произведения, но это лишь дань восточной поэтической традиции, прежде всего традиции персидских эпических поэм-месневи. История Зулейхи, ее взаимоотношения с главным героем поэмы скорее носят эпизодический характер и призваны оттенить психологическую характеристику Юсуфа. Следует также отметить большое число бытовых подробностей, живых и красочных описаний той обстановки, на фоне которой разыгрываются события. В этом отношении поэма Дурбека заметно отличается от других одноименных поэм, в которых бытовые детали обычно почти отсутствуют.

Как уже было сказано, в литературах народов Востока мы находим немало поэтических обработок легенды о Юсуфе и Зулейхе. Достаточно сказать, что только на тюркских языках известно около семидесяти художественных произведений, созданных на этот знаменитый сюжет. Какими источниками, кроме коранической версии, пользовался узбекский поэт Дурбек при создании своей изумительной поэмы? Наиболее известным поэтическим произведением на этот сюжет была к тому времени поэма Кюл Гали «Киссаи Юсуф», созданная в 1233 году. Кроме того, Дурбек, вероятно, был знаком с агиографическим трудом Бурханиддина Рабгузи «Жизнеописание пророков» (1310 г.). В те времена в большом ходу были и многие персидские поэтические обработки легенды о Юсуфе. Одна из них уже в наши дни долгое время приписывалась перу великого персидско-таджикского поэта Фирдоуси. Сам Дурбек во вступлении к поэме указывает как на один из своих основных источников персоязычную прозаическую версию этого предания, которую пока еще не представляется возможным идентифицировать с известными нам обработками.

Как бы то ни было, читая поэму «Юсуф и Зулейха», нельзя не поражаться силе творческой фантазии и тонкому мастерству ее автора: вводя тот или иной эпизод, те или иные детали в художественную ткань своего произведения, поэт каждый раз исходит из того, насколько они служат психологическому обоснованию поступков и переживаний его персонажей. Мастерство Дурбека отражено также и в замечательной композиционной завершенности его поэмы, что подчеркивается ее четким делением на главы, каждая из которых является как бы новой ступенью, новым звеном в развитии повествования. Число этих глав в различных списках поэмы различно (для данного перевода выбран вариант, состоящий из ста глав), различны и заголовки, отражающие основное содержание каждой главы, но единым остается сюжетное развитие поэмы, как остаются едиными

и ее общий стиль, и классический характер ее образной системы, и чеканная форма — звучные и выразительные двустишия-бейты, которыми от первой до последней страницы изложен весь поэтический рассказ Дурбека.

Однако не только своими художественными достоинствами выделяется поэма Дурбека «Юсуф и Зулейха» среди десятков одноименных поэм. Еще одна отличительная черта творения Дурбека заключается в том, что при всей традиционности своей темы оно живо перекликается с современными поэту событиями, с острыми социальными и этическими проблемами его эпохи. Именно в этом, как уже отмечалось, выражается вторая идейная линия поэмы Дурбека, пронизывающая от начала до конца все ее сюжетное развитие и придающая ей высокое гражданское и гуманистическое звучание.

Выдающийся советский востоковед Е. Э. Бертельс писал, что основная мысль поэмы Дурбека, вполне понятная в тех тяжелых исторических условиях, в которых она создавалась, — призыв к стойкости в несчастьях. Поэт призывает своих современников сохранять мужество и терпение перед лицом любых невзгод, а главное — не терять веры в грядущее. В этом — глубокий оптимизм поэмы Дурбека. Когда поэт говорит о грядущем избавлении человека от нагрянувших на него бедствий или о счастье, которым награждаются люди за свою стойкость и мужество, то он имеет в виду вполне реальное, земное счастье. Этой мысли подчинено все: и художническая манера построения сюжета, и психологические мотивировки, и решение основных конфликтов поэмы.

Оказавшись свидетелем кровавых, братоубийственных распрей и войн, поэт горячо призывал своих современников к миру и согласию. Эта идея нашла свое отражение в кульминационном эпизоде поэмы — сцене примирения Юсуфа со своими братьями. Отчетливо звучат в поэме и гуманистические идеи сочувствия к простым труженикам, призыв к добру и справедливости.

Все это, естественно, обусловило ярко выраженный светский характер поэмы Дурбека, который сознательно пошел на гуманизацию легенды о Юсуфе. Идеи гуманизма, пронизывающие поэму «Юсуф и Зулейха», ее высокая поэтичность позволяют говорить о ней как о выдающемся событии в истории средневековой узбекской литературы. Поэма Дурбека сыграла важную роль в обращении этой литературы к отражению реальной действительности со всеми ее острыми социальными, политическими и этическими проблемами.

Подстрочный перевод поэмы со староузбекского осуществлен кандидатом филологических наук Н. П. Голубевой. Художественный перевод выполнен известным поэтом-переводчиком С. Л. Северцевым, много сделавшим для ознакомления широких кругов советских читателей с выдающимися произведениями классической и современной поэзии народов Востока.

Большой опыт, как и присущие данному переводчику настойчивость и

добросовестность, определили высокую степень точности его перевода поэмы Дурбeka, верно найденные поэтические приемы и интонации, адекватные староузбекскому оригиналу, достоверность общего колорита, образной системы, всей психологической и эмоциональной атмосферы этого прекрасного, мудрого и трогательного произведения узбекской классической литературы.

Г. Алиев

СВЕТЛОЙ ПАМЯТИ
СВОЕГО ПОЭТИЧЕСКОГО НАСТАВНИКА
НИКОЛАЯ СЕМЕНОВИЧА ТИХОНОВА
ПОСВЯЩАЕТ СВОЙ ТРУД
переводчик

ЮСУФ
И
ЗУЛЕЙХА
.

Вступление,

*в котором рассказывается о том, когда, как и почему была
написана эта поэма о жизни и деяниях преславного
Юсуфа-хазрата*

«Балх — это мать городов!» — издревле говорили,
Мир, благочестье и закон веками в нем царил.

Владык могучих он знал, прославленных бойцов,
Не раз пристанищем бывал великих мудрецов.

Увы, обителью скорбей наш город стал однажды —
Не избежал жестоких бед, и голода, и жажды.

«Даль», «зод» и «ха» — три знака в ряд обозначают год,
Когда подвергся древний Балх нашествию невзгод.

Был город осажден в те дни, для многих роковые,
Замкнулись пред лицом врага ворота крепостные.

Настала страшная пора, — застигнутым бедой,
Укрыться жителям пришлось за городской стеной.

Как в заточенье, жил народ, покинув поневоле
Все, что он вырастить успел в своем саду и поле.

Стал осажденный Балх похож на беспросветный ад,
А за стенами — ширь земли цвела, как райский сад.

За городом — раздольный мир, цветенье, изобилье,
А в городе нужда и скорбь, страданье и бессилье.

За городом видны сады, плоды на их ветвях,
А в городе царит печаль, болезни, голод, страх.

За городом — журчанье струй да шум ветвей зеленых,
А в городе — стенанья, плач страдальцев истомленных.

За городом — ручьи, пруды, манящий синий цвет,
А тут — глоток гнилой воды был слаще, чем шербет.

За городом — простор полей, тропинки и беседки,
А тут — мученье и тоска, как будто в тесной клетке.

Там — светлый мир, привольный мир веселья и усад,
Тут — слухи мрачные, сердце тревога и разлад.

Томился в городе народ, как в сумраке темницы,
Запасы подошли к концу и масла, и пшеницы.

Что делать, — затянуть пришлось потуже пояса,
Мрачнее сделались черты, угрюмей голоса.

Лепешки чудились глазам, голодным, воспаленным,
Стекали слезы по щекам, запавшим, изможденным.

Одних томила мысль о том, что рис еще не сжат,
Других пьянила мысль о том, как зреет виноград.

Виденья стали посещать измученные души:
Одним мерещились сады, где персики и груши,

Другой мечтал о том, как свеж граната спелый сок,
И перед смертью умолял хотя б один глоток!

Три долгих месяца народ в твердыне осажденной
Томился голодом, нуждой, тоскою истомленный.

Со всеми вместе жил и я в мучительном плену —
Всех тайн и всех невзгод людских измерил глубину.

Вот так в обители скорбей я дней провел немало,
В печальных думах пребывать душе привычно стало.

В уединенье и в тиши, покинув круг друзей,
Я книги повестей листал — сказанья давних дней.

Из многих в тот тревожный год прочитанных сказаний
Одно сказанье стало мне всех ближе и желанней.

Читать все слаще было мне, милее с каждым днем
Рассказ о чуде красоты — Юсуфе молодом.

О долгих бедствиях его читал я со слезами,
И светлый образ, как живой, вставал перед глазами.

Но на персидском языке написан был рассказ
И не в стихах, о чем в душе жалел я всякий раз.

Тогда возникло, стало зреть желание такое:
Стихами надо изложить сказанье вековое.

К тому же несколько мужей, блистающих умом,
Решили поддержать меня в намеренье благом.

А самый мудрый из друзей сказал мне на прощанье:
«Будь тверд в намеренье своем, исполни обещанье,

Не медли! Если ясно цель ты видишь впереди,
Смелее отправляйся в путь — и до конца иди.

Но чтоб Юсуфа жизнь воспеть правдиво, вдохновенно,
Писать по-тюркски свой дастан ты должен непременно.

А как закончишь — подпишись, поставь число и год,
Пускай твой труд на много лет тебя переживет!»

И вот, как путник, что идет в далекую дорогу,
Я начал в этот долгий путь собираться понемногу.

Калам с чернильницею взял, бумаги чистой взял —
Неторопливо сочинять за строчкой строчку стал.

Как терпеливо нить прядет задумчивая пряжа,
Дастан слагал я о делах Юсуфа-падишаха.

Писал и темной ночью я, писал и ясным днем,
Виденья воплотив в слова, слова связав с пером.

Шли дни,— и наконец сбылось заветное желанье:
На пить созвучий панизал я древнее сказанье.

И тот, кто сей дастан прочтет, переписать решит,
Благое дело для себя и для людей свершит.

Глава первая,

в которой рассказывается о том, как праведный Якуб возлюбил своего младшего сына Юсуфа и как начали завидовать ему остальные сыновья

Жил много лет тому назад в цветущем Хаанае
Почтенный муж Якуб-хазрат — исток благих деяний.

Он среди народа своего провидцем мудрым слыл,
Он честности и правоты примером чистым был.

Достоинo жил Якуб,— и вот судьба ему в награду
Дала прекраснейших детей — души его отраду.

Имел он десять сыновей — все от одной жены —
И верил: истинным путем идут его сыны.

Второй женою рождены, росли два младших сына:
Любил он первенца ее — младого Ибн Ямина,

Но всех милее был Юсуф,— среди остальных сынов
Блистал он, как свеча блестит над роем мотыльков.

Казались слугами они, а он один — владыкой,
Те были звездами, а он — луною светлоликой,

Ракушками казались те, он — перлом дорогим,
Пылинками казались те, он — солнцем золотым.

Те были телом, он — душой! Такой красой сияло
Его лицо, что все вокруг, казалось, озаряло.

Он сокровенным словом был Якуба-мудреца,
Что на устах у старика звучало без конца.

Был светочем очей Юсуф для праведного старца,
И ни на миг седой отец с ним не желал расстаться.

Как роза в райском цветнике, блистал он красотой,
Как луч в весеннем ручейке, сиял он чистотой.

С утра до вечера отцу Юсуф служил, послушный.
Любил его все горячее старик великодушный.

И зависть родилась в сердцах у братьев остальных,
День ото дня мрачнее и злей был тайный шепот их:

«Мы в унижение жизнь влачим, и солнце нам не светит,
Юсуф же, хоть и младший брат, а стать владыкой метит.

Он угодить отцу сумел, пришелся ко двору,
Он — гордая звезда, а мы — как свечи на ветру.

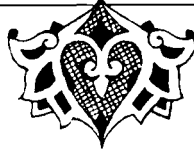
Юсуф обласкан и любим и окружен почтеньем,
А мы? Когда ж придет конец обидам и мученьям?

И долго ль будем, как в огне, от зависти гореть?
Пора подумать сообща, нет больше сил терпеть!

Смелей мы действовать должны, найти хитрее средство.
Иначе нас лишит Юсуф и счастья, и наследства.

Да, наши души лишь тогда покинет злой недуг,
Когда погубим брата мы — источник наших мук!»

Глава вторая,

в которой рассказывается о том, какой удивительный сон приснился прекрасному юноше Юсуфу и какое объяснение дал этому сну Якуб-хазрат

Так жил Юсуф, правдив и добр, да будет мир над ним,
Был и родителем седым, и слугами любим.

Не ведал он, о чем тайком договорились братья,
Не мог их козни разгадать, услышать их проклятья.

С отцом на ложе спал Юсуф в невинности святой,
Как ожерельем, был обвит отцовскою рукой.

И вот увидел он во сне: блистая светлой силой,
На землю сходит с высоты полдневное светило.

А вслед, сквозь ярусы небес, прекрасна и ясна,
В кругу одиннадцати звезд спускается луна.

На землю солнце и луна и звезды опустились,
К Юсуфу подошли они и ниц пред ним склонились.

И задрожал он, пробудясь, в лице переменясь,
Многозначительному сну невольно изумясь.

Якубу он открыл свой сон, и тот ему ответил:
«Отцовским сердцем чую, сын: твой путь чудесен, светел.

Богатство, слава ждет тебя! Но, милый сын, смотри:
Об этом сокровенном сне другим не говори!

Скрой и от братьев этот сон, иль зависть пробудится,
А сила зависти людской не ведает границы.

Увы, тогда немало зла, страдания и боли
Тебе, любимый сын, познать придется поневоле.

Немало ждет тебя в пути мучений и утрат!» —
Так сына предостерегал седой Якуб-хазрат.

Глава третья,

*в которой рассказывается о том, как правдивый Юсуф
признался братьям в своем вешем сне и как завистливые
братья задумали злое дело*

Правдив, доверчив был Юсуф: повергнут в изумление,
Он тотчас братьям рассказал о дивном сновиденье.

И тайной завистью они еще сильнее зажглись,
Забыв о радостях земных, злым думам предались.

Шайтан лишь этого и ждал — и принялся за дело:
Он жгучей зависти огонь стал разжигать умело.

Проснулась ненависть — кипеть в их душах начала,
И становился все острее клинок вражды и зла.

Пришли к Якубу сыновья; перед отцом почтенным
Старался каждый с виду быть учтивым и смиренным,

Поддакивал, усердно льстил, угодливо склоняясь,
На языке был сладкий мед, а в мыслях — ложь и грязь.

Сказали старику они: «Святой посланник божий!
Ты — наш наставник и отец, ты жизни нам дороже.

О праведнейший из людей, своим сынам внемли:
Сегодня к милости твоей мы с просьбою пришли.

В сад мира новая весна во всей красе явилась,
Цветут тюльпаны, все вокруг проснулось, оживилось,

Пустыня стала цветником, земля чарует взор,
В Ирем прекрасный превратясь, в узорчатый ковер.

Юсуфа любим мы, отец, сердечно и глубоко,
Его хранили с детских лет мы как зеницу ока.

Сегодня праздник,— так позволь, чтоб твой любимый сын
Взглянул на красоту холмов и солнечных равнин.

Пусть погуляет и Юсуф сегодня вместе с нами,
Пусть полюбуется в степи весенними цветами.

Все время в доме он сидит, как пленник взаперти,—
На воле с нами погулять Юсуфа отпусти!»

Глава четвертая,

*в которой рассказывается о том, что сказал Якуб-хазрат
в ответ на просьбу своих сыновей и какое возражение
нашли его коварные сыновья*

Задумался Якуб-хазрат, да будет мир над ним,
И так сказал своим сынам, любимым, дорогим:

«Вы все — родная плоть моя, вы — свет моих очей,
За вас молюсь из ночи в ночь до утренних лучей.

Опора, счастье вы мое, безмерно вас люблю я,
Клянусь и небом, и землею, что правду говорю я.

Поверьте, к вам привязан я всем сердцем и душой,
И все же всех дороже мне любимый сын меньшей.

Юсуф — отрада, жизнь моя, возлюбленное чадо,
Наперсник мой, хранитель мой, очей моих улада.

И если выпущу из рук я край его одежды,
Покинут в тот же миг меня все силы и надежды.

Но нет! Юсуф благочестив, он чтит святой закон,
И ради радостей мирских меня не бросит он!»

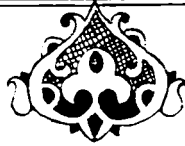
Тут возразили сыновья: «О ты, благословенный,
Под чьей стопою даже пыль становится священной!

Коль с нами отпустить его не дашь согласи ты,
Не избежать дурной молвы и даже клеветы.

Нам люди станут говорить: «Полны вы лицемерья,
Раз не сумели заслужить отцовского доверья».

Как вытерпим такой позор? Чтоб не срамить твой сан,
Покинуть будем мы должны родимый Ханаан!»

Глава пятая,

в которой рассказывается о том, как премудрый Якуб-хазрат призвал своего любимца Юсуфа и как позволил ему отправиться с братьями на прогулку

Подумал и решил Якуб: нет выхода иного,
Юсуфа он велел позвать, любимца дорогого,

И молвил: «Свет моих очей! Настаивают братья,
Чтоб с ними прогулялся ты,— не буду возражать я.

Надень халат, надень чалму, пусть бог тебя хранит,
Быть не должно в моей семье упреков и обид!»

Склонился перед ним Юсуф, вознес молитву богу,
Надел халат, надел чалму — и был готов в дорогу.

Взглянул в лицо ему Якуб пытливыми глазами,
И старые его глаза наполнились слезами.

Тогда спросили сыновья: «Любимый наш отец,
Скажи, чем опечален ты, провидец и мудрец!»

Сказал Якуб: «Болят душа, предчувствием объята,
Как будто близится беда — жестокая утрата.

Боюсь, на воле очутясь, вы тотчас разбредетесь,
О брате брошенном своем нисколько не заботясь.

И, плача, будет он блуждать среди пустынных мест,
Покуда пес не загрызет иль волк его не съест!»

А сыновья ему в ответ: «К чему такие речи?
С Юсуфа мы не спустим глаз, идти нам недалеко.

Чего ж бояться? Даже лев нам не страшней лисы,
Отступит волк, увидев нас, и струсят злые псы.

Мы брата младшего, поверь, и любим, и храним,
Не бойся, никакой беды не приключится с ним!»

Глава шестая,

*в которой рассказывается о том, как вероломные братья
увели Юсуфа в пустынную степь и как обагрились их
кинжики кровью невинного*

Так, разрешение получив, коварные злодеи
С Юсуфом по тропе степной отправились скорее.

Пришли туда, где ни души, решили поспешить
И сговорились сообща убийство совершить.

«Сон, говорят, увидел ты, что станешь властелином?» —
Глумиться начали они над юношей невинным,

Рубашку сдернули с него и вынули кинжалы,
Как пчелы, что вонзить спешат отравленные жала.

Врасплох застигнут был Юсуф, и от кровавых ран,
Подобно розе, алым стал его прекрасный стан.

Напрасно братьев он в слезах молил о милосердьи,
Никто не стал его жалеть, не стал спасать от смерти.

На помощь начал звать Юсуф в отчаяньи, в тоске,
Но тщетно ждал кого-нибудь узреть хоть вдалеке.

От воплей жалостных его кругом травинки тлели,
Но ни рыданья, ни мольбы не достигали цели.

Сквозь пелену горячих слез, бежавших из очей,
Несчастный зрел перед собой лишь братьев-палачей.

Упал израненный Юсуф, лежал, как труп, недвижим,
Потом заплакал, злой судьбой мучительно обижен.

«Зачем,— воскликнул,— я не внял предчувствиям отца?
Ужель умру — и не смогу узреть его лица?..»

Сказали братья: «Ты отца не поминай напрасно,
Подумай лучше о душе — душе своей несчастной».

А самый злобный подошел и длинный нож извлек,
На грудь Юсуфу наступил, занес над ним клинок.

Он брату голову отсечь совсем уже собрался,
Но на него взглянул Юсуф, взглянул — и засмеялся.

И с изумленьем брат спросил: «Да что с тобой, глупец?
О чем смеешься, если ждет мучительный конец?»

Ему отвечивал Юсуф: «Да, на глупца похож я —
Считал защитниками вас, а было это ложью.

И вправду мой отец мудрей и прозорливей всех,
Ему не внял я — и теперь умру за этот грех!..»

Глава седьмая,

в которой рассказывается о том, как жестокие братья решили не убивать Юсуфа-хазрата, а кинуть его в глубокий, заброшенный колодец

Три старших брата, подойдя, другим сказали властно:
«Довольно! Нужно ль кровь его нам проливать напрасно?»

Чтоб с ним покончить навсегда, немного остается:
Связать и схоронить на дне глубокого колодца.

Там и без нас погибнет он — не надо рук марать,
Исчезнет он с лица земли, не явится опять!»

Колодец был невдалеке, — старинный род Шаддода
Когда-то выкопал его для нужд всего народа.

Теперь колодец брошен был, — среди песков степных,
Он оставался в стороне от всех жилищ людских.

Был, верно, в тысячу локтей колодец глубиною,
Селились змеи в нем, прельстясь водою ключевою.

К его угрюмому жерлу, связав покрепче руки,
Юсуфа братья привели на горе и на муки.

И слезы жгучие из глаз страдальца потекли,
Он перед братьями с мольбой склонился до земли.

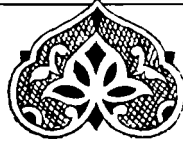
«Не мучьте! — умолял Юсуф сквозь горькие рыданья. —
Зачем понадобилось вам продлить мои страданья?»

В колодце мрачном, под землей страшнее, чем в могиле,
Уж лучше сразу бы меня кинжалом вы убили!»

Так плакал и молил Юсуф, простершийся в пыли,
Но братья были холодны — к мольбам не снизошли,

Швырнули юношу в жерло зловещего колодца,
Уверенные, что никто оттуда не спасется.

Глава восьмая,

в которой рассказывается о том, как братья, взяв рубашку Юсуфа, испачкали ее кровью козленка и объявили Якубу, что его любимец съеден волком

Шли братья весело домой, не чуяли тревоги,
Смеясь, зарезали они козленка по дороге.

И чтобы грех ужасный скрыть да заслужить поблажку,
В крови испачкали они Юсуфову рубашку.

Когда ж к селенью подошли, подняли крик и вой,
Как будто о беде большой скорбели всей душой.

В притворном горе на себе они одежды рвали,
А головы свои землей и пеплом посыпали.

Через селенье шли они и о своем несчастье
Вошли так, что у людей сердца рвались на части.

И, плач услышав, задрожал, вскричал Якуб-старик:
«Что с вами, сыновья мои? Что значит этот крик?»

А сыновья ему в ответ: «О наш отец любимый!
Мы согрешили, мы горим от боли нестерпимой!»

В степь мы ушли, увлечены чудесною дорогой,
А наш возлюбленный Юсуф от нас отстал немного.

Мы развлеченьям предались, забыв свой братний долг,
А на Юсуфа той порой напал свирепый волк!»

Едва о вести роковой узнал отец несчастный,
Из старческой его груди исторгся вопль ужасный.

Затрясся, зарыдал старик,— и, словно холодный труп,
Через мгновение упал в беспамятстве Якуб.

Так он недвижно пролежал до самого рассвета,
Казалась бездыханной плоть — душа блуждала где-то.

Тогда злоден сыновья, почуяв жгучий стыд,
Друг друга стали упрекать, заплакали навзрыд.

Друг другу молвили тайком: «О, что мы совершили!
Меньшого брата кровь пролив, мы тяжко согрешили!»

Но вот безрадостный рассвет зажегся, наконец,
И на заре пришел в себя седой Якуб-мудрец.

«Где мой Юсуф? — он застонал.— Мой агнец
ненаглядный!
Увы, какую стала жизнь тоскливой, безотрадной!..»

Так плакал и скорбел Якуб,— и от его рыданий
Скорбеть и плакать принялись все люди в Ханаане.

И говорили: «Наш Юсуф был полною луной,
Но черной тучей он закрыт, покинул мир земной!»

А над испачканной в крови Юсуфовой рубашкой
Сидел рыдающий Якуб, объятый скорбью тяжелой.

Потом рубашку оглядел: хоть и в крови была,
Но никаких следов борьбы — со всех сторон цела!

Надежда разгорелась вдруг в Якубе досточтимом:
«То был не волк! Мой бедный сын остался невредимым!

Ведь если б вправду волк напал, то хищные клыки
Рубашку сына моего порвали бы в клочки!»

Но возразили сыновья: «Чтоб в правде убедиться,
К тебе мы волка приведем, увидишь, кто убийца!»

И в путь отправились они, на волчий след напав,
А летом у степных волков миролюбивый нрав.

Поймали волка хитрецы — и кровь по волчьей пасти
Размазали, как будто он виновен был в несчастье.

Приволокли его домой, Якубу показали.
«Вот он, преступник и злодей! — отцу они сказали.—

Вот кто Юсуфа погубил, полакомился властью,
Не скрыть ему своей вины: покрыта кровью пасть!»

На волка стал кричать Якуб: «Эй, негодяй проклятый!
Зачем ты сердце мне пронзил мучительной утратой?

Зачем Юсуфа ты загрыз, убийца, живоглот?
Я уничтожу и тебя, и весь твой злобный род!..»

Глава девятая,

*в которой рассказывается о том, как пойманный волк,
неожиданно обретя дар речи, дал клятву, что не он погубил
Юсуфа-хазрата*

«Постой! — вскричал внезапно волк. — Помедли ради бога!
О, пощади, не проклинай, послушай хоть немного!

В убийстве не виновен я — чем хочешь поклянусь,
А прикажи — тебе открыть всю правду я берусь.

Твои сыны меня поймать недаром поспешили,
Испачкали мне кровью пасть, оклеветать решили.

Но им от кары не уйти, не скрыть своей вины, —
Перед Юсуфом и тобой грешны твои сыны!

Я только гость в твоей стране, — покинув край родимый,
Давно скитаюсь я, судьбой безжалостно гонимый.

Был пойман, приведен сюда мой милый младший брат,
Решил я бедного спасти — убить его хотят!

О, помолись, седой мудрец, чья речь благословенна,
Чтоб смог я брата отыскать, освободить из плена.

Тогда я тоже помолюсь, мой добрый господин,
Чтоб возвратился твой Юсуф, твой ненаглядный сын!»

Вскричал взволнованный Якуб: «Скажи, о волк чудесный:
Где мой Юсуф? Кто взял его? Какой злодей бесчестный?»

Но возразил упрямый волк: «Об этом промолчу, —
Доносчиком среди волков прослыть я не хочу!»

Заплакал старец... «Где Юсуф?» — он вопрошал у волка,
Но тщетно умолял его — не мог добиться толка.

Тогда сказал Якуб: «Прощай! Счастливого пути!
Желаю братца своего тебе скорей найти!..»

И снова в степь умчался волк, а плачущий старик
На ложе скорби и тоски в отчаянье поник.

Глава десятая,

*в которой рассказывается о том, как почтенному купцу
Малику приснился вещий сон, возвестивший о встрече с
неведомым прекрасным юношей*

В те дни на нильском берегу один язычник жил —
По всей египетской земле купцом богатым слыл.

Бездушных идолов он был поклонником усердным,
И все ж остался дух его правдивым, милосердным.

Товаров множество имел, в богатстве жить привык —
Таков почтенный был купец по имени Малик.

Вот как-то раз его в ночи виденье посетило:
К нему спустилось с высоты полдненное светило

И спряталось ему в рукав — чуть не прожгло насквозь,
И груди перлов рассыпать бесценных принялось.

Проснулся, вздрогнул, вспомнил он свой сон необычайный,
Сказал: «Да будет этот сон моей заветной тайной!»

Потом к гадалею пошел, взволнован и смущен,
И тот подробно разъяснил чудесный этот сон:

«Знай: дивный юноша живет в далеком Ханаане,—
Ни на земле, ни в небесах прекрасней нет созданий.

Мудра, правдива речь его — подобна райской песне,
Весенней ласковой луны лицо его прелестней.

Блажен и счастлив, кто хоть раз на это чудо глянет,—
И этот юноша святой твоим богатством станет!

Конечно, в Ханаан ведет нелегкий, дальний путь,
Но все затраты сможешь ты сторицею вернуть.

И не тревожься, что сперва убытки понесешь,—
Богаче многих станешь ты владетельных вельмож!»

Глава одиннадцатая,

в которой рассказывается о том, как купец Малик отправился в Ханаан и как сбылось предвещание — удивительно и неожиданно встретился он с Юсуфом-хазратом

Шел много дней купец Малик,— с богатым караваном
Достиг он края наконец, что звался Ханааном.

Стремясь жемчужину найти, что так его манила,
До отдаленнейшего он добрался бы светила.

Так жаждал цель свою найти, что, разлученный с ней,
День ото дня казался он несчастней и грустней.

А время шло своим путем: прошло три дня, три ночи
С тех пор, как юноша Юсуф покинул дом свой отчий

И в глубь колодца брошен был,— пришел заветный миг,
Когда Юсуфа наконец узрел купец Малик.

Остановившись на привал вблизи того колодца,
С тоской он думал: «Долго ль мне искать еще придется?»

К колодцу подошел купец, в жерло сырое глянул,
Сиянье увидал на дне — взволнованно отпрянул.

То был Юсуф: его лицо и в сумраке унылом
Казалось ярким, как луна, неведомым светилом.

«Вот чудеса! — вскричал Малик.— Поближе бы взглянуть!
А вдруг воды целебной мне удастся зачерпнуть!..»

Ведерко кожаное взяв с привязанной веревкой,
Его в колодец опускать он стал рукою ловкой.

И понял тотчас же Юсуф: счастливый этот случай
Избавит, может быть, его от смерти неминуемой.

Веревку юноша поймал — схватил рукой поспешной,
Уселся на ведро верхом, повис во тьме кромешной.

Тем временем купец Малик веревку вверх тащил,
Пытался вытянуть ведро — но не хватало сил.

Два верных силача раба его сопровождали, —
Таких могучих силачей едва ли вы видали.

Немедля этих двух рабов велел позвать купец,
И силачи поднять ведро сумели наконец.

Взглянули люди — и на миг застыли, онемели:
Красавца дивного глаза их грешные узрели.

Такой звездою он блистал, что чувств лишились люди,
И весть повсюду пронеслась о небывалом чуде.

Когда ж в себя пришел Малик, издал счастливый крик —
Воскликнул, радостью светясь: «О долгожданный миг!

Вот и сбылся мой вещий сон — был прав истолкователь,
Свершилось все, что предсказал египетский гадатель:

Убытки долгого пути с лихвой я возместил —
Раба добыл я, чье лицо чудесней всех светил!»

Глава двенадцатая,

в которой рассказывается о том, как братья, придя к колодцу, удивились, что Юсуф остался невредим, и как решили продать его богатому иноземному купцу

Полюбоваться торопясь находкою неожиданной,
Вокруг Юсуфа собрались все люди каравана.

И расшумелись так, что к ним из ближнего селенья
Якуба грешные сыны сбежались в изумленье.

Толпу заметили они, к колодцу повернув,
И видят: жив и невредим, стоит в толпе Юсуф.

На братьев поглядел Юсуф — душа затрепетала,
Луноподобное лицо желтей соломы стало.

А братья, торопясь к нему, шагали напрямик,
И дрогнул в ужасе Юсуф, издал тоскливый крик.

Тут обратился к ним купец: «Достойнейшие братья!
Как видно, этот отрок — ваш, не стану возражать я.

Но так невнятна ваша речь, что не могу понять:
Как поступить хотите с ним — забрать или продать?»

Сказали братья, поклонясь: «Ты прав, ходжа почтенный.
Он наша собственность, наш раб негодный и презренный.

Три дня, как он сбежал от нас — работать не хотел,
И обнаружилось теперь: в колодце он сидел!

У нас он вырос, и о нем сказать мы точно можем:
Лишь с виду кажется хитрец учтивым и пригожим.

Он лжец, он на руку нечист, еще и зол притом,
Все скверное, что в людях есть, соединилось в нем.

Нет, нам не нужен этот плут, продать его желаем,
Но только с тем, чтоб он навек расстался с нашим краем.

Купи, почтеннейший, его да забирай с собою,
А цену можешь сам назвать — согласны мы с любою.

Всю жизнь мы терпим от него убыток да позор,—
Бери его — не нужен нам такой лентяй и вор!»

И снова заговорил Малик: «Любезнейшие братья,
Дирхемов двадцать мог бы вам наличными набрать я».

«Согласны! — братья говорят.— Плати и забирай,
И пусть уйдет негодный раб с тобою в дальний край!»

Глава тринадцатая,

*в которой рассказывается о том, как почтенный купец
Малик купил Юсуфа за двадцать дирхемов, и о том, как
братья посоветовали сковать Юсуфа цепями*

Так завладел купец Малик чудеснейшим товаром —
Свои дирхемы в этот день потратил он недаром.

Когда ж он деньги передал и куплю совершил,
Пришел в волнение и забрать Юсуфа поспешил.

И снова к братьям подошел и, поклонившись низко,
«О свечи юности! — сказал.— Нужна от вас расписка

О том, что куплен этот раб и по какой цене,
Дабы свидетельство иметь об этой сделке мне».

Расписку выдали купцу и так сказали братья:
«Смотри ж, о чести и добре нет у него понятия.

Не ошибись, ходжа: он зол, упрям и нелюдим,
Да не пойдут нам деньги впрок, коль ложно говорим.

Надень-ка лучше цепь ему на руки и на шею,
Чтоб по дороге не сбежать смутьяну и злодею.

А чтоб от злобы исцелить, держи голодным, голым
Да постоянно изнурай его трудом тяжелым.

Послушай нас: ты смел, ходжа, но за рабом следи —
Его до вильских берегов на привязи веди».

Глава четырнадцатая,

в которой рассказывается о том, как был закован в цепи несчастный Юсуф, как повезли его на чужбину и как увидел он по дороге могилу своей матери

Совет понравился купцу,— и, помолившись богу,
Юсуфа цепью он сковал и двинулся в дорогу.

Вот поравнялся караван с неведомой могилой,
Забилось сердце у раба с мучительною силой.

Могилу матери узнал сидевший на верблюде
Юсуф несчастный — и скорей, пока не видят люди,

На землю прыгнул, по буграм песчаным побежал,
К надгробью, плача и дрожа, лицо свое прижал.

Зоя с любовью мать свою, рыдая и тоскуя,
Стал горько обличать Юсуф неправоту людскую:

«О мать прекрасная моя! Ты всех добрее, мать!
В жестоких путах плоть моя принуждена страдать.

Друзьями цепи стали мне, вот-вот иссякнет сила,—
Будь ты живую, эту скорбь со мной бы поделила.

Смотри: связали руки мне, как вору, за спиной.
О, что за горе и позор! О, что творят со мной!

Ах, в рабство продали меня, уводят на чужбину,—
Так пробудись и погляди — приди на помощь сыну!

О мать! Страданиям моим и мукам нет числа,
В жестокий час тебя молю, чтоб ты мне помогла!..»

И пробудилась мать,— и был ее протяжный голос
Как зов измученной души, что с муками боролась.

Стонала мать: «О мой Юсуф, о свет моих очей,—
Достиг меня, обжег меня огонь твоих речей!

За что ты обречен, мой сын, на горе и терзанье?
За что тебе во цвете лет такое наказание?

Твой плач изранил сердце мне мучительной тоской,
Хоть и в могиле я давно, нарушен мой покой.

Вот мой совет: надейся, сын, упорно, неизменно,—
Надежда выведет тебя из горестного плена.

Запомни, сын, что в этот час тебе сказала мать:
Сейчас зовут тебя рабом, но шахом будут звать!..»

Глава пятнадцатая,

в которой рассказывается о том, как купец Малик отправил своего раба на поиски пропавшего юноши и как жестоко обошелся раб с Юсуфом-хазратом

Был радостен купец Малик, но вот, назад взглянув,
Увидел: на верблюде был, теперь исчез Юсуф.

И с гневом произнес Малик: «Каков неблагодарный!
Хотя и скован, а сумел сбежать хитрец коварный!»

Сказали правду мне о нем — он негодяй и плут,
А ну-ка гляньте на песок: куда следы ведут?»

Был у Малика черный раб — силач, каких немного.
Велел купец ему: «Скачи обратную дорогой!»

Поймай сбежавшего раба, мгновенья не теряя,
А чтоб вторично не сбежал, накажем негодяя.

Поймаешь — и тотчас ко мне вернешься с беглецом,
А я уж сам распоряжусь, что сделать с наглецом!»

Сев на верблюда, поскакал невольник чернокожий,
Угрюмый, молчаливый, злой, на дьявола похожий.

Подъехал и увидел раб: лицом к земле прильнув,
В тени могильного холма в тоске лежит Юсуф.

Несчастный, он из чаши пил разлуки и страданья,
И вырывались из груди протяжные рыданья.

Измучен, скован, разве мог сопротивляться он?
Стал бить его свирепый раб, силен и разъярен.

Когда же от ударов злых Юсуф совсем ослаб,
Сказал жестокий: «Будешь впредь умней, негодный раб!»

И дальше, в чужедальний край, поехал на верблюде
Юсуф несчастный,— и над ним, смеясь, глумились люди.

Глава шестнадцатая,

в которой рассказывается о том, как взмолился Юсуф-хазрат, жалуясь на свою горькую судьбу, и как обрушилась на караван беспощадная буря

Тогда в слезах Юсуф-хазрат воскликнул: «О творец,
Взгляни на горести мои — придет ли им конец?»

Нет никакой вины на мне, я чист душой и сердцем,
За что же скован я, избит, унижен иноверцем?

Доколе должен я страдать от этих горьких бед?
О, защити,— ведь у меня другой защиты нет!..»

Так он взывал,— и в тот же миг раздался гром нежданный,
И буйный ветер над тропой пронесся караванной.

До неба поднимая пыль, взметнулся смерч огромный,
И стал слепящий летний день похож на вечер темный.

Сверкали молнии во тьме, и низвергался град,
И, словно листья на ветру, дрожали стар и млад.

Такой был гром и так страшны порывы урагана,
Что сбились в кучу, будто скот, все люди каравана.

Вопили в ужасе они, что время наступило,
Что в небе грозный рог трубит владыки Азраила.

Как листья ивы, трепеща, с надеждою простясь,
Молились, плакали они, погибели страшась.

К Малику в страхе подбежал невольник чернокожий
И стал шептать: «О господин! То гнев, наверно, божий!»

Признаться, я чуть-чуть побил раба из Ханаана —
Решил мальчишку отучить от глупого обмана.

А он взглянул на небеса да что-то прошептал,
И сразу буря поднялась и гром загрохотал».

Узнав об этом, задрожал купец Малик в смятенье,
Перед Юсуфом наземь пал, обняв его колени.

«Прости меня! — вскричал Малик. — Не знал я, поспешил,
Будь милостив, — перед тобой я тяжко согрешил!

Скажи, чтоб кончилась гроза, дай совершиться чуду,
Не то погибнет караван и разорен я буду!..»

Глава семнадцатая,

в которой рассказывается о том, как прекратилась гроза и буря, как двинулся дальше караван и как благодарен был купец Малик своему рабу Юсуфу

«Да будет так!» — сказал Юсуф, склонив чело смиренно,
И прояснились небеса — прошла гроза мгновенно.

Исчезли тучи в вышине — рассеялись, как дым,
Весь мир зацвел и засиял под солнцем золотым.

Узрел Малик, что ветер стих, что больше нет угрозы,
И потекли из глаз его восторженные слезы.

Снял он с Юсуфа кандалы, ошейник снял позорный,
Сказал: «Отныне ты мой шах, а я твой раб покорный».

Юсуфа с головы до ног, как шаха, нарядил,
Его на лучшего коня с почетом посадил.

В дорогу двинулись они, — и после урагана
Казались радостней, бодрей все люди каравана.

И среди них сиял Юсуф на быстром скакуне,
Подобно блещущей сквозь пыль серебряной луны.

Шел впереди купец Малик, поглядывая зорко,
А сердце пламенело в нем от счастья и восторга.

Так шли они и день и ночь, без отдыха и сна,
Ни разу не сошел Юсуф с лихого скакуна.

А люди, помня о своем пережитом испуге,
Служили, кланялись ему, как ревностные слуги.

Глава восемнадцатая,

в которой рассказывается о том, как караван купца Малика спустился в Нильскую долину и как привел он своего раба Юсуфа на большой базар

На скакуне сидел Юсуф в роскошном одеянье,
И пребывал купец Малик в счастливом ожиданье —

Ему сопутствовал успех, он стал с богатством дружен,
Прекраснейшей он завладел из редкостных жемчужин.

И радовался всей душой, Юсуфа возлюбя, —
Кто видел ясный лик его, тот забывал себя!

Когда торговый караван сошел в долину Нила,
Юсуфа светлая краса все взоры ослепила.

Сливались звуки флейт и струн, тимпанов гром и звон,
И толпы, толпы вдоль пути стояли с двух сторон.

Одни, Юсуфа увидав, на миг теряли разум,
Другие принимались петь, охвачены экстазом.

А кто, колени преклонив, склонялся до земли,
И слезы счастья по лицу горячие текли.

По злачным нильским берегам разнесся шум великий.
Повсюду слышалась хвала, восторженные крики:

«Явился юноша святой, светла его краса, —
Не райского ли нам гонца послали небеса?»

Да, половину красоты, что у творца имелась,
Юсуфу отдана была и в нем запечатлелась,

А остальную красоту создатель раздробил
И по частицам небольшим всем людям раздарил.

Достоин был царить Юсуф над всеми племенами,
Но все же им купец владел, как прочими рабами.

Вот и привез его Малик с рассвета на базар,
Задумав подороже сбыть свой редкостный товар.

И сразу вокруг него народ столпился пораженный,
Глядели с восхищеньем все: мужчины, дети, жены.

А пред толпой посредник встал, протяжно возглашая:
«Кто купит юного раба? Цена ему большая!»

Кто мерой в человечесий рост отмерит самоцветы,
По праву сможет обладать жемчужиною этой.

Эй, горожане, смысла нет завидовать напрасно,
Коль завладеет знатный хан жемчужиной прекрасной.

Чудесен раб, но и цена безмерно велика,—
Так полюбуйте на него хотя б издалека!»

*Глава девятнадцатая,
в которой рассказывается о том, как дочь магрибского
падишаха прекрасная Зулейха встретила и беседовала
во сне с Юсуфом-хазратом*

В те времена в Магрибе жил преславный падишах,
Умело правил он страной и побеждал в боях.

Кяфыром был он, но душой и справедлив, и честен,
И верен слову своему, и мудростью известен.

Да, благородный человек держать обязан слово,
Будь он богач из богачей иль сын раба простого.

Таков был этот властелин, удачливый в делах,
Владевший воинством большим, могучий Теймус-шах.

У падишаха дочь была, пленявшая сердца,—
Купили б солнце и луна красу ее лица.

Она светилась, как заря, не зная заката,
Была учтива и скромна и знаниями богата.

Любил и не спешил отец ей выбрать жениха,
В тиши красавицей росла дочь шаха — Зулейха.

Однажды ночью вещий сон красавице приснился:
Подобный солнцу кто-то к ней в объятия устремился.

И словно солнце и луна восторженно слились —
Так горячо она и он друг с другом обнялись.

И спросила Зулейха: «О, кто ты, гость нездешний?
Как звать тебя? Откуда ты, подобный розе вешней?»

Меня ты здесь всегда найдешь — в покоях или в саду,
Тебя же, если захочу, где я, скажи, найду?..»

Ответил юноша: «Узнай, о мой цветок прекрасный —
Я щедрых нильских берегов правитель полновластный.

Увы, сулят нам небеса немало испытаний,
Нас годы горестные ждут бесчисленных страданий.

Нужда, болезни, тяжкий труд, насилие, зависть злая —
Сменяться будут сотни бед, обоих нас терзая.

Но годы счастья и для нас настанут наконец,
И будет радостным союз двух любящих сердец!..»

С восторгом слушала его, дрожа и замирая,
И пробудилась ото сна красавица младая.

И сразу начала пылать, тоской любви томима,
И вскоре стала боль ее, как пламя, нестерпима.

Металась бедная, рвала атласный ворот в клочья,
Лицо измазала землей, рыдала днем и ночью.

И к доброй матери пошла — и ей наедине
В слезах поведала тайком об этом дивном сне.

А мать сказала обо всем державному супругу,
Чтоб исцеленье он нашел любовному недугу.

И стали оба размышлять, как дочери помочь,
Забыв о радостях мирских, томясь и день и ночь.

Меж тем страдала Зулейха, в огне любви горела —
Казалось, на одном костре сгорят душа и тело.

И вот почтенный Теймус-шах к решению пришел,
Своих советников созвал, такую речь повел:

«К далеким нильским берегам посланца снарядите,
Азизу мудрому письмо вы с ним передадите.

Кто может быть причиной слез любимицы моей?
Конечно, тот, кто всех мудрей, богаче и знатней.

А кто же больше, чем Азиз, богат и уважаем?
Вот почему письмо ему с надеждой отправляем.

Он щедрых нильских берегов правитель полновластный,
И наши семьи породнить мы с радостью согласны.

Найдите лучшие слова изысканнейшей речи,
Чтоб и воздать ему почет, и пожелать с ним встречи.

Так напишите: всей родни он станет нам дороже,
Любим он будет, словно сын, и чтим, как вестник божий.

И, помня, что в родном краю он всемогущ, как шах,
Добавьте: «И добро, и зло — все у тебя в руках!»

Богат Азиз — его казна подобна океану,
Опорой крепкой служит он великому Реяну.

Хоть и считается Реян владыкой всей страны,
Нет власти у него такой и нет такой казны!»

Вельможи, беки собрались, ученые седые —
Пергамент взяли дорогой, чернила золотые

И написали сообща роскошное посланье,
В нем благородно изложив заветное желанье.

Когда же грамота сия написана была,
С бесценным свитком в дальний край отправили посла.

*Глава двадцатая,
в которой рассказывается о том, что изрек почтенный пра-
витель Азиз, когда прочитал послание преславного ма-
грибского властелина Теймус-шаха*

Спешил посол, терпел в пути невзгоды и мученья,
Но ни на миг не забывал о важном порученье.

Провел в дороге много дней, не отдыхал гонец
И вот до нильских берегов добрался наконец.

Вот пред Азизом он предстал и, преклонив колени,
Ему послание вручил, дрожащий от волненья.

Послание развернул Азиз и после первых строк
«Какая радостная весть! — взволнованно изрек. —

Письмо с начала до конца возвышенно, прекрасно,
Писал великий человек — мне сразу стало ясно!»

Созвал он беков, сообщил им суть того посланья:
«Письмо чудесное! — сказал. — В нем аромат свиданья!

Составьте тотчас же ответ в достойнейших словах,
Начните так: «О мудрый друг, преславный падишах!

Благодарю от всей души тебя, великодушный,
Отныне ты — мой господин, а я — слуга послушный.

Всем странам ты приказы шлешь, все знают о тебе,
Ты не забыл и обо мне — покорнейшем рабе.

Чистосердечное письмо в счастливый день прислал ты,
Нам всем неслыханную честь сегодня оказал ты.

Тебе поклон низжайший шлю, согласие даю —
Как дар бесценный в жены взять готов я дочь твою!»

Глава двадцать первая,

в которой рассказывается о том, как могучий и преславный Теймус-шах, получив ответ от почтенного Азиза, решил послать ему свою любимую дочь Зулейху

Обласкан, счастлив был посол,— и, помолившись богу,
Назавтра же он поспешил в обратную дорогу.

Забыв про отдых, ехал он равниной необъятной
И драгоценный свиток вез — ответ благоприятный.

В пути страдал, одолевал то горы, то пустыню,
Пока не прибыл наконец в магрибскую твердыню.

Измучен был посол,— и все ж, собрав остаток сил,
Он падишаху свиток сей немедленно вручил.

Когда властитель прочитал ответное посланье,
Возвеселился всей душой: сбылось его желанье!

Велел он двери отворить подвалов потайных —
Рубины, золото, жемчуга достал из кладовых.

Достал и утварь, и ковры, и дорогие ткани —
Дары, что утоленьем стать могли любых желаний.

Велел палатки и шатры готовить властелин,
А для прекрасной Зулейхи — роскошный палаккин.

Вот погрузили наконец на тысячу верблюдов
Богатый груз — от жемчугов до золотых сосудов.

Но не сравниться всем дарам бесчисленной казны
С лицом невесты молодой — прекраснейшей луны!

Поставлен был знатнейший бек главою каравана,
Отборным воинам была поручена охрана,—

И не каким-нибудь юнцам неопытным, а тем,
Кто и свою казну имел, и собственный гарем.

Простился с дочкой властелин, потом творца восславил,
Прося, чтоб счастье даровал и от невзгод избавил.

В далекий край решился шах отправить Зулейху,
И радовалась Зулейха, что едет к жениху.

Глава двадцать вторая,

в которой рассказывается о том, как Зулейха прибыла на нильские берега, и о том, что случилось с нею, когда она впервые увидела своего супруга Азиза

В путь отправлялась Зулейха, чтоб счастье отыскать,
И с плачем отправляли дочь седой отец и мать:

«Прощай, наш дивный самоцвет, прощай, дитя родное,
Страдать мы будем день и ночь, разлучены с тобою!

Но ты не хмурь луну лица и слезы осуши,—
Езжай, уж если таково желание души!»

И вот, в пути не обходя ни взгорий, ни ущелий,
Дорогой самую прямой они пустились к цели.

И покровительству судьбы покорно было счастье —
Ни разу не постигла их тревога иль ненастье.

Спокойно ехали они все дальше день за днем
И наслаждались от души чудеснейшим путем.

Им добрые проводники повсюду помогали,
Не покидала радость их в пути и на привале.

И пышных нильских берегов в один из ясных дней
Достигла пери наконец и все, что были с ней.

С утра в столицу донеслись волнующие вести,—
Азиз прославленный узнал о прибывшей невесте

И двинулся навстречу ей с толпой своих вельмож,—
Их блеск и пышность описать сравнений не найдешь!

Служанки старшие пред ним с молитвой ниц упали,
Казалось, радость расцвела, пришел конец печали,

И, строго вежливость блюдя, красив и величав,
Азиз к служанкам подошел, приветствие сказав.

Тут беки поднесли ему подарки дорогие,—
Возревновали небеса, узрев дары такие!

И в этот миг на гордый лик Азиза-женеха
Из паланкина в первый раз взглянула Зулейха.

Взглянула,— и внезапно с ней недоброе случилось:
Вскричала горестно она, поникла, чувств лишилась.

Служанки, пьянки, лекари к ней бросились тотчас
И видят: кровь, а не роса течет из юных глаз.

Тут с благовоण्याми сосуд прислужницы открыли —
Настоем розовым лицо страдальце омыли.

Почувствовала запах роз, очнулась Зулейха —
Лежала в полузабытьи, недвижна и тиха.

А вспомнила — и затряслась, вскочила, разрыдалась:
«Что делать мне? Куда идти? Что в жизни мне осталось?»

Покрылась роза грез моих жестокими шипами!
О, горе мне! Сама себя я ввергла в это пламя!

Хоть он и вправду этих мест правитель полновластный,
Но тот, что приходил во сне, был юноша прекрасный.

А этот стар, как мой отец!.. О, горе и позор!
За что постиг меня судьбы жестокий приговор!..»

«О розоликая моя! — кормилица вмешалась.—
Из-за тебя и я сама всем сердцем исстрадалась.

Прошу, луна моя, не плачь! Тебя люблю, как мать,
Готова ради слез твоих я в жертву жизнь отдать.

Терпению, стойкости учись! Нам думать надо вместе
О добром имени твоём и о семейной чести.

Достойною в желаньях будь — и верь, луна моя:
Кого желаешь, встретишь ты, коль встреча суждена!»

Вздохнув, решила Зулейха принять советы эти,
Но стала с той поры грустней всех любящих на свете.

Все, что Азиз ей подарил в знак щедрости своей,
Вельможным бекам раздала, оставшимся при ней.

Вот стали гости прибывать — под пестрыми шатрами
Отметить свадьбу собрались роскошными пирами.

И вскоре свадьба началась, шумна и весела,—
По-царски щедрою она, торжественной была!

Обряд был пышный совершен, певцы играли, пели,
В честь новобрачных сочинив касыды и газели.

А по коврам, на их пути рассыпали монеты,
Бесчисленные жемчуга и камни-самоцветы.

Уж если удалось добыть прекрасную луну,
Пусть видят: на нее не жаль истратить всю казну!

Решила дева жениху не причинять бесчестья,—
Вошел Азиз в ее шатер, приблизился к невесте.

Но, словно в камень превратясь, красавица сидела,
Казалось холоднее льда девическое тело.

О том, кто приходил во сне, душа ее томилась —
Могла ль другому оказать она любовь и милость?

И, отступив, решил Азиз: должно быть, с юных лет
Остаться девственной она дала святой обет.

Недель и месяцев с тех пор уже промчалось много,—
Томилась молча Зулейха под сводами чертога.

Благочестивым был Азиз — ей стал надежным другом,
Смирился с мыслью, что ему не быть ее супругом.

Семь лет, как ветер, пронеслись, как быстрая стрела,
Семь лет страдала Зудейха — страдала и ждала.

Глава двадцать третья,

в которой рассказывается о том, как справедливый правитель Азиз услышал о Юсуфе-хазрате и приказал купцу Малику привести юношу во дворец

В тот день стоял Юсуф-хазрат на праздничном базаре,
И быстро ширилась молва о редкостном товаре.

Ждал покупателя Малик. Меж тем о дивном чуде
Везде — от хижин до дворцов — заговорили люди.

Вельможи, слуги — все вокруг Азизу повторяли,
Что продается юный раб, каких найдешь едва ли:

Луну и солнце он затмил блистаньем красоты,
И можно разум потерять, узрев его черты.

Но велика его цена — ей тоже нет примера:
В рост человека, до краев наполненная мера,

А в этой мере быть должны не слитки, не монеты —
Чистейшие из жемчугов да камни-самоцветы.

Тогда Азиз изрек приказ: «Немедля в мой дворец
Столь драгоценного раба пусть приведет купец».

Купцу был передан приказ, — и вот, забеспокоясь,
Надел на юношу Малик цветной, узорный пояс.

Как шаха, нарядил раба — поярче, побогаче,
Как будто посадил его на скакуна удачи.

Пошли к дворцу, — кругом толпа, восторженные клики,
Как будто не обычный день, а праздник был великий.

Теснились тысячи людей, чтоб юношу узреть,—
В то утро многим довелось от счастья умереть.

Навстречу вышел им Азиз, суровый и надменный,
Воссел на золотой престол, высокий, драгоценный.

А стражи, растолкав народ, Юсуфа подвели,
И пред владыкой юный раб склонился до земли.

Взглянул и произнес Азиз: «О всемогущий боже!
Кто ты, красавец молодой, на ангела похожий?»

О, если не виденье ты, чудесное, святое,
Взойди ко мне и рядом сядь на кресло золотое!»

А сотни, тысячи людей — и женщин, и мужчин —
Толпились, ждали, что решит их грозный властелин.

Глава двадцать четвертая,

в которой рассказывается о том, как впервые узрела красавица Зулейха лучезарное лицо Юсуфа-хазрата и как узнала в нем того, кто приходил к ней в светлом сне

Меж тем в гареме Зулейха от глаз чужих таплась,
Но и она, услышав шум, невольно удивилась.

Служанку стала вопрошать: о чем кричит народ?
Что за волнение? Кто с утра собрался у ворот?

«О розоликая моя! — служанка отвечала,—
Раба-красавца продают, каких на свете мало.

Все горожане от него совсем сошли с ума,
На галерею поднимись да погляди сама.

Видна и площадь, и толпа сквозь маленькую дверцу,
На это зрелище взгляни, доставь усладу сердцу!»

Тогда поспешно Зулейха взошла на галерею,
Чтоб этого раба тайком увидеть поскорее.

Юсуфа светлое лицо красавица узнала —
Лишилась разума и чувств, шатнулась и упала.

Рванула ворот на себе и в клочья порвала,
Лицо осыпала землей — как мертвая была.

Кормилица явилась к ней, вздыхая от волнения:
«Не плачь, не мучь себя, луна, а наберись терпенья.

Храни молчанье — берегись, чтоб как-нибудь случайно
Не обнаружилась твоя позорящая тайна.

Ведь если честь не сбережешь и род свой обеславишь,
Какую радость ты врагам завистливым доставишь!

А главное — пускай Азиз об этом не узнает,
Иначе нас большой позор, изгнание ожидает.

Отдаться смерти хочешь ты, себя нещадно мучишь,
Но потерпи, дитя мое, — желанное получишь.

Бог за терпенье воздает, молись и день, и ночь,
Да, лишь терпенье может нам в страдании помочь!»

«О мать! — возвала Зулейха. — Ты слишком бессердечна!
Скажи мне лучше, как спастись от муки бесконечной?

Огнем душа обожжена, горит, пылает тело,
А ты желаешь, чтобы я молчала да терпела?»

Твердит кормилица в ответ: «Сначала поглядим,
Кто купит дивного раба, что дальше будет с ним.

Узнаем, кто получит власть над этим чародеем,
Тогда решение принять мы верное сумеем».

Меж тем в клокочущей толпе всё нарастали крики:
«Из рабства выкуни его, о наш Азиз великий!»

Блестает юноша святой умом и красотой, —
Достоин лишь Азиз владеть жемчужиной такой!»

Услышал выкрики Азиз и вызвал казначея:
«В хранилища моей казны отправься поскорее.

Спешь назад, из кладовой даров побольше вынув,
Ни яхонтов не пожалей, ни перлов, ни рубинов!»

Без колебаний свой товар ему вручил Малик,
Так юношу купил Азиз, — а выкуп был велик!

За всем гаремом наблюдать Юсуфу он доверил,
Велел, чтоб множество одежд нарядных он примерил.

Сказал ему: «Теперь зовись моим любимым сыном,
Но следуй истине всегда — ее путем единым».

Потом, явившись к Зулейхе, повел такую речь:
«Мы этот дивный дар судьбы должны с тобой беречь!»

Глава двадцать пятая,

*в которой рассказывается о том, как томилась и мучилась
Зулейха, пылая любовью к Юсуфу, и как послала к нему
свою верную кормилицу*

Так, связанная, как ремнем, Юсуфовым служеньем,
Томиться стала Зулейха тоскою и смятеньем.

Казалось, жадный жар любви ее спалит дотла:
Пылала день и ночь она — не ела, не спала.

«Я гибну! — молвила она кормилице любимой.—
Боль все пределы превзошла и стала нестерпимой.

Меня безумие любви сжигает день и ночь,
Огонь, палящий душу мне, нет силы превозмочь!

Ступай, Юсуфа отыщи, с ним тайно побеседуй —
Ему о вещем сне моем и о любви поведай.

Открой ему, как мучусь я, судьбу свою кляня,—
Хоть краем глаза, хоть разок пусть глянет на меня!..»

Пришла к Юсуфу в тот же день кормилица неожиданно,
Сказала: «В том, что расскажу, не усмотри обмана.

Знай, вот уж восемь лет прошло, как Зулейха страдает,
Надеждой встретиться с тобой все горячей пылает.

Твой облик в дивном сне узрев, она в тебя влюбилась,
Покинула отца и мать, в далекий путь пустилась.

Так очутилась Зулейха в безрадостной неволе,
С тобой в разлуке слезы льет от непрерывной боли.

К душе спаленной снизойди, хоть взглядом одари,—
Пусть солнце встретится с луной в час утренней зари!»

Сказал взволнованный Юсуф: «Ах, в этом мире бренном
Свободным я когда-то был, а стал рабом презренным!»

Давно ли я в родном краю был молодым эмиром,
Теперь в чужой стране живу униженным и сирым.

По воле неба разлучен с возлюбленным отцом,
Был шахом я, а нищим стал, безвестным пришлецом.

О, если раньше Зулейха во сне меня видала,
То ведь и я во сне видал ее без покрывала.

А смысл пророческого сна: сулит суровый рок
Нам годы горестей, обид, мучений и тревог.

Сказал мудрец: всему свой срок! И в ожиданье срока
Мы день за днем, из года в год должны страдать жестоко.

Но верю я, что небеса и нам окажут милость:
Все обретем в конце концов, к чему душа стремилась.

Терпенье надо проявить, благоразумным быть,—
Когда решается судьба, нельзя сплеча рубить!»

Глава двадцать шестая,

*в которой рассказывается о том, как верная кормилица,
возвратясь к несчастной Зулейхе, передала ей правдивое
признание Юсуфа-хазрата*

«О розоликая моя! — кормилица сказала.—
Да буду жертвою твоей, узнала я немало!

Я душу видела его, повергнутую в муки,
По воле неба страждет он, живя с тобой в разлуке.

Ему решилаь о тебе сказать я все, что знаю,
А он ответил: «День и ночь давно и я страдаю.

Огонь разлуки жжет меня! Но терпеливым быть
Я слово дал,— судьбу свою опасно торопить.

Являлась Зулейха и мне виденьем потаенным
В те дни, когда еще жила в Магрибе отдаленном.

Увы, познать немало мук и тяжких испытаний
Нам суждено — и лишь в конце достичь своих желаний.

Терпенье, выдержка нужны,— ждет единенье нас,
Но только через много лет наступит этот час!..»

И, разгорясь от этих слов, как вспугнутое пламя,
Затрепетала Зулейха и залилась слезами.

Вскричала, плача и дрожа: «Теперь мне все открылось,—
Правдивым был мой вещий сон: что снилось, то случилось!

О, скоро ль встречи светлый день наступит, наконец,
И навсегда скрепит союз двух любящих сердец?..»

А ей кормилица: «Не плачь, душа моя, напрасно —
Всевышнего благодари, молись ему всечасно.

Будь терпеливой — и судьба воздаст тебе за это:
Еще с любимым будешь ты с рассвета до рассвета.

Крепись, держи себя в руках, забудь тоску и страх,
Долготерпение твое вознаградит аллах!..»

Вот так страдала Зулейха по воле всеблагого,
В жестоком пламени любви сгореть была готова.

А время шло, тоскливых дней тянулась вереница,
Стремилась с милым Зулейха скорей соединиться.

Но не поддался ей Юсуф, себя достойно вел,—
Надежду, силу, правоту он в стойкости обрел.

*Глава двадцать седьмая,
в которой рассказывается о том, как жены знатных беков
хотели образумить Зулейху и как были они сами пораже-
ны красотой Юсуфа*

Когда о страсти Зулейхи шептаться всюду стали,
Воззвали жены беков к ней в тревоге и печали:

«Ужель пылаешь ты к рабу такой любовью страстной?
Ужель ты хочешь, как Лейли, стать навсегда несчастной?»

Себя позоришь ты, забыв супружеский обет,
Тебя осудит мир людской на много-много лет!..»

Передала им Зулейха: «Немедля приходите
И все, что беспокоит вас, со мною обсудите.

Хочу, чтоб выслушали вы признания мои,—
Быть может, облегчите мне страдания мои!..»

Сошлись они у Зулейхи, в ее богатом зале,
Степенно сели перед ней, вести беседу стали.

И каждой гостье Зулейха, дав апельсин и нож,
«Отведай,— молвила,— взгляни, как этот плод хорош!»

«Скажи, владычица моя,— кормилица спросила,—
Нельзя ли, чтобы ты сюда Юсуфа пригласила?»

Пусть видят все, дивятся все его глазам-нарциссам,
Любуются его лицом и станом-кипарисом!»

И вот, как яркая луна, чертоги озарив,
Юсуф правдивый, мир над ним, явился на призыв.

Узрев Юсуфову красу, все жены в пышном зале
Таким мучительным огнем внезапно воспылали,

Что руки, как в немой мольбе, к прекрасному простерли, —
Глаза наполнились росой, слова застыли в горле.

А те, кто резал апельсин, забывшись поневоле,
Ладони резали себе, не чувствовали боли.

Когда ж заметили они, что пальцы их в крови,
Склонились перед Зулейхой, постигли власть любви.

Исчез тем временем Юсуф, — но за одно мгновенье
Познали жены, как сильно любовное мученье.

Стыда исполнились они, слезами залились,
Перед несчастной Зулейхой виниться принялись:

«Прости, о лучшая из роз в саду блаженной жизни!
Как слепы были мы в своей надменной укоризне!

На тех, кто упрекал тебя, теперь взгляни сама:
От блеска дивной красоты и мы сошли с ума!..»

«Не плачьте! — Зулейха в ответ. — Беду мою поймите,
Но только в пламени любви смотрите не сгорите.

Вас лишь мгновение одно сумело с ног свалить,
А я должна и день и ночь в таких мученьях жить.

О, знайте, женщины, любовь сжигает все живое,
Нет силы охладить любви дыханье огневое.

Способно даже небосвод пробить пыланье страсти,
Мир — от небес до дна морей — весь у нее во власти.

И даже ангелы в раю не даром пали ниц
Пред человеком, чья любовь не ведает гранц!»

Глава двадцать восьмая,

в которой рассказывается о том, как прекрасная Зулейха воспользовалась отсутствием супруга и пожелала достичь соединения с Юсуфом-хазратом

Так днем и ночью Зулейха по воле всеблагого
Горела в пламени любви — сгореть была готова.

Ночами столько слез лила, страдала столько дней,
Что ни терпенья, ни стыда не оставалось в ней.

«Спаси меня! — так Зулейха кормилице сказала.—
Ждать не желаю, чтоб душа погибла, пеплом стала.

Ужель я заживо сгорю в безжалостном огне?
Нет слов, чтоб муки описать, доставшиеся мне!

Ступай, Юсуфа приведи, не слушай отговорок,
Пойми: сегодня каждый миг, подобно жизни, дорог.

Пускай потом любой позор изведать суждено,
Пускай погибнуть суждено — теперь мне все равно!..»

Была кормилица умна — вошла к Юсуфу смело.
«Скорей! — сказала.— Госпожа позвать тебя велела!

Брось все дела, поторопись, минуты зря не трать,
Приди немедленно! — это все, что велено сказать».

Повиноваться должен раб,— вошел Юсуф в палаты,
Что были, будто рай земной, прекрасны и богаты,

И воплощенном живым соблазна и греха,
Как пери, в том земном раю блистала Зулейха.

На пышном ложе, в глубине узорчатого зала,
На шелк подушек опершись, прелестница лежала.

Казалась перстнем Зулейха, чье злато — красота,
И в лалах, в жемчугах была роскошная тахта.

Царила тишина вокруг, и в этом пышном зале
Ничьи нескромные глаза их встречи не видали.

Молчал Юсуф, ошеломлен, стоял не шевелясь,
Впервые женской красоте взволнованно дивясь.

А радостная Зулейха, в свою удачу веря,
Поспешно встала — заперла узорчатые двери.

Юсуфа за руку взяла, забыв и стыд и честь,
Ему на пышную тахту велела рядом сесть.

Был пуст дворец, заманчив плод, — и молодая сила
Впервые в юноше святом в тот миг заговорила.

Лукавый дьявол стал дразнить его мужскую плоть,
И запылал Юсуф — не мог соблазна побороть.

А хитрый бес все разжигал любовное мученье,
В невинном сердце распалил греховное влечение.

На ложе рядом с Зулейхой он юношу поверг, —
Поплыл в глазах его туман и белый свет померк.

Но в этот миг пред ним возник светящимся виденьем
Отец его, Якуб-хазрат, и прошептал с волненьем:

«Опомнись, милый сын Юсуф, не совершай греха, —
Ужель к благим моим словам душа твоя глуха?»

Ужель погрязнешь ты душой в разврате и обмане?
Опомнись, книгу не пятнай своих благих деяний!»

И книгу юноша узрел своих грядущих дел,
Но ни строки прочесть не смог — как сквозь туман глядел.

Тут с новой силой запылал огонь его любовный —
Юсуфа ослепил мечтой о близости греховной.

Неудержимо возрастал его безумный пыл,
Еще мгновенье — он бы грань греха переступил.

Но в этот миг Азиз возник мучительным виденьем.
«Неблагодарный! — молвил он с суровым осуждением.—

Я сыном называл тебя, от рабской доли спас,
Ужели осквернишь мой дом и опозоришь нас?..»

Тогда опомнился Юсуф и, рухнув на колени,
Взмолился, к небесам воззвал в тоске и исступленье:

«О милосердный! Со стыдом я зрю свою вину!
Зачем меня покинул ты у дьявола в плену?..»

Рванулся к выходу Юсуф из расписного зала,
А Зулейха, его обняв, в смятенье вопрошала:

«О, что с тобой? Куда исчез любовный твой порыв?
Не мучь меня! Мужчина ты, а робок и стыдлив!..»

Не слушал, прочь бежал Юсуф из адского горнила,
Вскочила с ложа Зулейха, в дверях его схватила,

Вценилась в шелковый халат, оскорблена и зла,
Но не сумела удержать — лишь ворот порвала.

Из двери выбежал Юсуф — навстречу новым бедам,
И с громким плачем Зулейха за ним бежала следом.

Случилось так, что в этот миг Азиз вошел в чертог,
Увидел их, но ничего сперва понять не мог.

Был изумлен Азиз, узрев супругу молодую —
Полуодетую, в слезах, дрожащую, босую,

Беду почуяв, поспешил за плачущей женой
И вскоре отыскал ее в палате расписной.

Вошел и видит: Зулейха у изголовья ложа,
Упав, рыдает и дрожит, на буйную похожа.

«О, что с тобой? — спросил Азиз.— Приди в себя, ответь:
Что вдруг заставило тебя так плакать и скорбеть?»

«Молчи! — вскричала Зулейха. — Ты видел все, я знаю!
Но если правду хочешь знать — из-за тебя страдаю!

Ты ханаанского раба купил и возлюбил,
А он, развратник и хитрец, бесстыдно поступил.

Его ты сыном называл, а он с желаньем грязным
Ко мне пробрался, распален коварством и соблазном.

Меня он за руку схватил, бесчестный вор и мразь,
И от насилья, от греха лишь чудом я спаслась!

Не совершил, хвала судьбе, он мерзостного дела,—
Его ударить по глазам бесстыжим я успела,

За ворот ухватив его, бороться начала
И так разгневана была, что ворот порвала.

Тут испугался негодяй и кинулся к порогу,
За ним я бросилась, людей скликая на подмогу.

Но не было вблизи ни слуг, ни стражей, ни вельмож,—
Я выбежала — и гляжу: навстречу ты идешь!..»

*Глава двадцать девятая,
в которой рассказывается о том, как был оклеветан Юсуф-
хазрат и даже правдивые слова младенца не смогли спасти
несчастного от позора и заточения*

Вскипел Азиз — и сгоряча, собою не владея,
Вскричал: «Зовите палача! Сейчас казним злодея!

Где подлый раб? Найти его! Сбежать не должен он!..»
Глядит — Юсуф в дверях стоит, печален, удручен.

«Не заслужил,— сказал Юсуф,— я слов твоих ужасных,
Да будет мне судьей творец, защитник всех несчастных.

Ты в гневе, ты не веришь мне, но чуть повремени:
Сначала выслушай меня — и лишь потом казни.

Будь милостив, владыка мой, законности радетель,—
Чтоб невинность доказать, есть у меня свидетель.

Шесть месяцев ему всего, грудной младенец он,
Но даром речи хоть на миг да будет наделен!»

Тотчас же приказал Азиз, чтоб принесли младенца:
«Посмотрим, истинны ль слова Юсуфа-чужеземца.

Свою невинность доказать ты хочешь, мерзкий вор,
Так пусть ребенок обличит твой грех и твой позор!»

И — чудо! — малое дитя по воле всеблагого,
Как попугай, чужую речь твердящий слово в слово,

Заговорило: «О Азиз! Не верь бесчестной лжи!
Халат Юсуфа осмотреть немедля прикажи.

Грех на Юсуфе, если впрямь его атласный ворот,
Как рассказала Зулейха, был спереди распорот.

А если сзади порван он, то все признать должны,
Что грех на совести твоей преступницы жены!..»

Примолк Азиз от этих слов, таких простых и точных, —
Глаголет истина сама устами непорочных.

К Юсуфу подошел Азиз — и сразу разглядел,
Что сзади порван ворот был, перёд остался цел.

Мгновенно понял властелин при виде той улики,
Что солгала ему жена, и в гнев пришел великий.

В гарем, нахмурясь, он вошел и, пред женою встав,
«Как это странно! — произнес. — Ужель младенец прав?

О недостойная, ты лжешь, и скорбь твоя притворна,
Не юный раб, а ты сама ведешь себя позорно.

Признайся лучше, а не то за этот страшный грех
Кинжал вонзится в грудь твою — убью тебя при всех!..»

«Стой! — возопила Зулейха. — Не колдовство ли злое
Заставить внятно говорить дитя, еще грудное?

Хитер твой ханаанский раб — умеет колдовать,
Скорей вели его схватить и в цепи заковать!

О мой Азиз! Не верь словам бродяги-инородца,
Иначе горько нам с тобой раскаяться придется.

На дно темницы брось его, он твой смертельный враг,
Пусть не пятнает клевета домашний наш очаг!..»

Увидев, что не верит муж бесчестному обману,
Пылая мщеньем, Зулейха отправилась к Реяну

И повторила свой навет, во всем раба вина,
И горько плакала, судьбу злосчастную кляня.

Стал утешать ее Реян, а под конец добавил:
«Презренный! Не тебя одну — он всех нас обесславил.

Пусть в подземелье, в кандалах окончит жизнь злодей,
А хочешь подлого убить — сама его убей!..»

Так снова небо, наш тиран, несчастье ниспослало,
Задумав твердость испытать чистейшего кристалла,

Под корень счастье подрубив, дорогу злу открыв,
Внушило ненависть к тому, кто светел и правдив.

Вновь нечестивцы обрекли на горе и мученье
Юсуфа — правды и добра живое воплощенье:

Сковали, бросили в тюрьму, заставили страдать,—
Так опозоренный Юсуф стал пленником опять.

Глава тридцатая,

в которой рассказывается о том, как Юсуф-хазрат был брошен в темницу и как стала мучиться Зулейха, обрекшая своего любимого на позор и страдания

Едва источник правоты и милосердных сил,
Безгрешный юноша Юсуф порог переступил,

Как тотчас темная тюрьма, зловонная, сырая,
Наполнилась дыханьем роз и отблесками рая.

Светлей и чище стало в ней, и легче — гнет оков,
А пол холодный, земляной стал мягче облаков.

Как будто ангел в мрачный ад осмелился спуститься
И оказался сам в цепях, под сводами темницы.

С мольбой взирали на него попавшие в тюрьму —
Бросались юноше к ногам и кланялись ему.

Светились радостью глаза, святыню лицезрея,
Струились слезы по щекам угрюмого злодея.

Как будто ясная луна взошла в крошечной тьме,
Чтоб озарять и ободрять страдающих в тюрьме.

Лишь только взор бросал Юсуф на жертвы заточенья,
Казалось, исчезали вдруг их цепи и мученья!..

Но если юноша святой в тюрьме обрел покой,
Покой забыла Зулейха, объятая тоской.

Был дух в смятенье, а лицо окроплено слезами,—
Стоял Юсуф и день и ночь перед ее глазами.

В отчаянье ни спать, ни есть бедняжка не могла,
Казалось, в пламени любви душа сгорит дотла.

В слезах стонала Зудейха: «О мой Юсуф любимый,
Из-за меня в темнице ты, отверженный, гонимый!

В оковах, голоден и бос, в гнилую рвань одет,
Опять, уже в который раз, ты тонешь в море бед.

Ах, от раскаянья душа горит, изнемогает,—
Уж легче смерть, чем эта боль, что грудь мою сжигает.

Сама не знала, что творю, о свет моих очей,
Отдав тебя на произвол жестоких палачей!

Но как признаюсь, что тебя со зла оклеветала?
Как вызволить тебя смогу из мрачного подвала?

О ты, не знавший никогда ни хитрости, ни лжи,
Добра и милости родник,— что делать мне, скажи?..»

Глава тридцать первая,

*в которой рассказывается о том, как Зулейха приказала
бить Юсуфа, пока он не закричит от боли — лишь бы сно-
ва услышать голос своего возлюбленного*

Сад, где Азиз воздвиг дворец и поместил гарем,
Был и роскошен, и душист, как сказочный Ирем.

Он местом для прогулок был, беспечных и приятных,
Здесь чудо-пери вдоль аллей гуляли ароматных.

А за оградю — тюрьма была невдалеке,
Где скованный Юсуф страдал в неволе и тоске.

Забывать старалась Зулейха о злополучной страсти,
В саду блуждала, — а душа так и рвалась на части.

И с искушением она мучительным боролась:
Услышать бы любой ценой Юсуфа милый голос!

Так исстрадалась Зулейха, была в такой беде,
Что не печалилась уже о чести и стыде.

Тогда, тюремщика позвав, красавица велела:
«Скорее к узникам ступай — тебе найдется дело.

Юсуфа вытащи на свет, избежь тяжелой палкой,—
Нет от него покоя мне, ничуть его не жалко!

Пуускай от боли покричит отъявленный блудник,
Порадоваться я хочу на плач его и крик!»

«О госпожа моя! — сказал тюремщик удивленный.—
Зачем так надобны тебе мольбы его и стоны?

Его в подвал швырнули мы, сковали цепью мы,—
Иль мало мучается он под сводами тюрьмы?»

«Ох, не могу в разлуке жить! — красавица призналась.—
Испепелила страсть меня, сил больше не осталось.

Раз повидаться средства нет с томящимся в темнице,
Хоть голос услышать бы мне, хоть этим насладиться!»

Был возмущен суровый страж, но возражать не стал —
Потяжелее палку взял, отправился в подвал.

Вошел, к Юсуфу подошел, ему признался честно:
«Тебе, наш праведник святой, да будет все известно.

Меня прислала госпожа со странным порученьем:
«Юсуфа палкою избей, предай его мученьям!»

Послушать захотелось ей, как плачешь ты в темнице!
Ну что на это скажешь ты? Чем можешь защититься?»

В ответ сказал ему Юсуф: «Взгляни, усердный страж,—
Я скован, слаб,— ужель меня мученьям ты предашь?»

Рабом беспомощным я стал, с отчизной разлученным,
Несчастливым узником я стал, в темницу заключенным.

А есть ли выход у раба, попавшего в тюрьму?
Повиноваться и молчать — все, что дано ему!»

Вскричал тюремщик: «О Юсуф, страдалец безутешный,—
Ужели будешь ты избит рукой моею грешной?»

И все же выход я нашел — во всем нужна смекалка:
По дереву я стану бить тяжелой этой палкой.

А ты к всевышнему взывай да глотки не жалей,
Чтоб долетал твой громкий крик до госпожи моей.

Пускай решит, что плачешь ты,— ведь из большого сада
Увидеть нас мешает ей высокая ограда».

И отвечал ему Юсуф: «Я пленник твой покорный,
Хоть и ничем не заслужил судьбы своей позорной.

Но притворяться не могу — кричать не стану я,
Молиться буду, чтоб простил небесный судия!»

Тюремщик так и поступил: взял пленника младого,
Его поставил во дворе у дерева большого,

Тяжелой палкой по стволу с размаху начал бить,
Юсуф же громко принялся всевышнего молить.

На части сердце Зулейхи едва не расколосось,
Когда услышала она Юсуфа звучный голос.

Все громче он судьбу молил избавить от неволи,
А ей казалось: плачет он от ужаса и боли.

«Увы! — воскликнула она, и слезы заструились.—
С твоим лицом мои глаза навеки разлучились.

Но слышу я твой плач и стон — и снова жизнь мила,
И снова светел белый свет, я снова ожила!..»

Меж тем тюремщик по стволу стучал что было силы,
А Зулейха в душе своей Юсуфу так твердила:

«Теперь и я тебе смогла доставить боль и горе,
Передо мной ничтожней ты песчинки в бурном море!..»

Так радовалась Зулейха — и в свой дворец ушла,
И стала после многих дней впервые весела.

Глава тридцать вторая,

*в которой рассказывается о том, как тосковал Юсуф по
родному краю и как обещал ему вещий верблюд, что пойд-
дет в Ханаан и передаст привет Якову-хазрату*

Узнал Юсуф, насколько жизнь тюремная горька:
Стал другом тяжкий труд ему, наперсницей — тоска.

Как в тесной клетке попугай, в неволе он томился,
Душой к любимому отцу мучительно стремился,

Вдали от родины своей вздыхал и горевал,
В огне разлуки день и ночь пылал и изнывал.

Он из подвала выходил, из тьмы его подземной,
К тому стволу, который бил недавно страж тюремный,

И, к дереву прислонясь, рыдал, сдержать тоски не в силах,
О Ханаане дорогом — холмах и рощах милых.

И страдали все вокруг: мужчины, старцы, жены,
Увидев, как скорбит Юсуф, бедой своей сраженный.

Был страстно жаждущим Юсуф: сильнее с каждым днем
Он тосковал, чего-то ждал, сжигаемый огнем.

Однажды утром во дворе увидел он верблюда,
А появился тот верблюд неведомо откуда.

Под сенью древа он стоял, и — чудо! — даром речи
Был этот наделен верблюд — сказал по-человечьи:

«Знай, о Юсуф правдивый, знай: прошел я много стран.
А край, куда теперь пойду, зовется Ханаан.

Туда сегодня поутру я должен в путь пуститься,—
Могу привет я передать Якубу-ясновидцу!»

Так вещей говорил верблюд,— и, пристально взглянув,
Разумностью его речей был изумлен Юсуф.

Тут подошел хромой горбун — стал бить верблюда палкой,
Ругаться, издеваться стал, как над скотиной жалкой.

Но дрогнула земля,— и вот, как бы идя ко дну,
Преступник погружаться стал в земную глубину.

Сперва от страха онемел, потом вскричал несчастный:
«За что, за что назначен мне такой конец ужасный?»

За ворот он себя схватил, воскликнул: «Боже правый!
Будь милостив, прости мой грех, повремени с расправой!»

Молил он, плакал, но в земле все глубже увязал,
Как вдруг под деревом густым Юсуфа увидал.

Сказал Юсуф: «Узнай, горбун, беды своей причину:
Верблюда этого ты счел за глупую скотину.

А он куда умней тебя, он — вещей мой гонец,
И вот за свой жестокий нрав наказан ты, хромец!»

«О, горе! — возопил горбун.— Достоин я проклятья!
Но чтобы искупить вину, готов и пострадать я!

Пусть подойдет верблюд — и пусть, за грех меня казня,
Наступит на мои глаза и ослепит меня!..»

Едва он это произнес со всей сердечной страстью,
В одно мгновение пришел конец его несчастью,—

И слезы радости из глаз спасенного текли,
Когда перед Юсуфом он склонился до земли.

Тогда спросил его Юсуф: «Скажи мне, правоверный,—
Куда собрался путь держать? В далекий край, наверно?»

А тот в ответ: «О, как луна, сияющий султан!
Тот край, куда я путь держу, зовется Ханаан».

Как только скованный Юсуф услышал об отчизне,
Стал горько плакать о своей многострадальной жизни.

Как туча раннею весной, ручьями слезы лил,
Терпеть неволю и позор совсем не стало сил.

Потом сказал: «Да ждет тебя счастливая дорога,
А я, почтенный, у тебя прошу совсем немного:

Когда прибудешь в Ханаан, то люди объяснят,
Где старый праведник живет — святой Якуб-хазрат.

Приди к нему и так скажи: «Один твой соплеменник
В тюрьму безвишно заточен, живет, как жалкий пленник.

Тебя, премудрый, до сих пор и чтит, и любит он,
И, словно преданный слуга, низжайший шлет поклон.

Молись, Якуб, молись о нем, как о любимом сыне,
Чтоб он во мраке и в цепях не сгинул на чужбине!..»

И понял, затвердил горбун тех слов святую суть —
Посланцем добровольным став, пустился в дальний путь.

Глава тридцать третья,

в которой рассказывается о том, как посланец Юсуфа прибыл в Ханаан и рассказал Якубу-хазрату о неведомом прекрасном юноше, страдающем на чужбине

Пошел горбун прямым путем, через чужие страны
И через много дней достиг пределов Ханаана.

Найдя, где жил Якуб-хазрат, склонился у порога,
Воскликнул: «О святой старик, послушай ради бога!

Пришел я с нильских берегов, о милостей родник,
Но знай: с печальной вестью я страны твоей достиг.

Страдает узник молодой в чужом краю, в темнице,
Лишь луноликий ангел с ним по красоте сравнится.

Сиянье солнца и луны еще прекрасней станет,
Едва на них красавец тот хоть краем глаза глянет.

Молись о нем, Якуб-хазрат, всевышнего посланник,
Чтоб в подземелье не погиб тот юноша-изгнанник.

Томясь под сводами тюрьмы, как в клетке соловей,
По Ханаану плачет он — по родине своей!»

Едва узнал Якуб-хазрат, да будет мир над ним,
О ханаанце молодом, что так судьбой гоним,

Тотчас же слезы полились из глаз кровавым ливнем,
Воскликнул он: «Измучен я страданьем непрерывным!»

Потом с волненьем продолжал: «Скажи, о правоверный,
Кто этот юноша, в тюрьме страдающий безмерно?

Как звать его? И почему томится он в темнице?
Как на несчастного могло так много бед свалиться?

И если ханаанец он, в стране у нас рожден,
То как, бедняга, к чужакам он угодил в полон?»

«Не знаю имени его,— вздохнув, горбун ответил.—
Чуть не ослеп я, так лицом прекрасен он и светел.

От всей души прошу тебя, почтенного провидца,—
Молись, чтоб юноше тому на волю возвратиться!»

И горячо, от всей души слепой Якуб изрек:
«Да сократит ему судьба страданий долгий срок!»

Тут к старцу подошел верблюд,— и слова даром речи
Он всех внезапно изумил — сказал по-человечьи:

«Поклон тебе, Якуб-хазрат, поклон тебе, почтенный,
Сейчас в печали ты живешь, ослепший и согбенный.

Но знай: зари светлей твоя грядущая судьба,
Внемли же искренним словам покорного раба.

Я тоже юношу видал, сидящего в темнице,
Просил он, праведник, тебе смиренно поклониться,

Чтоб ты суровую судьбу молил о снисхожденье,
Чтоб к невинному скорей пришло освобожденье.

К тебе усердно я шагал в далекие края,
О чем погонщик мой просил, о том прошу и я!»

Глава тридцать четвертая,

в которой рассказывается о том, как вероломный шах Яман, задумав свергнуть великого шаха Реяна, тайно прислал богатые дары двум его придворным

В те годы, о которых вам слагаю свой дастан,
Был шахом нильских берегов прославленный Реян.

Страны цветущей властелин, в блистающей столице
Он на престоле восседал и мощью мог гордиться.

Правителем достойным был тот грозный падишах —
Преуспевал в своих делах и побеждал в боях.

Его несчетные войска врагам опасны были,
И сотни, тысячи родов ему подвластны были.

Правдив, отважен, справедлив, поистине велик,
Повсюду славился Реян, владыка из владык.

Был у него визирь Хеббаз, что трапезами ведал —
Хлеб государю подавал, когда Реян обедал.

Был у владыки во дворце и виночерпий старший —
Слуга по имени Саки, придворным важным ставший.

Любил обоих властелин, приблизил их к себе,
И зависть во дворце росла к счастливой их судьбе.

Был у Реяна тайный враг — бесчестный шах Яман,
Владел одной из небольших и небогатых стран.

Мечтал о щедрых землях он вдоль нильских берегов,
Но мужеством блистал Реян, как некогда Хосров,

А шах Яман ничтожным был, лишь злобой наделен,
И с величайшим из владык не мог тягаться он.

Но хитроумен был Яман — и против всяких правил
Тайком Хеббазу и Саки подарки он отправил.

Решив обоих подкупить, даров не пожалел,
Их обещаньями завлечь бесстыдными сумел.

Сказал им: «Помогите мне низвергнуть падишаха —
Стереть его с лица земли подобно горстке праха.

Мне постарайтесь услужить, а в долгожданный час
Весь берег нильский покорю и осчастливлю вас!»

Глава тридцать пятая,

*в которой рассказывается о том, как два подкупленных
вельможи задумали отравить падишаха Реяна и только
счастливый случай не дал свершиться злодеянию*

Хеббаз и друг его Саки на тайном совещанье
Решили от врага принять дары и обещанья,—

Вступили в сговор потайной с Яманом нечестивым,
Вступили в скрытую вражду с Реяном справедливым.

Они богатые дары из рук враждебных взяли,
А милость шаха своего бессовестно попрали.

Достигнуть цели захотев предательством и злом,
К деянью подлому они готовились тайком.

Решили меж собой они: «Давай отравим шаха!» —
А сами, жалкие, тряслись от жадности и страха.

И в блюдо шахское, решив добыть себе награду,
Они подсыпали тайком губительного яду.

В покои шаха, блюдо взяв, скорей они пошли
И от волнения под собой не чуяли земли.

Уже приняться падишах за трапезу хотел,
Но на Хеббазу и Саки пылливо поглядел,

И тут не выдержал Саки: упавши на колени,
«Не ешь, владыка!» — возопил в безумном иступленьи.

«Не ешь, владыка! — повторил, отчаяньем объят.—
Клянусь душою, государь, что в блюде этом — яд!»

Услышав это, задрожал Хеббаз разоблаченный,
Лишился на мгновение чувств, в измене уличенный.

А шах сказал, свой гневный лик оборотив к Хеббазу:
«Что ты задумал, негодяй? Признайся лучше сразу!

Дары, неблагодарный раб, ты брал из шахских рук,
А тот, кто шаху изменил, достоин страшных мук!»

Тут горько зарыдал Хеббаз, воскликнул: «О великий!
Да умереть на месте мне, коль я солгу владыке!

Виновен я,— но не один! С твоим Саки вдвоем
Мы, недостойные, пошли предательским путем!»

Был словно поражен Саки стрелою громовою —
Упал пред шахом и поник повинной головою.

«О справедливый государь,— признался он при всех,—
Знай: оба виноваты мы, на нас обоих грех!

Да, мы сообщники! И нет страшнее преступленья!
Вели казнить скорее нас — убей без сожаленья.

Как нам в глаза тебе смотреть? Честь замарали мы,
Дары из щедрых рук твоих, увы, попорали мы!..»

Шах сжалился, их не убил, но приказал сурово:
«Схватить обоих, увести, надеть на них оковы,—

Пусть будут брошены в тюрьму презренные рабы:
Пусть мучаются день и ночь — и ждут своей судьбы!»

Глава тридцать шестая,

в которой рассказывается о том, как были брошены в темницу двое уличенных в измене придворных, и о загадочных снах, приснившихся им в подземелье

Пришлось Хеббазу и Саки перед судьбой склониться:
В железо заковали их и бросили в темницу.

Попали оба в тот сырой, в тот сумрачный подвал,
Где юный праведник Юсуф в оковах изнывал.

Шесть лет уже провел Юсуф с отчизною в разлуке,
Горело сердце, как в огне, от беспощадной муки.

В смущенье были облака от слез его обильных,
Но стойко бремя он сносил страданий непосильных.

А было вместе с ним в тюрьме четыреста несчастных,
Изнемогавших под ярмом страданий ежечасных.

Одни томились двадцать лет, другие десять лет,
Терпели сотни мук они, сносили сотни бед.

Заботился о них Юсуф и не давал пропасть им,
Их горьким жалобам, мольбам внимал с живым участием,

Всем помогал, кто был в тюрьме — виновным, невинным,
Для скорбных, изнемогших стал наставником духовным.

И каждому, кто видел сон и был душой смущен,
Юсуф правдивый объяснял, что значил этот сон.

Сошли к Хеббазу и Саки виденья на рассвете,—
Казалось, вышли эти сны из глубины столетий.

Увидел явственно Сақы: он входит в пышный сад,
Где грозди с виноградных лоз тяжелые висят.

Собрал с поспешностью Сақы корзины гроздей спелых,
В благоухающий шербет он превратить сумел их,

И, поскорее свой шербет в большой бокал налив,
Он к падишаху поспешил, доволен и счастлив.

Иное увидал Хеббаз в тревожном сновиденье:
Печь из железа смастерил он за одно мгновенье.

Лепешек пышных он напек, сложил их на поднос
И к падишаху тот поднос на голове понес.

Хотел он шаха угостить — к владыке подольститься,
Как вдруг, откуда ни возьмись, напали злые птицы.

Лепешки живо расхватав, умчались птицы прочь,
И сколько ни кричал Хеббаз, никто не смог помочь.

Пришлось Хеббазу и Сақы к Юсуфу обратиться —
О непонятных снах своих поведать ясновидцу.

Сказали юноше они: «О луноликий гений,
Твоя святая доброта — бальзам от всех мучений!

Мы рассказали наши сны, — что нам сулят они?
О мудрый! Этих странных снов значение объясни!»

Глава тридцать седьмая,

в которой рассказывается о том, как Юсуф-хазрат, мир над ним, разгадал загадку обоих снов и как через три дня сбылись его предсказания

Тогда провидец и мудрец — правдивейший Юсуф,
В глаза Хеббазу и Саки внимательно взглянув,

Ответил: «Что предрешено, вы изменить бессильны,
Три дня вам быть еще в тюрьме, во тьме ее могильной.

А в день четвертый предстоит вам выйти из темницы,
Вас призовет к себе Реян — и ваша жизнь решится.

Дано ему казнить одних и жаловать других,
В нем — и источник ваших мук, и снадобье от них.

Шах милосердие к Саки безмерное проявит —
Решит забыть его вину и во дворце оставит.

А вот Хеббазу не простит его измены черной,
Увы, на виселице он конец найдет позорный.

И выклевать его мозги слетятся птицы злые —
Те птицы, что вчера во сне увидел он впервые».

Услышав, задрожал Хеббаз в смятенье и тревоге,
К стопам Юсуфа он припал, ему целуя ноги.

Вскричал: «О мудрый! Отмени свой приговор поспешный!
Ведь сон, рассказанный тебе, я сам придумал, грешный!..»

Юсуф правдивый отвечал: «Хоть быль, хоть небылица,
Но что сейчас ты рассказал, то скоро и случится.

От века предначертан путь для каждого из нас,
Ни ложь, ни хитрость не спасут в суровый судный час!»

Прошли три ночи и три дня,— и люди удивились:
Гонцы к Хеббазу и Саки с известием явились.

Сказали: «Радуйтесь! Прошли дни горя и печали,—
Шах приказал, чтоб перед ним немедля вы предстали».

И к падишаху во дворец несчастных отвели,—
Упали оба перед ним, склонились до земли.

Властитель, глянув на Саки, сказал: «Не беспокойся,—
Тебе опасность не грозит, за жизнь свою не бойся.

А вот Хеббазу не прощу его измены черной,—
Немедля, в назиданье всем, на виселицу вздерну!»

Так осчастливлен был Саки, и так погиб Хеббаз —
В руках жестоких палачей он встретил смертный час.

Глава тридцать восьмая,

*в которой рассказывается о том, как великому падишаху
Реяну приснился странный сон и как опозорились его
придворные волхвы и гадалки*

Достойной, мудрой властью преславною Реяна,
Был он правдивым, не любил ни лести, ни обмана.

Однажды сон увидел шах — и сон его смутил:
Как будто истощился вдруг неистощимый Нил.

Тут вышли из реки на склон зеленых берегов
Семь очень жирных и больших, упитанных коров.

А следом выбрались на склон спаленных берегов
Семь очень тощих и больных, измученных коров.

Семь жирных и больших коров погибли в миг единый,
Семь тощих и больных коров остались невредимы.

Произошло же это все мгновенно, на глазах,—
И был недобрый сон своим встревожен падишах.

Потом увидел он: в полях пшеница колосится,
И больше прежнего в семь раз был урожай пшеницы.

Вдруг ветер знойный поднялся, и злые вихри пыли
Колосья спелые сожгли, сломали, закружили,

И, всех людей сбивая с ног, взметая тучи праха,
Зыграла буря, мир сокрыв от взора падишаха.

Произошло же это все мгновенно, на глазах,—
И был зловещим сном своим смущен великий шах.

Очнулся, вздрогнув, государь, сон вспоминая странный,
И сразу ощутил в душе прилив тоски неожиданной.

Приказ немедля отдал шах,— и тут же поутру
Провидцев, что толкуют сны, призвали ко двору.

Поведал шах своим волхвам о вещем сновиденье:
«Кто растолкует этот сон, тому вознаграждение!»

И стали думать и гадать провидцы,— но, увы,
Сну объясненья не нашли почтенные волхвы.

Тогда взмолились мудрецы, пытаясь оправдаться:
«Дай нам отсрочку, государь, чтоб с мыслями собраться!»

Приложим все усилья мы — клянемся головой! —
Задачу трудную твою решим любой ценой».

Дал им отсрочку властелин на целую неделю:
«Свой дар должны за этот срок вы доказать на деле!»

Ушли провидцы из дворца — и принялись опять
В уединенье день и ночь гадать да размышлять.

Хоть были и мудры волхвы, но бились три недели,
А все не удавалось им достичь желанной цели.

Все так же строили они одни предположенья,
Все так же не могли принять единого решенья.

И оттого, что разум их был слишком утомлен,
Забыли главное они: о чем был этот сон!

Подумать только, как хитро и мудро провиденье:
Случилось, что и шах забыл свое же сновиденье.

С недоумением к волхвам властитель обратился:
«Исчез из памяти мой сон — как будто испарился!»

Напомните-ка мне сперва, в чем заключался сон,
И жду от вас, что будет он правдиво разъяснен».

Упали ниц пред ним волхвы: «О государь великий,
Мы рады жизнь отдать тебе, любимому владыке!»

Но мы грешны перед тобой — самих себя стыдимся,
Хоть и трудились день и ночь, в провидцы не годимся.

Наш разум в толкованья был настолько углублен,
Что главное забыли мы: о чем был этот сон!»

Разгневан был великий шах подобным упущеньем.
«Вас беспощадно накажу!» — сказал он с возмущеньем,

Схватить, в темницу заточить их приказал со зла,
Решили в ужасе волхвы, что гибель их пришла.

Глава тридцать девятая,

в которой рассказывается о том, как премудрый Юсуф-хазрат, мир над ним, разгадал смысл вещего сна и предсказал семь изобильных и семь голодных лет

Был собеседником Саки у шаха в это время,
Любимцем шахским снова став, вознесся он над всеми.

Подумал и сказал Саки: «О государь счастливый,
Достоин править миром ты, премудрый, справедливый.

Знай: ханаанец юный есть красы необычайной,
В тюрьму он кем-то заточен по прихоти случайной.

Уже двенадцать лет в тюрьме несчастный просидел,
А ведь и мудр, и прозорлив, в науках преуспел.

Юсуфом звать его, мой шах,— и кто б его ни встретил,
От счастья умереть готов, так он красив и светел.

И каждому, кто видел сон и этим сном смущен,
Правдиво объясняет он, что значит этот сон.

Вот так случилось и со мной, да и с Хеббазом тоже,
Сумел судьбу нам предсказать избранник этот божий.

Приснились нам обоим сны — он разгадать их смог:
Мне радость, а Хеббазу смерть он в точности предрек.

О государь! Благоволи к Юсуфу обратиться,—
Наверно, нет на всей земле подобного провидца!»

И молвил шах: «Ступай к нему. Уж раз он так умен,
Пусть нам попробует помочь хотя бы вспомнить сон».

В душе был очень рад Саки,— решив поторопиться,
Он тут же, выйдя из дворца, направился к темнице,

Нашел Юсуфа и сказал, оставшись с ним вдвоем,
Что хочет вспомнить властелин о вещем сне своем.

Немедля понял суть Юсуф неожиданной этой просьбы
И сделал то, что никаким волхвам не удалось бы:

Сон рассказал, хотя о нем не слышал никогда,
Задачу трудную решил без всякого труда.

Так был обрадован Саки, что даже прослезился,
Признал свой сон и властелин — и тоже поразился:

«Откуда узник смог узнать мой сокровенный сон?
Пускай виденья тайный смысл теперь откроет он!»

И, сразу ощутив в душе надежду и веселье,
Саки вторично поспешил к Юсуфу в подземелье.

«Ты прав! — сказал.— Недаром, друг, по всей долине Нила
Весть о премудрости твоей молва распространила.

Владыке вспомнить ты помог его забытый сон,
Теперь виденья тайный смысл узнать желает он!»

Юсуф правдивый, мир над ним, сказал без промедленья:
«Согласен шаху я открыть, в чем смысл его виденья.

Семь жирных и больших коров семь лет обозначают,
Когда богатство и расцвет державу ожидают.

Семь тощих и больных коров семь лет обозначают,
Когда несчастья, глад и мор державу ожидают.

Разор и горе ждут страну, отчаянье и страх,—
И пусть заранее о том узнает падишах!..»

Вернулся, рассказал Саки, и шах застыл в испуге,
И содрогнулись все вокруг — вельможи, стражи, слуги.

«Скорей опять к нему иди! — шах возопил в смятенье.—
Скажи: «О милости родник! Ты разгадал виденье!»

Не стал наш дух ты усыплять ни вымыслом, ни лестью,
Ответил честно: в этом сне — зловещее предвестье.

И если знаешь ты, мудрец, то с нами поделись:
Как быть, чтоб нам и всей стране от голода спастись?»

И в третий раз пошел Саки к сидевшему в подвале:
«К тебе, о море дел благих, меня опять прислали.

Ты — всемогущий властелин в стране красы нетленной,
Ты — воплощенье лучших сил создателя вселенной.

Уж раз ты понял шахский сон, то с нами поделись:
Как быть, чтоб мы и весь народ от голода спаслись?»

Юсуф правдивый отвечал: «О ты, посланник знатный,
Не стоит утруждать себя — ходить туда-обратно.

Сказал я: дни скорбей придут за днями изобилья,
И чтоб страну сберечь, нужны немалые усилия.

Пусть люди знают: чтоб спасти детей и жен своих,
Придется каждому сейчас работать за двоих.

Пускай потрудятся в полях и молодой, и старый,
Пускай наполнятся зерном подвалы и амбары.

Пройдут семь благодатных лет, придут семь горьких лет,
Но не застанет вас врасплох пора жестоких бед!»

Глава сороковая,

в которой рассказывается о том, как честный и праведный Юсуф-газрат отказался выйти из темницы, пока не будет доказана его полная невиновность

Словам Юсуфа-мудреца внимал Саки с волнением
И тотчас к шаху поспешил, охвачен нетерпением.

К Реяну, ждавшему его, вошел в приемный зал,
Все, что советовал Юсуф, дословно рассказал.

Внимал с волнением государь — и поразился снова:
«Нигде, наверно, на земле провидца нет такого!

Мог лишь великий тайновед подать такой совет,
Мудрейший из мудрейших он — сомнений в этом нет!»

Велел он бекам: «Сей же час в тюрьму к нему идите,
Освободите — и ко мне с почетом приведите.

Ведь если годы страшных бед приблизились опять,
Достоин лишь такой мудрец державой управлять!»

В тюрьму придворные пришли, Юсуфу так сказали:
«Славь государя, ты спасен, прошли твои печали.

Тебе, правдивый, сообщить даны нам полномочья:
Из подземелья выходи и всем предстань воочью.

Шах с нетерпением ждет тебя, с пути не сводит глаз,
Пойдешь ты с нами во дворец — таков его приказ».

«Нет! — им отвечивал Юсуф. — Не выйду из темницы!
Сначала правда обо мне должна при всех открыться.

Пусть убедится шах, что я — не подл и не греховен,
А кто оклеветал меня, лишь тот во всем виновен.

Зовут преступником меня, а преступленья нет,—
То Зулейхи да слуг ее бессовестный навет!»

Вернулись беки из тюрьмы и во дворцовом зале
Все, что ответил им Юсуф, владыке рассказали.

«Ступайте к ней! — сказал Реян советникам почтенным.—
Скажите: пусть поможет нам признаньем откровенным.

А будет Зулейха хитрить — пусть предо мной предстанет,
Меня однажды провела — вторично не обманет.

Пусть объяснит, в чем виноват тот человек святой,
Дознаться правды, наконец, хочу любой ценой!»

Глава сорок первая,

в которой рассказывается о том, как ставшая вдовой Зулейха призналась в своей клевете и как был отдан приказ об освобождении Юсуфа

От падишаха к Зулейхе пришел посол неожиданный,
Узнала с радостью она, что жив Юсуф желанный.

И зарыдала Зулейха в тоске и страсти жгучей,
Ручьями слезы полились, как из печальной тучи.

За это время опочил Азиз — ее властитель,
Из мира брэнного ушел в загробную обитель.

Вдовою стала Зулейха, — в душе росла усталость,
Упрямства, гордости былой в ней больше не осталось.

Лишь о Юсуфе дорогом мечталось ей в тиши,
И не было другой мечты на дне ее души.

К нему стремились день и ночь все мысли, все порывы,
Но горе сделало ее покорной, терпеливой.

А вспомнив, как была она жестока и горда,
Струила слезы Зулейха от горького стыда.

Посланцу шахскому вдова сказала сквозь рыдания:
«О, стыд и горе! Ложь моя — исток его страдания!

Пусть правда после многих лет откроется впервые,
Но как при встрече я взгляну в глаза его святыне?

Оклеветала я его — так и скажу при всех,
На мне, на мне одной лежит постыдный этот грех!»

Вернулся во дворец посол, явился к шаху снова,
Все, что сказала Зулейха, поведал слово в слово,

И молвил шах: «Уж раз во всем призналась Зулейха,
То вижу ясно: прав Юсуф и нет на нем греха».

Тут к бекам обратился шах: «В темницу поспешите,
Падите пред Юсуфом ниц и так ему скажите:

Ты чист, о милости родник, нет на тебе вины,
И в этом шах и наш народ — мы все убеждены!»

Пошла к тюрьме толпа вельмож, отряд джигитов статных,
А следом сотни горожан — и знатных, и незнатных.

Ко входу подошли они мрачнейшей из темниц
И пред Юсуфом, как один, смиренно пали ниц.

Сказали беки: «О мудрец, безгрешный, луноликий,
С известьем добрым мы пришли от нашего владыки.

Шах справедлив,— решил он сам дознание провести
И ни малейшего греха в тебе не смог найти.

Вставай же, выходи скорей из гибельной темницы,—
Такой луне в крошечной тьме скрываться не годится!»

Сказал Юсуф: «Двенадцать лет я мучился в цепях,
Теперь их сброшу, как велит великодушный шах.

И тем, кто здесь делил со мной страданья и невзгоды,
Отныне — всем до одного — дарую свет свободы!»

Глава сорок вторая,

в которой рассказывается о том, как правдивый Юсуф-хазрат, мир над ним, после двенадцати лет заточения сбросил наконец оковы и поднялся со дна темницы

Узнав, что светлый час настал — пришло освобождение,
Почувствовал Юсуф-хазрат восторг и облегчение.

Поторопился выйти он из сумрачной тюрьмы, —
Казалось, солнце поднялось из непроглядной тьмы.

А во дворце сказал Реян своим придворным бекам:
«Нам скоро встреча предстоит с великим человеком.

Чтоб оказать ему почет, вам дело всем найдется:
Седлайте лучшего коня — красавца иноходца,

Возьмите лучший мой халат с узорами золотыми
И пояс в крупных жемчугах, с камнями дорогими,

И этот пояс, и халат, и белого коня
Юсуфу передать велю в подарок от меня.

Почтеннейшим из горожан немедля объявите:
Юсуфу мудрому должны они навстречу выйти.

Пускай все жители страны — и даже бедный люд, —
Одежды лучшие надев, его встречать идут!»

Отправилась толпа вельмож из расписного зала,
Юсуфу оказать почет готовясь небывалый.

Узнав, что с пышностью большой его встречать придется,
Велели оседлать они красавца иноходца,

Роскошный выбрали халат с узорами златыми
И пояс в крупных жемчугах, с камнями дорогими,

И, веселы, возбуждены, усевшись на коней,
Забрать Юсуфа из тюрьмы отправились скорей.

Меж тем взволнованных людей уже стеклось немало,
Все как на светлый праздник шли — их радость подгоняла.

А в небе стаи голубей народ сопровождали,
И звонким пеньем соловьи прогнали все печали.

К темнице толпы горожан, как реки, потекли,—
Казалось, радостно дрожит громада всей земли.

К Юсуфу беки подошли торжественно, степенно,
Пред ним склонились до земли, приветствуя смиренно,

Надели на него халат с узорами златыми,
Надели пояс в жемчугах, с камнями дорогими,

Сесть прозорливцу помогли на статного коня,—
Кругом же ликовал народ, толпясь и гомоня.

Глава сорок третья,

в которой рассказывается о том, как справедливый падишах Реян возвел Юсуфа-хазрата на золотой престол и как прошли семь первых лет славного правления Юсуфа

Юсуф — провидец и мудрец, не знающий обмана,
Сказал, представ перед лицом властителя Реяна:

«О верный слову своему великий падишах,
Пойми: спасение страны сейчас в твоих руках.

И если ты поручишь мне дела своей страны,
Все, как один, моим словам последовать должны.

Великий голод предстоит! Но, действуя умело,
Спасем от гибели страну, свершим благое дело.

Молю творца: когда пора жестоких бед придет,
Пусть не погубит он, спасет любимый твой народ!»

И словно слыша божий глас — не голос человеческий,
Пред ним склонился шах Реян, повел такие речи:

«О ты, блистающий красотой и мудростью великой,
Да буду я твоим рабом, а ты моим владыкой.

Святым достоинствам твоим и вправду нет конца,
Судьбою предназначен ты для трона и венца!»

И, за руку Юсуфа взяв, все выше по ступеням
Его к престолу падишах повел с благоговеньем.

Свершилось! Праведник взошел на золотой престол —
Над всей громадной страной отныне власть обрел!

Стоял смпренно шах Реян, как будто раб послушный,
А на престоле восседал Юсуф великодушный.

На палец перстень был надет — знак падишахской власти,
На чресла — пояс золотой, хранящий от несчастий.

И весь народ — от богачей до скромных бедняков —
Сплотился сразу вокруг него, служить ему готов.

Как в праздник, тысячи людей у алтарей священных
Слагали множество даров — даяний драгоценных.

В тоске, в тревоге жил народ — теперь возвеселился,
Как будто снова в старый храм священный дух вселился.

Исчезли подлость и порок, обман и клевета,
Повсюду воцарились вновь добро и правота.

Так шахом стал Юсуф-хазрат, владыка правоверных.
Свое правленье начал он с деяний беспримерных.

Сказал народу: «Предстоят великие усилия,
Иначе дни скорбей придут за днями изобилья.

И богачи, и бедняки — все жители страны
Поля вспахать свои должны, засеять их должны.

Пускай потрудятся в полях и молодой, и старый,
Пускай наполнятся зерном подвалы и амбары.

Когда ж обрушится беда и голод к нам придет,
Амбары эти вас спасут от горя и невзгод!»

То было замыслом судьбы — отнюдь не произволом,
Что завладел Юсуф-хазрат короной и престолом.

Едва народ его приказ премудрый услышал,
За дело взялся — под хлеба все земли распахал.

Семь урожайных лет пришло, и чтоб воды хватило,
Большой колодец вырыт был — щедрей и глубже Нила.

Семь лет трудился весь народ — великое содеял,
И был навряд ли хоть один, кто б не пахал, не сеял.

Когда ж собрали в закрома обильный урожай,
Зерном неслыханно богат стал многолюдный край.

Глава сорок четвертая,

в которой рассказывается о том, как после семи лет небывалых урожаев пришли семь лет невиданной засухи и лишь мудрое правление Юсуфа спасло страну от гибели

Семь урожайных лет прошли, семь знойных лет пришли,
Стал задыхаться мир в огне, безводье и пыли.

Казался этот адский зной губительным драконом,
Что все живое сжечь хотел дыханьем раскаленным.

От засухи и от нужды томиться стал народ,
О милосердьи к небесам вотще взывал народ.

Юсуф правдивый в эти дни скорбей тысячекратных
Всех жителей к себе призвал — и знатных, и незнатных.

Сказал им: «Знайте, ровно семь неумолимых лет
Продлится страшная пора немилосердных бед.

Не сейте злаков — все равно колосья не созреют,
Иссохнут листья на ветвях, и травы помертвеют.

Но семь голодных лет пройдут, погибелью грозящих,
И вновь насытятся сердца болящих и скорбящих.

Уйдут и голод, и нужда — не повторятся впредь,
И не придется вам скорбеть, мучения терпеть!»

Так говорил Юсуф-мудрец, достойный восхищенья,—
На шахском троне он сидел и принимал решенья.

С народом ласковый всегда, к преступникам суровый —
Он правосудья заложил надежные основы.

Под сенью щедрости его в те годы изобилья
Не знали люди ни нужды, ни гнета, ни насилья.

Повсюду воцарился мир, а шум вражды умолк,—
Казалось, стали доверять друг другу мышь и волк.

Казалось, голуби с орлом сумели подружиться
И породнились грозный лев и ловкая лисица.

Прекрасен, как и сам Юсуф, был блеск его правленья,
Чтоб мудрость описать его, бессильны все сравненья.

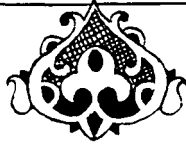
Когда садился на коня Юсуф-хазрат правдивый,
Всю землю трепет и восторг охватывал счастливый.

Сто тысяч всадников всегда его сопровождали,
И балдахин над ним несли, и гимны распевали.

За строем золотых знамен, сверкающих нарядно,
Бесчисленное войско шло торжественно, парадно.

И весь взволнованный народ — от мала до велика —
С восторгом радостным взирал, как шествует владыка.

Глава сорок пятая,

в которой рассказывается о том, как после шести неурожайных лет иссякли все запасы зерна и как снова помог Юсуф-хазрат страдающему народу

Вот из семи голодных лет прошло еще три года,
Но не иссякли до сих пор запасы у народа.

У богачей и бедняков, у молодых и старых —
У всех пока еще зерно не кончилось в амбарах.

Крестьяне с нильских берегов охотно торговали —
На рынках за свое зерно большие деньги брали.

В соседних странах голод был, страдания, плач тоскливый,
Для них же оставался хлеб источником наживы.

Когда же миновали шесть неурожайных лет,
Узрели с ужасом они, что хлеба больше нет.

Известно каждому, что хлеб — исток существования,
Где ж мало хлеба, станет он причиной страдания.

От голода глаза людей горели все жаднее,
Кормить своих детей и жен им было все труднее.

Теперь последнее зерно по горстке люди брали
И каялись, что свой запас давно расторгвали.

На год шестой с большим трудом смогло хватить зерна.
Перед лицом голодных дней теперь была страна.

Тут в страхе онемел народ, как на краю могилы,
Молчали люди — говорить им не хватало силы.

К дворцу несчастные сошлись бесчисленной толпой,
Юсуфа начали молить, подняв тоскливый вой:

«О властелин, своих рабов ты не осудишь строго,
Мы слабы, гибнем, нам помочь ты должен хоть немного!

Мы беззащитны, голодны, нуждой истощены,
Все наши мысли и мольбы к тебе обращены!..»

Юсуф, увидев свой народ в столь жалком состоянии,
Сказал: «За лень и жадность вас постигло наказание!»

А после, сжалясь, продолжал: «Не плачьте, не скорбите,
Все, что осталось от зерна, вы вместе соберите,—

Разделим поровну!..» И вновь, надежду обретя,
Возрадовался весь народ, как малое дитя.

Глава сорок шестая,

*в которой рассказывается о том, как окончились голодные
годы, снова наступило изобилие, снова воцарились по всей
стране веселье и счастье*

Вот миновали, наконец, все беды, все печали,
В краю, где шахом был Юсуф, дни радости настали.

Как будто мощный исполин, всемогущий, всеблагодать.
Богатства жизни раздавать стал щедрою рукой.

Так для всего народа дни настали золотые,
Так побороть сумел Юсуф несчастья роковые.

Со дна темницы вознесен под пышный свод дворца,
Достоин оказался он престола и венца.

В стране порядок наступил, злодейства не случались,
В согласье, в мире жили все, ничем не возмущались.

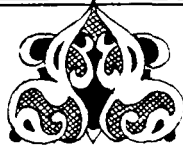
Да, сколько ни было владык в былые времена,
О справедливости такой не ведала страна.

Когда б ни выезжал Юсуф на белом иноходце,
Казалось, вся земля под ним восторженно трясется.

Забыл о голоде народ, и страх давно исчез,—
От игр и развлечений пыль вздымалась до небес.

Пир да свадьба начались, веселье, шум великий,
И шла по всей земле молва о праведном владыке.

Глава сорок седьмая,

*в которой рассказывается о том, как продолжала страдать
Зулейха, пылая безнадежной любовью к Юсуфу, и как
иссохла и ослепла она в огне этой страсти*

А в это время Зулейха томилась и скорбела,
Казалось ей: в огне любви душа дотла сторела.

Чуть теплилось сознание в ней, подобно искре в пепле,
Иссохло тело, и от слез глаза совсем ослепли.

Недуг любовный жег ее, измучила печаль,
Согнулся несравненный стан подобно букве «даль».

Жила она, погружена во мрак тоски глубокой,
Жила беспомощной вдовой — забытой, одинокой.

О милом думала она все больше с каждым днем,
Но оставалось лишь страдать да тосковать о нем.

Однажды утром громкий шум донесся с ближних улиц,
И волны горя и тоски в несчастной всколыхнулись.

«Что там? — спросила Зулейха. — О боже, что за шум?
Он душу взбудоражил мне, отвлек от скорбных дум!»

А из подруг была одна знатнее прочих родом, —
Наружу глянула она и, стоя перед входом,

Вскричала: «То Юсуф-звезда из шахского чертога
Со свитой едет на коне широкою дорогой!»

Узрев владыку, весь народ пришел в такой восторг,
Что кинулся его встречать и громкий крик исторг!»

Весть о Юсуфе услышав, бедняжка задрожала
И стала громко причитать, стонать и плакать стала:

«Доколь еще терзаться мне, отверженной, злосчастной?
Увы, где выход отыскать из этой тьмы ужасной?»

Моя единственная страсть — Юсуф любимый мой,
Ах, с этой жизнью силы нет покончить мне самой!»

Глава сорок восьмая,

в которой рассказывается о том, как великий властитель Юсуф-хазрат по дороге в свой дворец встретил ожидавшую его несчастную, ослепшую Зулейху

Служанок верных собрала злосчастная вдовица
И обратилась к ним в слезах, прося поторопиться.

«Подружки! В паланкин меня скорее посадите,
Туда, где ездит мой Юсуф, быстрее отнесите.

Там, у дороги во дворец, меня поставьте с краю,
Хоть стук подков его коня услышать я желаю!»

Тогда служанки перед ней склонились до земли
И в паланкине госпожу поспешно понесли.

Вот добрались они туда, где по пути в чертоги
Юсуф обычно проезжал,— и на краю дороги

Безмолвно встала Зулейха — как нищенка, худа,
Вдруг слышит: едет на коне Юсуф — ее звезда!

Он возвращался во дворец, прославленный владыка,
И воздух над толпой дрожал от радостного крика.

Когда же поравнялся шах с несчастной Зулейхой,
В слезах воскликнула она с отчаянной мольбой:

«Остановись, Юсуф-хазрат! Светла твоя дорога,
Но хоть мгновенье подожди, помедли ради бога!

Рабыни красоты твоей — и солнце, и луна,
Моя ж былая красота погибла, сожжена.

Твой голос сладостен, как мед, как ангельское пенье,
Судьбою ты вознагражден за стойкость и терпенье.

Я ж не желала стойкой быть, терпению не училась,
Вот и наказана судьбой — надежд и сил лишилась.

Так руку помощи простри, взгляни, подай совет,—
Нигде подобного тебе истока знаний нет!»

Сдержал коня, взглянул Юсуф — узрел ее скорбящей,
Несчастной, на краю пути в густой пыли стоящей,

Узрел униженной, слепой, морщинистой, согбенной
Ту, что когда-то он видал прекрасной и надменной.

И молвил ей Юсуф-хазрат: «Будь терпелива в горе,
Не мучься понапрасну, верь: настанет счастье вскоре.

Да, лишь терпением сможешь ты достичь мечты желанной:
Кто долго плакал, тот созрел для радости неожиданной!»

Так он сказал — и вскачь пустил лихого скакуна.
Упала наземь Зулейха, тоскою пронзена.

Глава сорок девятая,

в которой рассказывается о том, как обезумевшая от любви Зулейха поздней ночью прибежала на место своей недавней встречи с Юсуфом-хазратом

Пришла в сознание Зулейха — и сразу ощутила:
Стал жечь ее огонь любви с удвоенною силой.

В когтях разлуки очутясь, душа ее роптала:
«Что это был за странный день? — страдальца шептала.—

Юсуф был рядом! Речь его узнала я мгновенно!
Друг с другом говорили мы правдиво, откровенно.

Пусть был незрим он для моих угаснувших очей,
Смогла вкусить моя душа нектар его речей.

Мой слух от голоса его был в сладком упоенье,
Мой ум от мудрости его — в безмерном восхищенье.

Но в рану свежую мою он лишь насыпал соли,
И, сотрясая небеса, душа кричит от боли!» —

Так говорила Зулейха,— и, скорбью сражена,
Служанок верных испугав, лишилась чувств она.

Очнулась дома Зулейха, снаружи ночь сгустилась,
И, как безумная, во тьму бегом она пустилась.

Служанки бросились за ней в смятенье и тревоге
И, наконец, ее нашли у края той дороги,

Где несколько часов назад, еще в разгаре дня,
С несчастной говорил Юсуф, остановив коня.

Она с дороги этой пыль горстями собирала
И с плачем голову себе той пылью посыпала.

Землею натерев лицо, полна тоскою жгучей,
Росу лила она из глаз, как из весенней тучи,

И повторяла вновь и вновь, рыдая и трясясь:
«Ах, эта пыль для глаз моих — целительная мазь!»

Ведь это здесь Юсуф-хазрат, наш падишах желанный,
Остановил коня, мой плач услышав покаянный.

Со мной он начал разговор, но прочь уехал вскоре,
Меня без помощи, без сил оставил в тяжком горе.

Вот место, где его скакун ступил своим копытом,
И эта пыль влечет меня невидимым магнитом.

Как дорога мне эта пыль, нет силы передать,—
Сама для шаха моего желаю пылью стать!»

И зарыдала Зулейха, ничьим словам не впемя,
И, погрузясь в небытие, упала ниц на землю.

Казалось: опустела плоть, душа умчалась прочь,
И в ужас девушки пришли — не знали, чем помочь.

Глава пятидесятая,

*в которой рассказывается о том, как верные служанки
Зулейхи умоляли свою госпожу успокоиться и как еще
семь дней провела она в адских мучениях*

Уж стали гаснуть в небесах полночные светила,
Настал рассвет, а Зулейха в себя не приходила.

Тогда, в отчаянье придя, подняв ее с земли,
Домой, рыдая, госпожу служанки понесли.

Но вот очнулась Зулейха,— не у дороги дальней
Себя увидела она, а вновь в опочивальне.

И снова запылала вся — от головы до ног,
И снова стала выть, стонать, винить жестокий рок.

Служанки и подруги к ней явились с горьким плачем:
«Послушай нас! Иль для тебя мы ничего не значим?

Мы в пламени твоей тоски гореть уже не в силах,—
Сердца обуглились, и кровь иссохла в наших жилах.

Ох, лучше бы ослепнуть нам от горестных рыданий —
Не видеть госпожу свою в огне таких страданий!

Мы все готовы жизнь отдать, чтоб в стойкости, в терпенье
Твоя страдалница душа нашла успокоенье.

Чтоб цель желанную достичь, терпенье — лучший путь,
Утешься, чистая душа,— и терпеливей будь!»

А Зулейха,— ко дню тому ей было сорок лет,—
Слепа, слаба, измождена, сказала им в ответ:

«Из-за Юсуфа мучусь я, из-за него рыдаю,
Я виновата — и теперь от адских мук страдаю.

И все ж, покуда я дышать на этом свете буду,
Юсуфа имя повторять хочу всегда и всюду!

Сама судьба мне предрекла мученья эти злые
В заветном сне, когда Юсуф явился мне впервые.

Что ж, буду терпеливо ждать, надежды не терять,—
Пусть розы отцвели, но куст еще нельзя срубить!»

Семь дней она тоску и боль с терпением сносила,
Но разгорался жар в душе с безжалостною силой.

Страшней, чем прежде, Зулейху недуг любовный жег,
Он всю ее объял огнем — от головы до ног.

И стала вновь она рыдать в мучительной печали,
Не слезы — кровь ее глаза обильно источали.

Кто б ни узрел ее тогда страдающей безмерно,
В порыве горестном и сам заплакал бы, наверно.

Забыв о радостях земных, себя во всем виня,
Не отличала ночь она от солнечного дня.

Глава пятьдесят первая,

в которой рассказывается о том, как, почувствовав приближение смерти, заотела страдальца Зулейха в последний раз услышать голос своего любимого Юсуфа

В то утро вновь Юсуф-хазрат велел коня седлать,—
Узнав об этом, весь народ возликовал опять.

Литавры с самого утра зарокотали снова,
Гром барабанов поднялся до неба голубого.

Повсюду праздник начался: на стогны городские
Все хлынули — и стар и млад, и добрые, и злые.

И прошептала Зулейха: «Чей голос слышен мне?
Уж не Юсуф ли падишах к нам едет на коне?»

«Пусть жертвой на твоём пути мы станем, дорогая! —
Служанки отвечали ей, от жалости вздыхая.—

Да, ты права, о госпожа: то наш Юсуф-звезда,
Опять со свитою большой он движется сюда.

Узнав о радости такой, на стогны городские
Все поспешили — стар и млад, и добрые, и злые!»

И на страдальческом одре, уже совсем плоха,
Опять заплакала в тоске слепая Зулейха.

Сказала голосом она покорным, ослабелым:
«Ах, девушки, пришла пора душе расстаться с телом.

Доколь страдать ей на земле? Сегодня поутру,
Подруги верные мои, я наконец умру!

Вы долго помогали мне заботой милосердной,
Так помогите и теперь — в часы тоски предсмертной.

С постели горестной меня скорее поднимите,
Туда, где едет мой Юсуф, быстрее отнесите.

Я голосу его внимать, быть может, недостойна,
Но хоть бы слово услышать — тогда умру спокойно.

И пусть мучительно для вас страдание мое —
Исполните в последний раз желание мое!»

Ей с плачем девушки в ответ: «О наших душ отрада!
Жестоким ранам дай зажить — их растравлять не надо.

Из нас любая жизнь свою тебе отдать готова,—
Зачем же ты стремишься прочь из-под родного крова?

Но всюду следовать хотим за нашей госпожой,
Служить желаниям твоим готовы всей душой!»

И с ложа Зулейху поднять служанки поспешили,
И осторожно в паланкин закрытый положили,

И с нею вышли из ворот взволнованной толпой,
Желанье выполнить решив страдалицы слепой.

Глава пятьдесят вторая,

*в которой рассказывается о том, как несчастная, слепая
Зулейха в третий раз появилась возле шахской дороги и
как впервые подошел к ней милосердный Юсуф-хазрат*

Вот очутились наконец они у той дороги,
Где проезжал Юсуф-хазрат домой, в свои чертоги.

Явились вовремя они! То был счастливый миг:
Со свитой приближался к ним славнейший из владык.

С улыбкой ехал падишах на белом иноходце,
Казалось, вся земля под ним взволнованно трясется.

Торжествен выезд был его: людские голоса,
Гром барабанов, клики труб взлетали в небеса.

За шахом двигались вослед советники, вельможи,
На колесницах — кто старей, верхом — кто помоложе.

Был ярким зрелищем народ взволнован, восхищен,
И крики радостной толпы неслись со всех сторон.

Блестя оружием и броней, шли воины рядами,
Над ними, золотом искрясь, играло с ветром знамя.

Сто тысяч всадников лихих скакали впереди,
Сто тысяч всадников других скакали позади.

Блистал, как солнце, среди них Юсуф-хазрат великий,
Был легкий, шелковый покров на светозарном лице.

Когда же поравнялся он с несчастной Зулейхой,
Стал нестерпимым жар любви в душе ее больной.

Воздела руки Зулейха, крик издала тоскливый:
«Внемли, о чистая душа, о наш Юсуф правдивый!

Тебя, премудрый падишах, молю я ради бога:
Свой ясный взор склони ко мне, злосчастной и убогой.

Взгляни, как я измождена, беспомощна, слаба,
Жизнь еле теплится во мне, жалка моя судьба.

О шах! Услышать голос твой — мне большего не надо,
Остаток дней за этот миг отдать я буду рада.

Чем гибнуть, разлучась с тобой, чем вянуть день за днем,
Уж лучше сразу умереть — здесь, на пути твоём!..»

Юсуф-хазрат, правдивый шах, славнейший из владык,
Взглянул с коня на Зулейху, услышав горький крик,

И строго молвил ей: «О ты, сгоревшая от страсти,
Жесток любовный твой недуг — страшнее всех напастей,

И если вырваться нет сил из рокового круга,
Никто не сможет средство дать от этого недуга.

Да, если хочешь ты спастись от горьких мук любви,
Сама старанья приложи — терпенье прояви.

Двенадцать лет и я страдал, томясь в сырой темнице,
Спасенья терпеливо ждал, не уставал молиться.

Да, лишь упорством человек добиться счастья может
И лишь терпеньем верный путь к желанному проложит!»

И к Зулейхе, сойдя с коня, пошел с улыбкой он,
И пред лицом его померк весенний небосклон.

Тут шепот девушек-подруг раздался торопливый:
«К тебе, к тебе, о госпожа, идет Юсуф правдивый!»

Но возразила Зулейха: «О чем вы говорите?
Он вовсе не ко мне идет — получше посмотрите!

Ужели тот, чей дивный взор светлее всех светил,
Ко мне лучистое лицо и вправду обратил?

Была пора: мой юный лик блистал луною ясной,
Подобен был мой яркий взор лучам Зухры прекрасной.

Черны, как ночь, стекали с плеч волосы мои густые,
Уста струили аромат, как розы молодые.

Но не ценил меня Юсуф, гнушался, избегал,
Хоть и была моя краса превыше всех похвал.

Теперь же волосы мои, увы, бледнее пепла,
Болячками покрылась я, от жгучих слез ослепла.

Зачем идти ему ко мне — уродливой, слепой?
Вглядитесь, милые: к кому идет любимый мой?..»

«К тебе идет он! — шепчут ей служанки и подруги.—
Вон ясаулы впереди, а вон вельможи, слуги!..»

Меж тем, на жалкую вдову внимательней взглянув,
Жестоким бедствием ее был поражен Юсуф.

Глава пятьдесят третья,

в которой рассказывается о том, как на глазах у изумленного народа совершил Юсуф небывалое чудо — возвратил Зулейхе прежнюю молодость, зрение и красоту

Юсуф правдивый, мир над ним, охваченный волненьем,
Сказал: «Полна твоя душа тревогой и сомненьем.

Но можешь смело говорить: чего желаешь ты?
Любовь — владычица судеб — исполнит все мечты!»

Она в ответ: «Ты хочешь знать, о чем душа тоскует?
Коль хочет пощадить судьба, пусть вот что мне дарует:

Пускай ко мне и красота, и юность возвратится,
Пускай опять мое лицо, как солнце, разгорится,

Пусть расцветут нарциссы глаз, как у Зухры прекрасной,
Пусть заструится речь моя волною сладкогласной,

Пускай соединимся мы в благословенный час,
Чтоб весь народ возликовал, увидев вместе нас!»

Сказал взволнованный Юсуф: «О сила всеблагая —
Любовь, которой полон мир от края и до края!

Тебе открыла Зулейха мечты своей души,
И ты, чьей власти нет границ, судьбу ее реши!»

Велел воды подать Юсуф и, кончив омовенье,
Лица страдальцы слепой коснулся на мгновенье,

Земли шепотку положив на темя Зулейхи,
Сказал: «Тому, кто так страдал, простятся все грехи!»

Тебе, владычица-любовь, покорны все создания,
Так сделай так, чтоб наяву сбылись ее желанья!»

Сказал — и голову склонил. И тысячи людей
Узрели чудо: в тот же миг вернулась юность к ней!

Да, прежняя ее весна вернулась в полной мере:
Прекрасней стала Зулейха — чудесней райской пери,

Рабынями ее лица луна и солнце стали —
Такой красой ее черты внезапно заблестали,

И показалась бы светлей ночь предопределения,
С густою тьмой ее волос не выдержав сравнения.

Девичий лик, объявший мир восторгом и смущеньем,
Был красоты ее души правдивым отраженьем.

Пред взором пламенным померк багряный пламень роз,
И влажной сделалась луна, как от ревнивых слез.

Главу склонив, стоял Юсуф, в молчанье погруженный,
А дева, в зеркале узрев свой лик преображенный,

Вскричала, радостью светясь: «О щедрый наш владыка,
Взор подними, не отвращай блистающего лика.

Нет слов, чтоб выразить тебе признательность мою —
Возрождена и спасена перед тобой стою!..»

*Глава пятьдесят четвертая,
в которой рассказывается о том, как был поражен Юсуф-
хазрат при виде красавицы Зулейхи и как он нечаянно
порвал подол ее атласного платья*

Тут поднял голову Юсуф — и замер в изумленье,
Так изменилась Зулейха лишь за одно мгновение.

Он райской гурии узрел лучистое лицо,
Блистающее красотой, как золотом — кольцо.

Была одета Зулейха в роскошные наряды,
Венец алмазный ослеплял восторженные взгляды.

Вода живая смущена была ее губами,
И устыдились жемчуга перед ее зубами.

А гиацинтовых волос свежайший аромат
Сильнее мускуса пьянил, каким Хотан богат.

На падишаха поглядев, на вид его смущенный,
К нему шагнула Зулейха с улыбкой благосклонной.

И в тот же миг, чудесный миг, узрев ее черты,
Стал покупателем Юсуф на рынке красоты.

Стараясь пламя обуздать любовного порыва,
Ее приветствовал Юсуф достойно и учтиво,

И, видя, что прекрасней всех красавица младая,
К ней подойти хотел Юсуф, огнем любви пылая.

Но дева отступила прочь, и крикнул шах: «Постой!
О, что со мной? В небытие рассудок тонет мой!..»

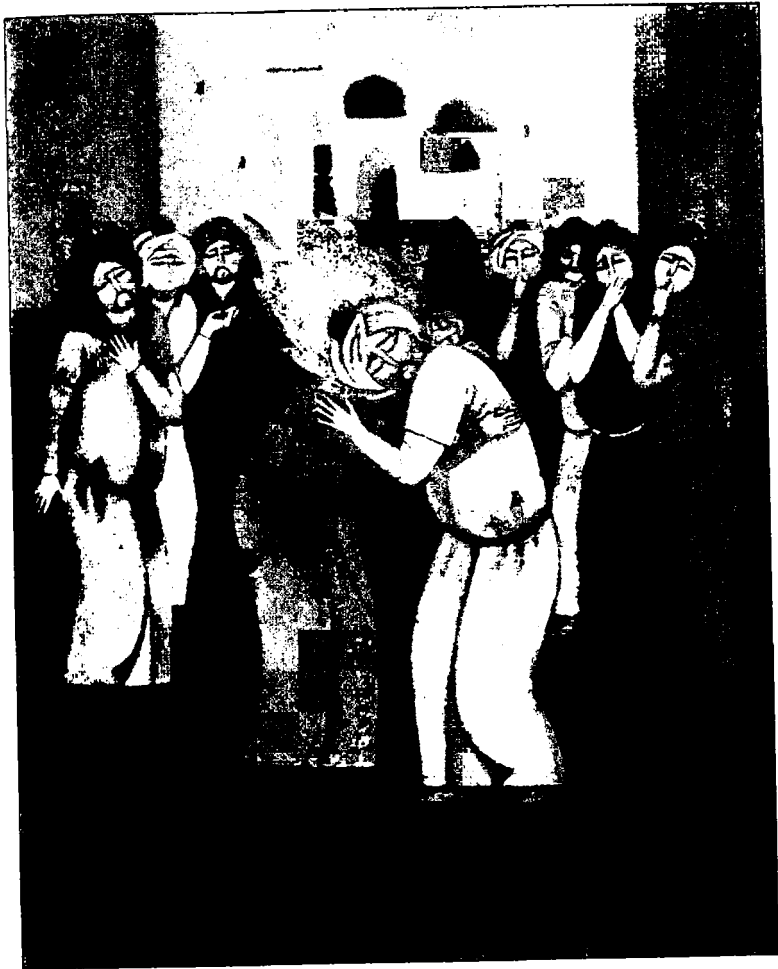
Хотел он деву удержать — порвал цветное платье.
«Смотри! — сказала Зулейха. — Ты снял с меня проклятье!

Сперва тебе я порвала атласный воротник —
Принес мне сотни тысяч мук тот злополучный миг.

Теперь ты мой подол порвал — сравнялись мы с тобою,
Конец страданьям, ты и я равны перед судьбою.

О шах, отныне обо мне ты даже не мечтай,
Богат невестами твой край — любую выбирай!»

Глава пятьдесят пятая,

в которой рассказывается о том, как стала горько раскаиваться Зулейха в своей гордыне и дерзости и как решила она снова встретиться с Юсуфом-хазратом

Опять красавицею став, опять полна гордыни,
Домой пустилась Зулейха в узорном паланкине.

Весь путь возбуждена была, довольна, весела,
А в дом вошла — и вновь грустить, томиться начала.

Юсуфа вспомнила она во всем чудесном блеске,
И речь его, и свой ответ, заносчивый и резкий.

Как непростительно горда была она тогда!
И задрожала Зулейха от горя и стыда.

Опять мучительная боль ей душу охватила,
Опять о пище и о сне страдальца забыла.

В пучину погрузилась вновь тоски и сожаленья,
Свой дом решила превратить в приют уединенья,

Весь день молилась, позабыв о всех мирских делах,—
Лишь стоны были на устах да слезы на глазах.

Да, странная болезнь — любовь, мучительнее жажды,
Хоть у нее и много мук, достоин их не каждый.

Знай: где б ни вспыхнула любовь, рождается страданье,
Все гибнет, как в небытие — и тело, и сознание.

Любовь — владыка в мире душ, султан в стране весны,
И грозный царь, и жалкий раб — все перед ней равны!

Назавтра шах покинул вновь роскошные чертоги
И двинулся со свитой вновь по этой же дорожке.

Сто тысяч всадников лихих скакали впереди,
Сто тысяч всадников других скакали позади.

Кругом народ шумел-кипел, а шах с коня смотрел
И радость сердца — Зулейху опять в толпе узрел.

Не стал раздумывать Юсуф: призыву сердца внемля,
Поводья тотчас отпустил, сошел с коня на землю,

К надменной деве подошел красиво и спокойно,
Ее приветствовал при всех учтиво и достойно,

Ей долгой жизни пожелал, счастливых, светлых лет.
«О светоч знаний! — Зулейха произнесла в ответ.—

Твоя святая доброта прославлена в народе,
Твое правленье принесло и мир, и плодородье.

Скажи: доколь из-за тебя страдать душе несчастной?
Доколь мучительным огнем пылать любви напрасной?»

И, к ней почтительно шагнув, улыбкою сверкнув,
Так чаровнице молодой отвечивал Юсуф:

«Твой лунный лик сияет нам лучами колдовскими,
И стали гурни небес служанками твоими.

Слов не найди, чтоб описать красу твоих сокровищ,
Скажи: какую участь нам отныне ты готовишь?

Неотразимым волшебством воскресшей красоты
В беспомыслие и немому всех повергаешь ты!»

Глава пятьдесят шестая,

в которой рассказывается о том, как Юсуф протянул золотую плеть, как передала ему Зулейха свое пламя и как настала очередь Юсуфа страдать в огне любви

«Узнай,— сказала Зулейха,— о тайне сокровенной:
Я предпочла тебя, Юсуф, богатствам всей вселенной.

Но день за днем таким огнем меня разлука жгла,
Что молодость и красота сгорели в нем дотла!»

«Но где,— ее спросил Юсуф,— где тот огонь жестокий?»
Она в ответ: «Невидим он, в душе — его истоки!

Но приглядишься — и во всем увидишь отраженье
Того огня: в моих глазах, словах, любом движенье.

Попробуй, шах: к моим устам приблизь свою ладонь,
И показать тебе смогу души моей огонь».

Был втайне удивлен Юсуф неожиданною загадкой,
Держал он золотую плеть с узорной рукояткой.

И, осторожно эту плеть к прекрасной протянув,
Почти коснулся нежных уст взволнованный Юсуф.

Вдохнула Зулейха,— и вдруг в струе ее дыханья
На миг слепящего огня сверкнуло полыханье.

Вонзилось пламя в рукоять,— и боль не мог стерпеть,
Из пальцев выронил Юсуф пылающую плеть.

«О шах! — сказала Зулейха.— Кто жить спокойно сможет,
Когда и дух его, и плоть такое пламя гложет?

А я страдальцей была, что целых сорок лет
Промучилась в таком огне, какому равных нет!

В душе скрывался тот огонь, пылая днем и ночью,
И лишь сегодня ты, Юсуф, его узрел воочью.

Знай: из моей души в твою проник огонь любовный,
Но это не простой огонь, а чистый свет духовный.

Теперь ты сам познал, Юсуф, как этот пламень жгуч,—
Будь милосерден: с этих пор не жги меня, не мучь!»

Свершилось! Воспылал Юсуф огнем любовной страсти,
Отныне оказался он весь у нее во власти.

Лишь об одном томился он — о сладостном грехе,
Лишь к одному стремился он — к прекрасной Зулейхе.

И дни, и ночи он рыдал в порыве горькой муки,
Тоску впервые испытал, отчаянье разлуки.

И, увидав, каким огнем несчастный обуян,
Решил беде его помочь сам властелин Реян.

Все силы приложил Реян, чтоб с Зулейхой прекрасной
Соединиться смог Юсуф,— но то был труд напрасный.

Отдав Юсуфу свой огонь любви неумолимой,
Холодной стала Зулейха, суровой, нелюдимою.

Великий властелин Реян к ней сорок дней являлся —
Просил к Юсуфу снизить, увещевал и клялся.

Но возражала Зулейха почтенному Реяну:
«Нет, то незрелая любовь, и верить ей не стану.

Ах, я любила сорок лет — и не ждала пощады,
Он любит только сорок дней, а ждет уже награды?

Пусть он поймет, что не хочу копаться в старых чувствах,
И пусть не шлет ко мне опять посланцев сладкоустых.

Покой желанный обрести — вот цель души моей,
И больше не осталось в ней страданий прошлых дней!»

Вернулся во дворец Реян — и стал еще печальней,
Юсуфа плачущим найдя в тиши опочивальни.

Всю правду рассказал Реян, потом совсем ослаб —
Припал к Юсуфовым ногам, как виноватый раб.

Глаза Юсуфа налились горячими слезами,
Хотел он встать — густой туман поплыл перед глазами,

И, ворот на себе рванув, Реяна оттолкнув,
Упал со стоном на постель, лишился чувств Юсуф.

Глава пятьдесят седьмая,

в которой рассказывается о том, как жестоко мучился влюбленный страдалец и как беседовал Юсуф-хазрат с прекрасной Зулейхой, спрятавшейся за пологом

Кончался день сороковой и ночь сороковая,—
Пылал и мучился Юсуф, от горя изнывая.

Огнем любви его душа была обожжена,—
Ни пищи знать он не хотел, ни отдыха, ни сна.

Все муки страсти и тоски, разлуки и печали,
Что Зулейху за сорок лет сжигали и терзали,

Юсуф несчастный перенес всего за сорок дней—
Но горестям пережитым теперь сравнялся с ней!

Но вот на сорок первый день постиг Юсуф правдивый,
За что его карает суд небесный, справедливый.

Вскричал он: «О души моей защита и опора,
Погибну я от твоего святого приговора!

Да, признаюсь: виновен я в упрямстве и гордыне,
Но снизойди к моей мольбе — прости меня отныне!

Ужель не меньше горьких лет мне суждено томиться,
Чем Зулейхе, влачившей жизнь отверженной вдовицы?

Будь милосерден: или с ней меня соедини,
Иль смерть пошли и пресеки мучительные дни!»

Едва умолк Юсуф-хазрат, как с радостною вестью
Гонец незримый прилетел: «О светоч благочестья!

Знай: не напрасно ты страдал, иссяк источник гнева,
Воспрянь душою — ждет тебя возлюбленная дева!»

Возликовал Юсуф-хазрат, — решаешь на путь открытый,
Он в то же утро к Зулейхе явился с пышной свитой.

За полог скрылась Зулейха, едва вошел он в зал,
Но громким голосом Юсуф упрямец сказал:

«Не прячься, чудо красоты, под шелком покрывала,
Не самовольно я пришел — любовь меня прислала!

Знай, о подруга, чье лицо — цветник моих мечтаний:
Иссякло время наших мук и горьких испытаний.

Любовь — владычица моей, как и твоей, души,
Теперь святой ее приказ исполнить поспеши!»

Тут Зулейха, потрясена его правдивой речью,
Откинув полог, в зал вошла — любимому навстречу:

«Ко мне пришел ты, о Юсуф, святым посланцем рая,
Поистине сильнее любовь, чем сила неземная!

Склóняюсь пред ее лицом! Исчезли все сомненья, —
Теперь готова я ступить на путь соединенья!»

Глава пятьдесят восьмая,

в которой рассказывается о том, как сорок дней продолжалась свадьба, как пировал и веселился весь народ и как навсегда соединились судьбы Юсуфа и Зулейхи

Узнав, что недалек теперь слиянья миг счастливый,
Возрадовался всей душой Юсуф правдолюбивый.

В таком восторге пребывал прославленный эмир,
Что всех сограждан пригласил на небывалый пир.

То лучший месяц был в году — нежаркий, благодатный,
Гуляли, веселились все — и знатный, и незнатный.

Все были на пиру равны — кто беден, кто богат,
И длился пир не день, не два, а сорок дней подряд!

Всего в державе городов двенадцать тысяч было,
Людей в любом из городов двенадцать тысяч жило,

И каждый пел или плясал — на что способен был,
Стремясь искусство показать и молодецкий пыл.

От возбуждения дрожа, гремели барабаны,
И были тысячи людей от счастья словно пьяны.

Казалось, каждый ветерок — любви счастливый вестник,
Казалось, с горлицей дружить стал соловей-чудесник,

Казалось, срежь любой тростник — и тут же, через миг,
Певучей флейтой зазвучит проснувшийся тростник.

Бурлило, било через край веселие народа,
И чудилось: приглашена на праздник вся природа, —

Блистая пышностью земля, как райский вертоград,
Всего же ярче и пышней был свадебный обряд.

Среди садов цветной шатер воздвигнут был чудесный,
Своим богатством и красой затмил он свод небесный.

Он жемчугами и парчой блистал со всех сторон,
А в глубине его сверкал золотой, узорный трон.

Вот зазвучали сотни труб, восторженные клики,
К невесте двинулся жених — правитель солнцеликий.

В алмазном, блестящем венце, сам на алмаз похожий,
Он гордо ехал на коне, за ним — его вельможи.

Казался он с небесных сфер спустившейся звездой,—
Взирали ангелы, дивясь, на блеск ее живой!

Кипели толпы вдоль пути, шли воины рядами,
Над ними, золотом искрясь, играло с ветром знамя.

Сто тысяч всадников лихих скакали впереди,
Сто тысяч всадников других скакали позади.

Был мир звучаньем опьянен пленительных свирелей,
Их заглушая, сотни труб гудели и гремели.

Повсюду пел и пировал ликующий народ,
От криков радостных дрожал лазурный небосвод.

Вернулся с праздника Юсуф со всею пышной свитой,
От счастья и любви сиял властитель знаменитый.

Вошел он в свадебный шатер, настал заветный час:
Супругу милую свою познал он в первый раз.

Глава пятьдесят девятая,

*в которой рассказывается о том, каким благословенным
был брак премудрого Юсуфа и прекрасной Зулейхи и как
прославился Юсуф своим справедливым правлением*

Свершилось! Солнце и луна в лучах любви и славы
Слились друг с другом наконец, прекрасны, величавы.

Сладчайшим сделалось опять то, что горчайшим было,
Соединила власть судьбы два сердца, два светила.

Стал снова радостным цветник в сиянье вешних дней,
И с розой встретился своей влюбленный соловей.

Снял Юсуф — любых торжеств ему казалось мало,
Хотел он, чтобы вся страна на свадьбе пировала.

Народу раздавал дары и рассыпал монеты,
А приближенным подносил парчу и самоцветы.

Весь город сразу стал похож на сказочный дворец,—
Чудесным этот праздник был для всех людских сердец!

О, как прекрасно пребывать в счастливом ожиданье,
Когда душа убеждена, что сбудется желанье.

Кто веру, преданность, любовь смог доказать на деле,
Того незримая рука ведет к желанной цели.

Кто неудачу потерпел, но стойко сносит горе,
Мечты заветной, может быть, уже достигнет вскоре,

И кто по трудному пути настойчиво идет,
Наверняка в конце концов желанное найдет!

Так и Юсуф двенадцать лет страдал в сырой темнице,
Потом заставил Зулейху в огне любви томиться,

Потом и сам горел в огне,— но вот счастливым днем
Блаженство обрели они в слиянии своем.

Был крепок брачный их союз, не ведал ссор и скуки:
То вспоминались им года страданий и разлуки,

То предавались вновь они счастливому веселью,
То нежили свое дитя, склонясь над колыбелью,

То вместе принимались вновь за свой державный труд —
Над беззаконием и злом вершили правый суд.

Юсуф премудрый, мир над ним, из шахского чертога
Страною правил много лет заботливо и строго.

Он справедливость насаждал, порядок неизменный,
Как будто счастье рассыпал рукой благословенной.

Был к богачам суров Юсуф и добр к простому люду:
Как ветер разносилась весть о нем везде и всюду,

И слава добрая его не молкнет до сих пор,
По всей земле распространясь — до самых Кафских гор.

Глава шестидесятая,

в которой рассказывается о том, как счастливо жили Юсуф и Зулейха, как родились у них дети и как все чаще тосковал Юсуф, вспоминая любимого отца

Так увенчались две судьбы прекрасным завершением,
Стал их союз для всей страны алмазным украшением.

Недаром им звезда любви светила день и ночь,—
Два сына родились у них, а вслед за ними — дочь.

Как ни завистлив мир земной, он был обезоружен
Спяньем чистым этих трех чудеснейших жемчужин.

Был старшим сыном Мешам-шах — любимец падишаха,
Лихой джигит, не ведал он ни усталости, ни страха.

Вторым был сыном Ферахим, известный красотою,—
Средь юных шахов он блистал луною золотою.

А Рахима, их дочь, была лицом и станом в мать,—
Такой же гурней земной ей предстояло стать.

Хоть баловать их начала судьба со дня рожденья,
Достойны были своего они происхожденья,—

Для шаха стали с детских лет опорой, утешеньем,
Для доброй матери своей — бесценным украшеньем.

Взирали с радостью на них Юсуф и Зулейха,
Учили истинам святым, хранили от греха.

Но тайно тлела боль в душе Юсуфа-правдолюбца,
Когда он вспоминал отца — премудрого Якуба,

И жажда снова повидать любимого отца
Копилась в нем из года в год, томила без конца,

Как будто книгу он читал, в огне тоски сгорая,
А книга повестью была о милом отчем крае.

Глава шестьдесят первая,

в которой рассказывается о том, как в дни голода, постигшего Ханаан, отправились в дальний путь сыновья Якуба и как узнал великий шах Юсуф о прибытии своих братьев

В тот год объят был Ханаан огнем неурожая —
Весь край постиг неурожай, бедою угрожая.

Жестокой засуха была: источники заглохли,
Хлеба сгорели на корню и пастбища засохли.

Пришли в смятенье сыновья почтенного Якуба,—
Их голод ждал, а нет страшней на свете душегуба.

И вот, к ослепшему отцу явившись поутру,
К его приблизились они печальному одру.

Вздыхая, молвили ему: «Скажи, святой избранник,
Что делать нам? Подай совет, небесных сил посланник!»

И, к бедствующим сыновьям сочувствием объят,
Им слабым голосом сказал слепой Якуб-хазрат:

«Чтоб вам от голода спастись, одно лишь средство знаю:
На юг езжайте за зерном — там нет неурожая.

Теперь там правит, слышал я, властитель благородный —
Законов веры и добра блюститель превосходный.

Такой он полон, говорят, красы и благостыни,
Что солнце — верный раб его, созвездия — рабыни.

Дары ему вручите вы,— и к вам он снизойдет,
Частицу уделит и вам из всех своих щедрот.

О том, что засуха у нас, поведайте правдиво,
И что спасенье — ваша цель, а вовсе не нажива.

И если тронут будет шах смиренной мольбой,
Позволит вам купить зерна и отвезти домой!»

Был очень стар Якуб-хазрат, старее всех в округе,
Имел он десять сыновей — все от одной супруги.

А от второй его жены был сын еще один —
Юсуфа-шаха брат родной — безгрешный Ибн Ямин.

Сильны, отважны, будто львы, сыны Якуба были,
Гордился, радовался он их мужеству и силе.

Но больше, чем других сынов, любил он Ибн Ямина
И ни на шаг не отпускал возлюбленного сына.

С любимцем этим дорогим уединясь вдвоем,
Юсуфа вспоминал старик, в слезах скорбел о нем.

Посоветались сыновья — совету внять решили
И тотчас же в далекий путь собратся поспешили.

Коней отличных у отца забрали из конюшни,
Верблюдов взяли, что сильней, выносливей, послушней,

Решили, что вдесятером поедут за зерном,
А что любимчик Ибн Ямин останется с отцом.

Дары Якуба погрузив да помолвившись богу,
Пустились братья поутру в нелегкую дорогу,

Стремилась к югу день за днем, с утра и допоздна:
Звала, манила их мечты богатая страна.

Вот, наконец, их караван достиг побережья Нила.
Меж тем Юсуфа на заре виденье посетило,—

Гонец незримый прилетел с волнующею вестью:
«О прозорливый! Будь готов к желанному возмездию!»

Пришли мучители твои — бессовестные братья,
Не удалось им избежать небесного проклятья.

Теперь они в сетях нужды, измучены, худы,
Ступай — и видом насладись жестокой их беды!»

Вскочил взволнованный Юсуф, велел трубить тревогу,
Взял сына старшего с собой и ринулся в дорогу.

И гулким топотом коней, движеньем и смятеньем,
Казалось, потрясен был мир, охвачен изумленьем.

В степь устремился падишах с вернейшими бойцами,
Пад ними, золотом блестя, играло с ветром знамя.

Отряды всадников лихих скакали впереди,
Отряды всадников других скакали позади.

Но свиту обогнал Юсуф — и с небольшой охраной
Быстрее всех успел достичь дороги караванной,

И вскоре десять верховых увидел он вдали
Да их верблюдов, что в пыли цепочкою брели.

Не сразу братьев он узнал — худых, покрытых пылью,
Понурых, сдавшихся нужде, печали и бессилью,

И сразу понял, что вконец истощены они,
Что из последних сил влачат мучительные дни.

Глава шестьдесят вторая,

в которой рассказывается о том, как заплакал Юсуф, увидев своих братьев, и как приказал он старшему сыну с почетом встретить прибывших в столицу ханаанцев

На братьев поглядел Юсуф, страдающих, смиренных,
И потекла роса из глаз его благословенных,

И капли слез, что у отца стекали по щекам,
Заметил ехавший вблизи любимый сын Мешам.

Спросил в смятении Мешам: «О падишах великий,
Что значат слезы на твоём солнцеподобном лице?»

Сказал в ответ Юсуф-хазрат: «О глаз моих отрада,
То, что сейчас тебе скажу, держать в секрете надо.

Ты видишь, сын мой, вдалеке тот жалкий караван
И десять путников, что к нам пришли из дальних стран?

Узнай же правду: все они — мои родные братья,
И слезы, видя их беду, не в силах удержать я.

Но чтоб об этом не пошла базарная молва,
В глубокой тайне должен ты хранить мои слова».

Тут круто повернул Юсуф лихого иноходца,
Казалось, вся земля под ним взволнованно трясется.

Взметнулась в поднебесье пыль, затмив сиянье дня,
И, сдвинув брови, все быстрее властитель гнал коня.

Благополучно славный шах достиг своей столицы,
Но трепетала в нём душа, как раненая птица,

И сыну так сказал Юсуф: «О глаз моих отрада,
Пришельцев из далеких стран достойно встретить надо.

Ступай — и тех десятерых несчастных ханаанцев
Радушно, ласково прими, как знатных чужестранцев.

Им дом просторный отведи, вниманья удостой —
В честь их прибытия устрой большой, веселый той,

В знак дружбы всем десятерым халаты подари
И лишь о главном — о родстве — смотри не говори!»

Склонился перед ним Мешам и дал ответ учтивый:
«Все сделаю, как ты сказал, владыка справедливый!»

И встретить дорогих гостей отправился скорей —
С прибытием поздравил их, помог сойти с коней,

Просторный дом для них отвел, вниманья удостоил —
В честь их приезда шумный пир, веселый пир устроил,

В знак дружбы всем десятерым халаты подарил
И лишь о главном — о родстве — молчал, не говорил.

Прошло три дня, и у вельмож спросил Юсуф преславный:
«Из Ханаана гости к нам приехали недавно.

Узнайте: как живут они? Успели отдохнуть?
Пускай придут во дворец — хочу на них взглянуть».

Глава шестьдесят третья,

в которой рассказывается о том, как десять братьев, придя к падишаху, поразились богатству его дворца, но не узнали Юсуфа-газрата, скрывшего от них свое лицо

На пышном троне золотом, в парче одежд богатых,
Юсуф правдивый, мир над ним, сидел в своих палатах.

Был, как всегда, он окружен придворными и войском,
И каждый воин пламенел бесстрашнем геройским.

Таким величественным свод его дворца казался,
Как будто купола небес он куполом касался.

Был словно солнце падишах, и звездами вокруг
Теснились тысячи вельмож, вонтелей и слуг.

Стояли юноши-бойцы направо от владыки —
Как ангелы у входа в рай, стройны и лунолики.

Неописуемой была их гордость, их краса,
И самоцветами у всех сверкали пояса.

Стояли юноши-бойцы и слева от владыки —
Как стражи у небесных врат, грозны и солнцелики.

Блистали мужеством бойцы — лихие храбрецы,
Бросали яркие лучи золотые их венцы.

Стояли ясаулы в ряд у самых ног владыки —
Глядели зорко, опершись на золотые пики.

Узорный занавес свисал у входа в тронный зал —
Юсуфа от недобрых глаз тот занавес спасал.

А десять вызванных к нему приезжих ханаанцев
У входа ждали — среди других гостей и чужестранцев,

Украдкой глянули за край узорной занавески
И онемели, тронный зал увидев в полном блеске.

Ослеплены, поражены, глаза они протерли,
К земле их ноги приросли, слова застыли в горле.

Так был величествен дворец, так сказочно красив,
Что молча замерли они, глаза и рты раскрыв.

Юсуф правдивый, мир над ним, заметив их смятенье,
Решил им, наконец, явить свое благоволение,—

Велел их к трону подвести и молвил благосклонно:
«Откуда вы? И почему глядите так смущенно?»

Скажите прямо: для чего вы здесь, в моей стране?
Кто самый старший среди вас, пускай ответит мне!»

*Глава шестьдесят четвертая,
в которой рассказывается о том, как объяснили десять
братьев причину своего приезда и как взволнован был
Юсуф известием о любимом отце*

Склонились братья до земли и, вид приняв смиренный,
Ответили: «Дозволь сказать, о шах благословенный!

Мы все — от одного отца и матери одной,
И праведен родитель наш — Якуб-хазрат святой.

Явились мы в твою страну, пройдя по многим странам,
А наш любимый отчий край зовется Ханааном,

И от почтенного отца — ему почти сто лет —
Тебе, о справедливый шах, мы привезли привет.

Был у отца любимый сын — его Юсуфом звали,
Но съел его голодный волк в стени, где мы гуляли.

Полвека с той поры прошло, а он все не забыт:
О нем поныне день и ночь родитель наш скорбит.

От горя дух его потух, как пламя гаснет в пепле,
От жгучих слез его глаза уже давно ослепли.

И вот, несчастный и больной, остаток горьких дней
Проводит бедный наш отец в обители скорбей.

Одежду носит он теперь лишь из верблюжьей шерсти,
И стала жизнь его темней, чем адский мрак разверстый.

Его любимцем новым стать из нас бы каждый рад,
Но безутешен наш отец — святой Якуб-хазрат.

А этот год явился к нам, бедою угрожая:
Весь Ханаан сейчас объят огнем неурожая.

И молвил мудрый наш отец: «Спасенье лишь одно,
На юг отправьтесь поскорей — там купите зерно!»

Дары он шлет, чтоб доказать, что мы отнюдь не лживы,
Что милосердья ищем мы, а вовсе не наживы.

О мудрый шах! Перед тобой склоняемся с мольбой:
Нам закупить зерна позволь да отпусти домой!»

Сидел на троне шах Юсуф и, затаив дыханье,
Внимал рассказу, скрыв лицо под шелковой тканью.

Узнав, что жив его отец, но в скорби безутешной,
Встал падишах, покинул зал походкою поспешной

И в спальне скрылся ото всех, чтоб слез не показать,
А там с рыданьями упал на пышную кровать.

Вошла, спросила Зулейха — была в словах тревога:
«О, что с тобой, любимый мой? Скажи мне ради бога!»

Приди в себя, о властелин, со мною рядом сядь,
Скажи: о чем тебе страдать, о чем тебе рыдать?»

Глава шестьдесят пятая,

в которой рассказывается о том, как разгневался Юсуф на своих братьев, не открыл им правды о себе, велел одному из ханаанцев остаться заложником

Ответил ей Юсуф-хазрат: «От всех я слезы прячу
И лишь тебе одной скажу, о чем так горько плачу.

Сегодня я узнал, что жив родитель мой почтенный
И любит до сих пор меня любовью неизменной.

Жив мой возлюбленный отец! Об этом рассказали
Те ханаанцы, что сейчас стоят в приемном зале.

Их десять прибыло, и все — мои родные братья,
И слезы, слыша их рассказ, не в силах был сдержать я.

Но чтоб об этом не пошла базарная молва,
В глубокой тайне, о жена, храни мои слова!»

Сказал — и, снова скрыв лицо под шелковую тканью,
С горящим сердцем, полным слез, и гнева, и страданья,

В приемный зал вернулся он, опять воссел на трон
И молвил братьям, против них душой ожесточен:

«Не верю вам! Не за зерном вы шли из Ханаана!
Уж не лазутчики ли вы из вражеского стана?»

Сдается мне: вы лишь на вид смиренны и просты,
А ваши языки хитры и мысли нечисты!»

Вскричали братья: «О султан! О мудрости обитель!
Зачем подозреваешь нас? За что нас так обидел?»

Известен честностью наш род во всех соседних странах
И не замешан ни в каких бесчинствах и обманах.

Велик и славен предок наш — святой Халил-ул-лах,
Клянемся небом: мы честны и в мыслях, и в делах!»

«Купить зерно,— сказал Юсуф,— я, так и быть, позволю,
У ваших близких и родных да будет хлеба вволю.

Но вот условие мое: пускай в моей столице
Заложником один из вас остаться согласится.

А мне письмо Якуб-хазрат пришлет с любимым сыном,
Притом не с кем-нибудь из вас, а только с Ибн Ямином.

Пусть вашу честность подтвердит почтенный ваш отец,
Тогда домой и пленный брат вернется наконец.

Коль подтвердится ваш рассказ, не жаль любой награды,
Но если в нем хоть капля лжи, не будет вам пощады.

Да, если вы солгали мне, то знайте наперед:
Не только брат в плену умрет — всех наказание ждет!»

Склонились братья до земли пред грозным властелином:
«Все сделаем, как ты велишь, но помощь окажи нам!

О шах, страдающим открой к спасенью путь прямой:
Скорей позволь зерна купить да отпусти домой!»

Был среди них Шемун-силач, по-львиному бесстрашный,
Непобедимый и в стрельбе, и в схватке рукопашной.

Сказал он шаху: «Я готов заложником остаться,
Их отпусти, а я дождусь возлюбленного брата.

Коль не успеет он прибыть к назначенному сроку,
Что хочешь делай — покорюсь безжалостному року.

Пускай погибну, — но в живых останется семья,
А платой за твое зерно да будет жизнь моя!»

Глава шестьдесят шестая,

в которой рассказывается о том, как братья привезли зерно в Ханаан и как объяснили отцу, почему отважному Шемуну пришлось остаться на чужбине

Тогда правдивейший Юсуф сказал своим везирам:
«Немедля дайте им зерна и отпустите с миром.

Хочу, чтоб тотчас же они в обратный путь пустились,
Ведь пострадались жены их и дети истомились.

А вам, пришельцы, так скажу: не бойтесь и не плачьте,
В свои дорожные вьюки зерно надежней спрячьте.

Знать ханаанцам остальным не следует о том,
Когда и где и у кого вы запаслись зерном».

Десятки слуг его приказ исполнить поспешили —
По девяти большим вьюкам зерно распределили.

А братья, погрузив вьюки, пустились тотчас в путь,
Спеша обрадовать родню и на отца взглянуть.

Шли, не сворачивая, вдаль — с восхода до заката
И вспоминали по пути оставленного брата.

Упорство их вело вперед, — шагая неустанно,
Достигли наконец они пределов Ханаана,

Вернулись радостно домой, скорей сгрузили кладь
И о прибытии своем пошли отцу сказать.

Якуб-хазрат, святой старик, согбенный и незрячий,
Сынов подробно расспросил, поздравил их с удачей.

Потом сказал: «А где Шемун? Быть может, нездоров?
Не слышу голоса его среди ваших голосов!»

Тут сыновья ему в ответ: «О ты, посланец божий,
Тебе ни словом не солжем, ты жизни нам дороже!

Нам во дворец прийти велел властитель правоверный,
Блистает и богатством он, и мощью беспримерной.

Слугою в доме у него великий Нух бессмертный,
Привратники и сторожа — рой ангелов несметный.

Беликолепье у него, могущество и власть,—
Немеет разум перед ним и ниц готов упасть.

Едва явились в город мы, тот мудрый повелитель
Жилище сразу нам отвел — чудесную обитель.

Три дня, три ночи сын его в богатом помещенье
Так нас любезно угощал, что мы пришли в смущенье.

Еще нам дал великий шах богатые наряды,—
Не заслужили мы ничем такой большой награды!

Когда ж три ночи и три дня окончились, отец,
Нас пригласил преславный шах явиться во дворец.

В его чертоги мы пришли и там, в приемном зале,
Неслыханную красоту и пышность увидали.

Чтоб описать такой дворец, бессильны ум и взгляд,
Небесный рай в сравненье с ним — обыкновенный сад.

Владыки грозное лицо под покрывалом было,
Как скрывшееся в облаках полдненное светило.

Величьем, властностью, умом могучий шах блистал,
Про ханаанский наш народ расспрашивать он стал.

Сиротил он, много ль до сих пор случалось недородов
И сколько нам в пути пришлось проделать переходов,

Кто в Ханаане наш отец, какое носит имя,
Чем славится наш древний род — деяньями какими,

И строго молвил: «А теперь скажите правду мне:
Зачем пришли? Что за дела у вас в моей стране?»

И снова стали повторять мы с самого начала,
Что нас жестокая беда в страну его пригнала.

Подробней рассказали мы о нашем отчем крае,
О добрых, щедрых временах, о злом неурожае.

И о тебе, о наш отец, мы тоже рассказали,—
Как ты, Юсуфа потеряв, живешь в тоске-печали,

О том, как был погибший брат безгрешен и красив,—
Все рассказали, до конца быть честными решив.

Внезапно в гневе молвил шах: «Неправду вы сказали!
Лазутчиками в город мой враги вас подослали!

А может, лиходеи вы? Под маскою коварства
Явились вы творить разбой и грабить государство?»

Уж очень сбивчив ваш рассказ, в нем смысла не найдешь,
Он от начала до конца — одна сплошная ложь!»

«Помилуй! — возопили мы, полны тоски и страха.—
Ничто не скрыто от лица всезрящего аллаха.

Не сомневайся, мудрый шах, правдивы, честны мы,
К тому же множеству людей давно известны мы!»

Сказал неумолимый шах: «Со мною не лукавьте,
Хотите правду доказать — заложника оставьте.

Зерно я вам немедля дам и отпущу домой,
Но до поры один из вас останется со мной.

Пускай посланье ваш отец пришлет с любимым сыном —
Пришлет не с кем-нибудь из вас, а только с Ибн Ямнином.

Пусть вашу правду подтвердит святой Якуб-пророк,
И лишь тогда поверю вам!» — так властелин изрек.

Что было делать? Не могли мы с шахом препираться.
Вот тут и вызвался Шемун заложником остаться.

Конечно, выволить его мы дали обещанье,
И вот что братец дорогой сказал нам на прощанье:

«Счастливей путь! И если жаль вам головы моей,
То с Ибн Ямином и письмом вернитесь поскорей!»

Глава шестьдесят седьмая,

в которой рассказывается о том, как пришел в отчаянье Якуб-хазрат и как отказался он разлучиться с самым любимым из оставшихся у него сыновей

Тут зарыдал Якуб-хазрат, известьем потрясен,
Вознесся из его груди протяжный плач и стон:

«Я столько плакал, разлучен с моим Юсуфом юным,
Теперь в разлуке мне страдать и с дорогим Шемуном?»

Пришли вы душу мне терзать бедой еще одной?
О горе! Где ты, мой Юсуф, где ты, Шемун родной?..»

Тут стали клясться сыновья, чтоб старца успокоить:
«Не мучь себя, о наш пророк, сумеем все устроить!

Ведь в безопасности Шемун, хотя и на чужбине,
Зачем же плачешь ты о нем, как о погибшем сыне?

Скорее шагу ты отправь правдивое посланье,—
Пусть нам послание твое послужит в оправданье.

Посланье Ибн Ямину дай, поедем вместе с ним,
И возвратится твой Шемун, здоров и невредим!»

Разгневался Якуб-хазрат: «К чему болтать впустую?
Как вы посмели предложить бессмыслицу такую?

Всегда со мною Ибн Ямин, он шагу не отходит,
В моей обители скорбей он день и ночь проводит.

А вы остаток дней моих решили омрачить —
С последней радостью меня решили разлучить?»

Тогда сказали сыновья: «Коль так, о просвещенный,
Что думать нам о той стране чужой и отдаленной?»

Пускай останется Шемун навек в чужом краю —
Томится в страхе и тоске, клянет судьбу свою!»

Глава шестьдесят восьмая,

в которой рассказывается о том, как был вынужден Якуб-хазрат отпустить на чужбину своего любимца Ибн Ямина, и о том, какую клятву дали ему на прощанье сыновья

Тогда воззвал Якуб-хазрат: «О всеблагой аллах,
Все видишь ты, все знаешь ты о всех земных делах!

И лишь тебе, чья доброта — оплот всех одиноких,
Пожаловаться я могу во дни тревог жестоких!»

И, к Ибн Ямину обратясь, сказал он: «О мой друг!
Увы, умножилось число моих скорбей и мук.

Ступай же, приведи писца,— пусть о моем страданье
Сегодня же напишет он правдивое посланье».

Был мудр Якуб: велев позвать умелого писца,
Продиктовал ему письмо с начала до конца,

Всю жизнь свою пересказал, с печалью помянув
О том, как сын его погиб — возлюбленный Юсуф,

О горестях голодных лет поведал откровенно,
Просил Шемуна пощадить и выпустить из плена,

И в дальний край, как приказал суровый властелин,
С посланьем этим должен был поехать Ибн Ямин.

Созвал сынов Якуб-хазрат, сказал им в час прощанья:
«В путь отправляйтесь, и чисты да будут в вас желанья.

Пусть правда вас ведет вперед, лишь правде доверяйте,
И в этот час все, как один, мне обещанье дайте:

Случится ль выгоду иметь, убыток ли терпеть,
Забудьте зависть и вражду — друзьями будьте впредь!»

Так дряхлый говорил отец, и дали на прощанье
Растроганные сыновья святое обещанье.

И вот что каждый повторил в волнении глубококом:
«О ты, что до конца времен останешься пророком.

Пусть разлучиться, согнуть нам, в аду сгореть дотла,
Коль наши мысли и дела послужат силам зла!»

И, в искренности убедаясь присяги их священной,
Возрадовался всей душой Якуб-хазрат почтенный.

Уже не тратя лишних слов, привел он Ибн Ямина
И старшим братьям поручил возлюбленного сына.

Сказал ему: «Ступай, мой сын, в далекую дорогу,
И днем и ночью за тебя молиться буду богу.

А вам скажу, сыны мои: стремясь упорно к цели,
Успеха вы наверняка добьетесь в каждом деле.

Желаю с братом дорогим вернуться вам скорей!» —
И горячо благословил любимых сыновей.

Глядели братья на отца с почтеньем и волненьем,
Внимали братья всей душой премудрым наставленьям.

От прежних распрей и обид освободив сердца,
В дорогу двинулись они с посланием отца.

За переходом переход, с восхода до заката
Шли братья, выручить решив покинутого брата.

Упорно шли и шли они, — и вот, по воле бога,
Их снова к цели привела далекая дорога.

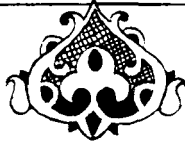
Решили братья поступать теперь не наугад,
А в точности как говорил святой Якуб-хазрат.

В пути не ссорились они, — держась все время вместе,
Благополучно добрались до городских предместий.

Едва устроились, пошли к Шемуну первым делом
И успокоились, узрев его живым и целым.

Потом владыке дали знать, что прибыли опять,
А сами стали отдыхать да терпеливо ждать.

Глава шестьдесят девятая,

в которой рассказывается о том, как вторично отправились братья в путь, с каким почетом были встречены и как опять предстали перед престолом великого падишаха

Узнал правдивый властелин — Юсуф прекраснолицый,
Что братья прибыли с утра, они опять в столице,

Что с ними и любимый брат, безгрешный Ибн Ямин,
И небо возблагодарили премудрый властелин.

Сказал он сыну своему: «Души моей отрада,
Вели скорей седлать коня, гостей проведать надо.

Тебе о тайне роковой опять напомним я:
Они родные братья мне, а для тебя — дядья.

Хочу, чтоб ханаанцев ты вниманья удостоил —
Как следует их угостил, трехдневный пир устроил.

Но берегись — не открывай им нашего родства,
В глубокой тайне до поры храни мои слова!»

Все сделал сын, как повелел Юсуф-хазрат правдивый:
Явился тотчас же к гостям, красивый и учтивый,

Три дня, три ночи улажал приезжих ханаанцев,
По-царски щедро угощал, как знатных чужестранцев.

Три дня он с ними пировал в роскошном помещенье.
Так их богато одарял, что те пришли в смущенье.

Но вот три ночи и три дня минули наконец,
И были вызваны они к владыке во дворец.

Когда приблизились они к чертогам властелина,
Предстала алчным их глазам чудесная картина.

На сад Ирема был похож роскошный сад дворцовый,
Застыли стражи у ворот, могучи и суровы.

Виднелось множество в саду затейливых беседок —
Блистали золотом они в тени цветущих веток.

Подобен райским кушам был чудесный этот сад,
Чтоб охватить его красу, бессильны ум и взгляд.

На пышном троне золотом, в парче одежд богатых
Юсуф правдивый, мир над ним, сидел в своих палатах.

Торжествея, горд своей судьбой сидел великий шах,
Счастливым взором пред собой глядел великий шах.

И в ожиданье слов его стояла возле входа
Благоговейная толпа подвластного народа.

Узорный занавес свисал у входа в тронный зал,
А весь народ снаружи был — владыку ожидал.

И все собравшиеся здесь, от мала до велика,
Мечтали, чтоб явился им прославленный владыка.

Тут десять ханаанцев в зал почтительно вошли
И в знак готовности служить склонились до земли.

Глаза смиренно опустив, застыли у порога,
И голос шаха прозвучал властительно и строго:

«Вы в Ханаан свезли зерно — теперь явились снова?
Хотите, чтобы вам вернул я брата дорогого?»

А что же ваш Якуб-хазрат? И где его привет?
Обещанное мне письмо прислал он — или нет?»

Глава семидесятая,

в которой рассказывается о том, как братья вручили послание Якуба и как заплакал правдивый Юсуф-хазрат при виде письма, присланного его досточтимым отцом

Слова Юсуфа услышав, упали братья ниц,
И в ту минуту радость их не ведала границ.

Смиренно землю перед ним они поцеловали,
Потом к престолу подойдя, владыку славить стали,

Превозносили до небес с восторгом и любовью,
И думалось: теперь конца не будет славословью.

Но вот свершилось! Наступил благословенный миг:
Взял драгоценное письмо владыка из владык.

Взял, осторожно развернул — и тотчас лик прекрасный
Еще плотнее шах прикрыл завесой атласной.

Душевных мук он ощутил такой порыв жестокий,
Что потекли не слезы — кровь на розовые щеки.

Встал и поспешно скрылся шах в своей опочивальне,
А там стонать и плакать стал все громче и печальней.

Тоской мучительной томясь по милому отцу,
Письмо он гладил, целовал, прикладывал к лицу.

Вошла, спросила Зулейха: «О жизнь моя! В чем дело?
О чем скорбишь? Что за печаль душою овладела?»

Чтоб слезы высохли твои, пожертвую собой!
Что за письмо ты получил, скажи, владыка мой?..»

Сквозь слезы поглядел Юсуф и, поборов рыданье,
Ответил: «Лишь тебе скажу, что это за посланье.

Письмо мне это, о жена, Якуб-хазрат прислал,
И душу ранило оно больнее, чем кинжал.

Да, это пишет мой отец! Ты знаешь, сколько муки
Уже пятидесятый год терплю я с ним в разлуке.

Но знаю я: огнем тоски и он испепелен
И дом его в обитель слез и скорби превращен.

Из Ханаана вновь пришли мои родные братья,
Письмо они вручили мне, и слез не мог сдержать я.

Но чтоб об этом не пошла базарная молва,
В глубокой тайне, Зулейха, храни мои слова!»

Глава семьдесят первая,

в которой рассказывается о том, как пригласили братьев на шахскую трапезу и как загрустил безгрешный Ибн Ямин, вспомнив о горестной судьбе своего любимого брата

Юсуф правдивый, мудрый шах, достойный всех похвал,
Простился с милой Зулейхой, вернулся в тронный зал.

В глубоких тайниках души он скрыл огонь разлуки,
Не обнаруживал ничем своей сердечной муки.

Настала трапезы пора, — внесли кувшины, блюда:
На каждом блюде — лучших яств заманчивая гряда.

Вельможи, беки собрались со всех концов страны,
И были всем по их чинам места отведены.

Изрек тогда Юсуф-хазрат такое повеленье:
«Распорядителя пиров позвать без промедленья».

И обратился шах к нему с таким приказом мудрым:
«Из Ханаана гости к нам пришли сегодня утром,

Они в наш благодатный край явились издалека,
И, мнится мне, свой род ведут от самого пророка,

Так принеси шесть золотых, с отборной снедью блюд
И ханаанцам предложи — пускай едят и пьют.

Дай им по блюду на двоих, — да это и понятно:
Они ведь братья, и вдвоем им будет есть приятно.

Смотри же, вдоволь их корми, чтоб были благодарны,
А чтоб не ссорились они, их рассади попарно».

Исполнен тотчас был приказ, и для гостей желанных
Немедля с яствами внесли шесть блюд златочеканных.

И, благодарность сотни раз воздав за эту честь,
Решили братья наконец за эти блюда сесть.

В столицу прибыли они вдесятером сначала,
Но снова с ними был Шемун — одиннадцать их стало.

Уселись по двое они,— и только Ибн Ямин
Сидеть за блюдом золотым был вынужден один.

И вспомнил тут Юсуфа он — возлюбленного брата,
И в тот же миг огнем тоски душа была объята.

И слезы хлынули, как дождь, пролитый темной тучей,
И показались груды яств ему отравой жгучей.

Глава семьдесят вторая,

*в которой рассказывается о том, как правдиво ответил
Ибн Ямин на вопрос великого падишаха и как поведал
ему о своей тоске по погибшему брату*

Сидел за трапезой Юсуф, но лик его прекрасный
Был скрыт по-прежнему от всех завесю атласной.

«О ханаанцы! — молвил он. — Сегодня в этом зале
Пируем мы, — но почему один из вас в печали?»

Недаром, видно, он скорбит — тому причина есть,
Но что за горе на пиру ему мешает есть?»

Тогда поднялся Ибн Ямин и молвил властелину:
«Дозволь открыть, о властелин, тоски моей причину.

Ни капли правды от тебя не вздумаю скрывать я:
Взгляни на них десятерых — они родные братья,

А я — от матери другой, я только сводный брат,
И вместе есть они со мной из блюда не хотят.

Был брат родной и у меня: его Юсуфом звали,
Рабынями его лица луна и солнце стали.

Но горе! Душу жжет мою мучительный упрек:
Во имя брата своего я жертвой стать не смог.

Полвека с той поры прошло: пропал мой брат любимый,
Томит меня разлука с ним тоскою нестерпимой.

Ах, был бы жив мой милый брат, тогда сегодня днем
И мы на празднестве твоём сидели бы вдвоем.

Когда б он оказался здесь,— случись такое чудо,—
Со мной бы рядом он сидел у золотого блюда.

Вот почему страдаю я, плаваю, как в огне,—
Тоска о брате дорогим сжигает душу мне!»

Тогда не выдержал Юсуф — в порыве состраданья
Под покрывалом не сдержал протяжного рыданья.

Потом сказал: «От всей души тебя, мой гость, жалею,
Тебе составлю пару я за трапезой моею.

Не бойся, подойди ко мне — как друг, садись вблизи
И встречу с братом хоть на миг себе вообрази!»

Глава семьдесят третья,

в которой рассказывается о том, какой великой чести удостоился Ибн Ямин, как сидел он рядом с шахом за трапезой и как узнал Юсуфа по несравненной красоте его рук

Повиновался Ибн Ямин — с почтением и страхом
Беспрекословно рядом сел с могучим падишахом.

Все изумились: от вельмож до челяди придворной,
А из дворца молва пошла по всей стране просторной

О том, как добр владыка был к простому ханаанцу,
О том, что даже рядом сесть позволил чужестранцу,

Что заслужил приезжий гость неслыханную честь:
Посмел из блюда одного с самим владыкой есть!

Его по-братски угощать стал падишах могучий,
Сквозь покрывало лик сиял, как месяц из-за тучи.

Случайно глянул Ибн Ямин на руки властелина
И взволновался, хоть и сам не ведал, в чем причина.

Слезами увлажнилась вновь ресниц его кайма,
В нем подозренье родилось — чуть не свело с ума!

Тогда спросил Юсуф-хазрат: «Скажи, о безутешный,
О чем ты плачешь и скорбишь душой своей безгрешной?»

Подумай, как ты вознесен всеблагостным аллахом:
Из блюда одного ты ешь со мною — с падишахом!»

Ему ответил Ибн Ямин: «О шах великодушный,
Всю жизнь тебя благодарить готов твой раб послушный!»

Но мысли тайные мои открыть тебе позволю,
Тогда поймешь души моей мучительную боль».

И шах промолвил: «Вижу, друг, что ты в тоске бескрайной,
Не бойся, поделись со мной своей печальной тайной».

И тут признался Ибн Ямин с правдивостью святою:
«На ваши руки я гляжу, пленен их красотою.

Они изящны и нежны — совсем как руки брата,
О нем я вспомнил, и тоской душа опять объята!»

Тогда задумался Юсуф и, пристально взглянув,
Спросил: «Ты видел, где и как исчез твой брат Юсуф?»»

*Глава семьдесят четвертая,
в которой рассказывается о том, как поведен Ибн Ямин
о пропавшем брате и как был удивлен Юсуф-хазрат, уви-
дев через много лет свою окровавленную рубашку*

Дыханье затаили все, кто находились в зале,
А Ибн Ямин заговорил в задумчивой печали:

«Как брат мой сгинул, для меня загадкой остается,—
Я помню братьев остальных, стоявших у колодца.

Сначала с ними не был я,— когда же братьев встретил.
То с удивленьем среди них Юсуфа не заметил.

Внезапно подняли они истошный плач и вой
И к нашему отцу пришли с повинной головой.

Рыдали, каялись они: «О посланный аллахом!
Мы согрешили, мы полны отчаяньем и страхом.

В степь мы ушли, увлечены чудесною дорогой,
А наш возлюбленный Юсуф от нас отстал немного.

Тогда мы бросились искать: куда пропал бедняжка?
И видим: вся в крови лежит в кустах его рубашка.

О, горе! Согрешили мы, забыли братний долг,
А на Юсуфа той порой напал свирепый волк!»

Со дня того Якуб-хазрат от скорби изнывает,
Забыв о радостях земных, в молитвах пребывает.

И мы, презренные, скорбим поныне вместе с ним,
И горестно в разлуке нам с Юсуфом дорогим!»

«Тебя, мой друг, — сказал Юсуф, владыка правоверных, —
Хочу избавить от твоих страданий непомерных.

Рубашку брата своего ты мог бы показать?
Как появилась кровь на ней — хотел бы я узнать».

Ему ответил Ибн Ямин: «О падишах могучий!
Ты прав: по брату своему томлюсь я скорбью жгучей.

Его рубашку много лет я свято берегу
И, если хочешь, хоть сейчас достать ее могу.

Рубашку эту, всю в крови и порванную в клочья,
Я, как святыню, на груди храню и днем, и ночью.

Да, в этом мире, полном слез, печальном и обманном,
Она мне служит много лет надежным талисманом».

Тогда поднялся падишах, сказав ему: «Пойдем, —
Хочу с тобою, добрый гость, поговорить вдвоем».

Покинул он парадный зал, где гости пировали,
И с хапаанцем сел Юсуф вдвоем в соседнем зале.

Там сверток бережно достал правдивый Ибн Ямин,
И развернул, и произнес: «Взгляни, о господин!»

Угодно было в этот час всезрящему аллаху,
Чтоб через столько лет Юсуф узнал свою рубаху.

С волнеьем тайным на нее зрочки его взглянули,
Опять в нарциссовых глазах росинки слез блеснули.

Юсуф, рубашку осмотрев, сказал: «Теперь понятно,
Как эти красные на ней могли возникнуть пятна.

Не человеческая кровь, клянусь, на ней видна,
Козленка кровью молодой она обагрена».

Вновь Ибн Ямин не поборол своей печали жгучей,
И слезы брызнули из глаз, как из весенней тучи.

Воскликнул он: «О падишах, властитель правоверных!
На свете больше нет таких провидцев беспримерных!»

Разгадку тайны этой смог ты сразу же найти,—
Козленка мертвого в тот день я видел на пути!..»

В ответ вздохнул Юсуф-хазрат, вздохнул, тоскуя тяжко,
Притягивала взор его знакомая рубашка.

«Здесь ложь и злоба,— молвил он,— запутать след успели,
Сам дьявол, думается мне, замешан в этом деле.

Но правда путь себе пробьет из мглы противоречий,—
На смену скорби и тоске наступит радость встречи.

Я пятьдесят тоскливых лет об этом дне мечтал,
С дороги глаз не отрывал — и этот день настал!»

«О милосердный! — Ибн Ямин к владыке обратился.—
Любимый брат теперь в тебя, великий, воплотился!

Да, с ним ты схож и добротой, и красотой земной,—
Юсуфа руки у тебя, о шах, властитель мой!»

Глава семьдесят пятая,

в которой рассказывается о том, как, оставшись наедине с Ибн Ямином, открыл свою тайну Юсуф-хазрат и какую радостной была встреча двух любящих братьев

Тогда сказал Юсуф-хазрат: «Сейчас поверишь чуду,
Не сокрушайся, добрый друг, тебе я братом буду!»

Никто не слышал этих слов,— вдвоем в соседнем зале
Юсуф-хазрат и Ибн Ямин беседу продолжали.

Заплакал горько Ибн Ямин, услышав это слово:
«Вы так добры, владыка мой, добрей отца родного!»

Но брат для брата, о мой шах, милей отца и друга,
А их любовь — живой бальзам от горя и недуга.

Увы, мой милый брат Юсуф никем не заменим —
Сгорели тело и душа в огне разлуки с ним!»

Тогда не выдержал Юсуф,— в нем сердце запылало,
С луноподобного лица он сбросил покрывало.

Взглянул безгрешный Ибн Ямин в лицо ему впервые
Да так и обомлел, узнав черты его родные.

От неожиданности он протяжный крик издал
И, как сраженный наповал, в беспомоществе упал.

Вскочил Юсуф, была душа смятением объята,
Скорей обнял он, приподнял возлюбленного брата.

Приник лицом к его лицу могучий властелин,
Покуда не пришел в себя безгрешный Ибн Ямин.

Воскликнул он, глаза открыв: «О мой Юсуф прекрасный,
О светоч мой, всегда живой и смерти неподвластный!

Такое счастье, что судьба сейчас прислала мне,
Прийти не может наяву — бывает лишь во сне!»

Сказал,— и крепко, горячо два брата обнялись,
Расспрашивать о всех делах друг друга принялись.

Спросил с упреком Ибн Ямин: «Зачем от нас ты скрылся?
Зачем так много долгих лет ты от родных таился?»

Зачем решил огнем тоски нас превратить во прах?
Ответь, о наш любимый брат, высокочтимый шах!»

«Не узнавай,— сказал Юсуф,— моей сокрытой цели,
Душа и тело от тоски и у меня сгорели.

Те десять братьев, что сейчас пируют там, снаружи,
Враги, мучители мои, любых злодеев хуже!

Но их бесчестные дела открылись, наконец,
За злую ложь свою сполна получит каждый лжец!»

Тут начал Ибн Ямин просить возлюбленного братца:
«Не заставляй меня, Юсуф, опять с тобой расстаться.

Пока живу, твой светлый лик хочу я зреть воочью,
Тебе служить, любимый брат, готов я днем и ночью.

В огонь разлуки жизнь мою опять не ввергни ты,
Будь милосердец, о родник любви и доброты!»

Глава семьдесят шестая,

в которой рассказывается о том, какое обещание дал Юсуф любимому брату и как поразились остальные братья, узнав о небывалой прозорливости прославленного шаха

«Не беспокойся! — так в ответ сказал Юсуф правдивый. — С тобою не расстанусь я, пока мы оба живы.

Решил на хитрость я пойти, чтоб быть с тобою вместе,
Хочу я братьям отомстить за горе и бесчестье.

Но все, что слышал от меня, ты в тайне сохрани,
Об этом братьям остальным смотри не намеки.

Ступай же к ним и ни о чем теперь не беспокойся —
Разлуки новой не страшись и новых бед не бойся!»

Беречь их тайну Ибн Ямин владыке обещал
И тотчас к братьям остальным пошел в соседний зал.

Сказали с завистью они: «По милости аллаха
Теперь ты близким другом стал прославленного шаха.

С тобой из блюда одного вкушал сей властелин,
Как столь высоко вознестись сумел ты, Ибн Ямин?»

Ответил их беззлбный брат: «Сидел я с вами в зале,
Все пировали, — и лишь я горел в огне печали.

Юсуфа стал я вспоминать, охвачен скорбью жгучей,
Не мог сдержаться — слезы лил подобно вешней туче.

Заметил шах — решил узнать тоски моей причину,
И о Юсуфе мне пришлось поведать властелину.

Когда же все я рассказал, что было мне известно,
Ответил падишах: «Твой брат погублен был бесчестно!

Но если от рубашки той остался бы случайно
Хоть лоскуток, то и сейчас могла б раскрыться тайна».

Известно вам, что до сих пор рубашки этой ключья
Я, как святыню, на груди хранил и днем, и ночью.

Мне в этом мире, полном слез, печальном и обманном,
Она служила много лет надежным талисманом.

Когда же шаху-мудрецу я рассказал о ней,
Рубашку эту посмотреть он пожелал скорей.

Узрел владыка, что в крови испачкана рубашка,
Ее поспешно в руки взял, вздохнул тревожно, тяжко.

Потом задумчиво сказал: «Все это очень странно!
Рубашка брата твоего — свидетельство обмана.

Ведь не мужчины эта кровь и даже не ребенка,—
Она из раны пролилась убитого козленка.

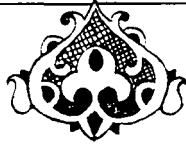
А значит, не погиб Юсуф, он на земле, он жив!» —
Так говорил великий шах, премудр и прозорлив».

Застыли братья, обомлев,— был поражен их разум,—
Молчали долго, а затем заговорили разом:

«У шаха этого и впрямь священный дар провидца,
Коль могут прошлые дела глазам его открыться!

Все видит взор его святой — не ведает помех,
Из тех, кто мудр и прозорлив, он прозорливей всех!»

Глава семьдесят седьмая,

в которой рассказывается о том, какой приказ отдал Юсуф своему казначею и к какой хитрости решил прибегнуть, чтобы не расставаться с любимым братом Ибн Ямином

Решив, что надо продолжать задуманное дело,
Стал дальше действовать Юсуф настойчиво и смело.

Он казначею так сказал: «Мой верный казначей,
В подвалы ходом потайным отправься поскорей.

Там, среди множества богатств, чудесных и несметных,
Найдешь златую чашу ты в узорах самоцветных.

Возьми ее, ступай в амбар, а слугам повели,
Чтоб ханаанцев в закрома немедля привели.

Мешки готовить прикажи, проси поторопиться,
И этой чашей золотой отмеришь им пшеницы.

Зерно отборное возьмешь и поровну им дашь —
Насыплешь каждому в мешок по девять полных чаш.

Последнему пшеницу ты отмеришь Ибн Ямину
И чашу в тот мешок тайком засунешь в середину,

Да так, чтоб не видал никто, — и пусть их караван
Идет на следующий день обратно в Ханаан.

Когда же отойдут они немного от столицы,
Пусть конных воинов отряд за ними вслед помчится.

Погоню эту сам возглавь: гостей вели догнать,
Остановить и окружить и обыскать их кладь.

Ты ханаанцам так скажи: «Хоть вы и гости наши,
Но нет ли во вьюках у вас золоточеканной чаши?»

Пропала чаша из дворца, и отдан был приказ
Немедля осмотреть мешки у каждого из вас!»

Когда ж обыскивать у них начнете вы поклажу,
У Ибн Ямина во вьюке найдете вы пропажу.

Хватайте тотчас же его и в мой дворец везите,
А если братья вступят в спор — оружием пригрозите!»

Так шах сказал,— и поспешил усердный казначей
Все, что Юсуф ему велел, исполнить поскорей.

Явились братья во дворец — с правителем проститься,
Чтоб с разрешения его в обратный путь пуститься.

Вновь были приняты они премудрым властелином,
И вновь уединился он с безгрешным Ибн Ямином.

Свой тайный замысел ему открыл Юсуф-хазрат,
А братьям разрешение дал отправиться назад.

И вот на следующий день их мирный караван
Пошел, нагруженный зерном, в далекий Ханаан.

*Глава семьдесят восьмая,
в которой рассказывается о том, как был обвинен в воров-
стве безвинный и безгрешный Ибн Ямин и как сурово
встретил Юсуф вернувшихся ханаанцев*

Спешили братья в край родной, и только брат один
В тоске-печали пребывал — безгрешный Ибн Ямин.

Все улыбались,— он один был грустным и унылым,
Горело сердце, как в огне, в разлуке с братом милым.

Взглянули путники назад — в смятении застыли:
Несется, догоняет их большая туча пыли.

Клубилась и вздымалась пыль, как дым густой и бурый,
Как будто взметена была стремительною бурей.

Рассеиваться стала пыль, и путники глядят:
Не буя это и не смерч, а конников отряд.

То были шахские бойцы, отборные джигиты —
Красивы, молоды, сильны, отвагой знамениты.

Сказал их предводитель так: «Хоть вы и гости наши,
Но нет ли во вьюках у вас золоточеканной чаши?»

Зря вас не будем обижать, а скажем лишь к примеру:
Быть может, взяли вы с зерном и золотую меру?»

Пропала чаша из дворца, и отдан нам приказ —
Немедля осмотреть мешки у каждого из вас!»

Тут строгий обыск начался по воле властелина,
И чашу войны нашли в мешке у Ибн Ямина.

Схватили тотчас же его, в столицу повезли,
Глядели братья, обомлев, поверить не могли.

Скорбя, воскликнули они: «Что дальше делать станем?
Как возвратимся? Как в глаза отцу родному глянем?

Уже однажды перед ним мы были виноваты —
Страдает без Юсуфа он, огнем тоски объятый.

Теперь же мучиться начнет и по другому сыну,
Ведь всей душою наш отец привязан к Ибн Ямину.

Нет-нет, вернуться без него не можем мы домой —
Умрет от вести роковой Якуб-хазрат святой!»

Из братьев самым старшим был суровый Яхуда,
Страдал он больше остальных от горя и стыда.

Сказал он: «Брата мы должны спасти любой ценою,
Гнев падишаха мы смягчим смиренной мольбою.

Воскликнем мы, упав к стопам разгневанного шаха:
«Взгляни, великий: мы полны отчаянья и страха!

Взгляни: лежат у ног твоих несчастные рабы,
В смятенье мы, сломались мы под тяжестью судьбы.

Да, согрешил наш бедный брат, но есть тому причина:
Скрыт неведомый изъян в мозгу у Ибн Ямина.

На вид он крепок и здоров, но в нем живет недуг,—
Горит его безумный дух во власти тайных мук.

Порою стонет, плачет он, родных не различает
И очень странные тогда поступки совершает.

О мудрый справедливый шах, будь справедливей всех —
Собрату нашему прости его невольный грех!

Якуба-старца пощади — он не снесет позора,
Его любимца не клейми постыдной кличкой вора.

Уж скоро пять десятков лет, как наш отец страдает —
Юсуфа потеряв навек, в печали изнывает,

Живет в обители скорбей, что безотрадной ада,
И для него наш Ибн Ямин — последняя отрада.

Так снизойди, великий шах, к страданиям отца —
Последний свет не отнимай у старого слепца!»

Так принялись они взывать, рыдая в иступление,
Когда пред шахом во дворце упали на колени.

Но твердо произнес Юсуф, владыка правоверных:
«Лежит на вашем брате грех, один из самых скверных.

Он виноват, — а посему поступят с вашим братом,
Как велено законом нам — старинным шариадом.

Ступайте, ханаанцы, прочь! И радуйтесь, что живы!
Всю правду, возвратясь домой, отцу открыть должны вы.

Поступков мерзостных таких не повторяйте впредь.
Ступайте! Больше не хочу на вас, лжецы, смотреть!»

*Глава семьдесят девятая,
в которой рассказывается о том, в какое возмущение при-
шли десять братьев и как с неслыханной дерзостью вы-
звали великого властелина на смертный поединок*

Услышав шахский приговор, все братья возмущились,
Забыв о спорах и вражде, как никогда, сплотились.

Сказали: «Будем с этих пор едины и дружны,
Родного брата из беды мы вызволить должны.

Что нам кичливый этот шах с его громадным войском,
Когда мечтою мы горим о подвиге геройском!

Пред нами задрожат враги, как жалкие былинки,
Увидев нас лицом к лицу в смертельном поединке.

Спасем мы брата — из тюрьмы его освободим,
И радостные в край родной поедem вместе с ним!»

Так братья стали говорить в порыве лютой злобы,—
Они и раньше были злы, наглы и твердолобы,

Теперь же гнев их запылал подобно адской печи,
И стали дики их глаза и непотребны речи.

Вскричал взбешенный Яхуда: «Эй, грозный падишах!
Сегодня убедишься ты, что нам неведом страх.

Нам брата пленного верни, не то предупреждаем:
На поединок мы тебя смертельный вызываем!»

Глава восьмидесятая,

*в которой рассказывается о том, как достойно держался
Юсуф-хазрат и как недостойно вел себя Яхуда — какой
смешной была его наглая, хвастливая речь*

Юсуф-правитель, мир над ним, правдивый, прозорливый,
Был этой речью возмущен, крикливой и хвастливой,

Но гнев души сумел сдержать, как истинный пророк.
«Пускай поближе подойдут!» — с престола он изрек.

К ступеням трона подошли угрюмо ханаанцы,
И были на свирепых львов похожи чужестранцы.

Перед Юсуфом их толпа, заносчивая, злая,
Остановилась, в спор вступить с властителем желая.

Тут обратившись к Яхуде, сказал Юсуф-владыка:
«Ни разу я в моем дворце не слышал столько крика!

Что толку воздух сотрясать да утруждать язык?
Иль знаком доблести своей считаешь этот крик?»

Ответил дерзко Яхуда: «Ни разу ты, владыка,
Еще не слышал моего воинственного крика!

Знай: если громко крикну я в моем ужасном гневе,
Все жены в городе умрут, носящие во чреве.

А если дважды крикну я, издохнут все ослицы
И сразу упадут без чувств все жители столицы.

А если трижды крикну я, тогда по воле бога
Останется в твоей стране живых совсем немного.

Вот сила какова моя! А я ведь не один —
Нас десять братьев-храбрецов, великий властелин.

Они бесстрашны и сильны, во всем со мною схожи,
Вам нанести большой урон они способны тоже.

А посему смири свой гнев и брата нам отдай,
Чтоб не рыдал и не страдал твой благодатный край!»

Глава восемьдесят первая,

в которой рассказывается о том, как шахский сын Мешам, вступив в борьбу, победил сильнейших из ханаанцев, а затем и сам Юсуф показал свою богатырскую силу

Сказал в ответ Юсуф-хазрат: «Не говори пустого!
Бессмыслица и хвастовство — твое любимое слово!»

И тотчас в тронный зал позвал возлюбленного сына,—
Мешам — так звался старший сын Юсуфа-властелина.

Известен юный был Мешам чудесной красотой,
К тому же отличался он умом и добротой.

В саду пророков розой мог он зваться бы по праву,
И радовался весь народ его святому праву.

Рабынями его лица луна и звезды были,
И отражалась мощь творца в его красе и силе.

Призвав, сказал ему Юсуф: «О свет моих очей,
Смирить ты должен этих злых и дерзких силачей!»

На поле вышел верный сын, творцу и людям милый,
Решив помериться с врагом отвагою и силой.

Там со свирепым Яхудой, от гнева закипев,
Схватился молодой храбрец, как разъяренный лев,

За край площадки для борьбы отбросил святотатца,—
На землю рухнул наглый враг, не в силах был подняться,

Издали ханаанцы стон, как от внезапной боли,
И тотчас выступил Шемун на боевое поле,

Рыча от ярости, пошел на смелого Мешама,—
Пылала злобная душа, и взор сверкал упрямо.

Но снова победил Мешам — расправился с Шемуном,
На землю грохнулся злодей перед батыром юным,

И, силу грозную узрев его могучих рук,
Боясь приблизиться к нему, враги притихли вдруг.

Тут снова голос прозвучал Юсуфа-властелина:
«Вам показал я моего возлюбленного сына,

Настало время вам взглянуть и на его отца,
А после доблестью своей хвалитесь без конца!»

На этом поле с давних пор огромный камень был:
Скатился с ближней он горы — дорогу преградил.

Сказал врагам своим Юсуф: «А ну-ка подойдите
И камень, если хватит сил, с дороги уберите».

Пытались братья сообща тот камень приподнять,
Но, как ни бились, не могли подвинуть хоть на пядь.

Тогда исполнился Юсуф порывом небывалым —
На поле вышел, скрыв лицо под легким покрывалом,

Громадный камень обойдя, толкнул его ногою,
И завертелся он волчком, потом взлетел дугою,

Перекатился через ров и небольшой пригорок —
За край площадки отлетел еще шагов на сорок.

Тут клич такой издал Юсуф в геройском возбужденье,
Что ханаанцы затряслись в испуге и смятенье,

Решили, что за все грехи теперь их ждет расплата,
Забыли даже, как и звать несчастного их брата.

Глава восемьдесят вторая,

*в которой рассказывается о том, как Яхуда и Шемун
остались на чужбине и в какой безутешной печали отпра-
вились восемь остальных братьев в родной Ханаан*

Покинув поле, братья шли, страдая и печалься,
Побеждены, посрамлены, с позором возвращались.

Сказал угрюмо Яхуда: «Кривить душой не стану —
Теперь закрыта для меня дорога к Ханаану.

Мечтал бы я попасть домой, да только не пойму,
Как я отцу в глаза взгляну и что скажу ему?»

Сказал Шемун: «Сражен и я несчастием неожиданным,
Теперь надолго разлучусь с родимым Ханааном.

Ужели масло я в огонь своей рукой добавлю —
По лучшему из сыновей рыдать отца заставлю?»

И кляли жребий свой они — и, словно взаперти,
Пытались выход отыскать, но не могли найти.

Подумав, молвил Яхуда: «Напрасно ждать не будем!
Ужель над нашею бедой дадим смеяться людям?»

Теперь ни слезы, ни мольбы не принесут нам чести,
Да и отец в тоске умрет, не получив известий.

Останусь я с Шемуном здесь — мы брата не покинем,
Вы ж торопитесь в Ханаан по взгорьям и пустыням.

Должны доставить вы зерно, чтоб семьи накормить,
Должны почтенному отцу всю правду сообщить.

Все опишите, что в пути случилось с Ибн Ямином,
Скажите, что его в грехе считаем неповинным.

Пускай прикажет нам отец,— а я клянусь душой:
Исполним все, что повелит Якуб-хазрат святой!»

Глава восемьдесят третья,

в которой рассказывается о том, как вернулись домой восемь братьев и в какое отчаянье пришел Якуб-газрат, узнав о позорной участи своего любимца Ибн Ямина

Так предложил им Яхуда,— и братья согласились,
С восходом солнца восьмером в дорогу снарядились.

Вьюки поспешно погрузив, пустились тотчас в путь —
Шли, опасаясь, торопясь, боясь назад взглянуть,

Сил не щадя, шли день за днем, с утра и до заката
И всю дорогу без конца оплакивали брата.

За переходом переход, шагая неустанно,
Достигли рубежей они родного Ханаана.

И вот, тоскуя и скорбя, измучены вконец,
Пришли туда, где ждал вестей слепой Якуб-отец.

Полны смятенья и тоски, со стонами и плачем
Столпились восемь сыновей перед отцом незрячим.

Когда же с духом собрались, то сбивчиво и длинно
Поведали о злой беде, постигшей Ибн Ямина.

Услышал, задрожал Якуб, протяжный крик издал
И наземь пал, рукой судьбы сраженный наповал.

Когда ж в себя пришел, сказал: «О боже всемогущий!
За что наказан я тобой, владыка вездесущий?

Ты знаешь: сына потеряв, что был мне всех милей,
Провел я много тысяч дней в обители скорбей.

Потом Юсуфа заменил мой Ибн Ямни безгрешный —
Был день и ночь опорой мне в печали безутешной.

Зачем же, — о скажи, творец, — безжалостная сила
С последней радостью меня внезапно разлучила?

Считал я мудрым и благим тебя во всех делах,
За что же ты казнишь меня, мучитель мой — аллах?..»

Так старец к небесам воззвал из глубины страданья
И вновь на ложе горьких мук простерся без сознания.

От всех тревог Якуб-хазрат был сразу унесен —
Ему ослепшие глаза смежил глубокий сон.

Глава восемьдесят четвертая,

*в которой рассказывается о том, как явившийся во сне
Азраил ободрил слепого праведника Якуба — объявил, что
среди мертвых нет его любимого сына*

Увидел праведник во сне владыку Азраила,
Спросил: «Ужель моя пора и вправду наступила?»

Все помыслы моей души — с давно пропавшим сыном,
Зачем мне в этом мире жить, печальном и пустынном?»

И тот, кто души мертвецов все до единой встретил,
Взял этим горестным словам и старцу так ответил:

«Тебя, о кладезь доброты, я сразу успокою:
Пришел я встретиться с тобой, но не забрать с собою.

Не плачь, не бойся: смертный час еще не близок твой,
Тебе еще большая жизнь начертана судьбой!»

Тогда спросил Якуб-хазрат: «Ответь, великочтимый,
Среди живых ли мой Юсуф, единственный, любимый?»

Иль навсегда покинул он долину мук и слез
И душу ты его давно в небесный мир унес?»

«Узнай, о праведник святой! — был голос Азраила. —
Не хочет небо, чтоб тоска твой чистый дух томила.

Жив твой Юсуф, и до сих пор он украшает мир —
Источник знаний, всех времен достойнейший эмир!»

Тут от волнения старик невольно содрогнулся,
Такую радость ощутил, что в тот же миг проснулся,

И, в сердце чувствуя прилив неожиданных, свежих сил,
Владыку мира всей душой он возблагодарил.

Сказал сынам своим Якуб: «По воле властелина
В краю далеком вам пришлось покинуть Ибн Ямина.

Молиться буду, чтоб скорей рассеялась беда,
Но для чего остались там Шемун и Яхуда?

А сыновья ему в ответ: «О мудрый наш отец,
Твой каждый след дороже нам, чем золотой венец!

Не зря Шемун и Яхуда остались на чужбине —
Они страдают всей душой о нашем Ибн Ямине.

Покинуть брата в час беды им было слишком больно,
Пришлось им с домом и родней расстаться добровольно.

А нам они сказали так: «Мы брата не покинем,
Вы ж отправляйтесь в Ханаан по взгорьям и пустыням.

Должны доставить вы зерно, чтоб семьи накормить,
Должны почтенному отцу всю правду сообщить.

Все опишите, что в пути случилось с Ибн Ямином,
Скажите, что его в грехе считаем неповинным.

Пускай прикажет нам отец, а мы любой ценой
Исполним все, что повелит Якуб-хазрат святой!»

Так братья обещали нам,— и мы домой пустились,
Совет и помощь получить к тебе, отец, явились.

Скажи, как быть, как поступить,— и брата выручать
В далекий край, в недобрый край отправимся опять!»

Глава восемьдесят пятая,

в которой рассказывается о том, какое скорбное прошение послал Якуб, умоляя помиловать своего любимца, и как доставили братья это письмо великому падишаху

Велел позвать Якуб-хазрат искусного писца,
Продиктовал ему письмо с начала до конца:

«Владеешь ты словами, друг,— так помолись аллаху
И напиши от нас привет прославленному шаху.

О веры истинной султан! — так мы начнем посланье.—
Ты — всех народов и земель краса и упование.

Слугою у твоих дверей стоит бессмертный Нух,
И славит ангельская рать твой справедливый дух.

Весь мир до самых Кафских гор сегодня полон славой
О том, как мудро правишь ты обширную державой.

Тебе открыл я, властелин, тоски моей причину:
Страдаю по Юсуфу я — исчезнувшему сыну,

И без любимца моего, что сердцу всех милей,
Жилище сделалось мое обителью скорбей.

Я стар и болен, я устал от горя и страданий,
Глаза измучились от слез, а сердце от рыданий.

Проходят дни, идут года, но не ослаб ничуть
Огонь безжалостной тоски, сжигающий мне грудь.

За это время Ибн Ямин, беззлобный и безгрешный,
Моей опорой верно стал в печали безутешной.

Но вся его судьба и жизнь теперь в твоих руках,
И за него молю в слезах, премудрый падишах.

Я стар, я немощен и слеп, я не снесу позора,
Услышав, что запятнан сын постыдной кличкой вора.

Его на смерть не осуди — немного подожди,
Огонь жестокий остуди в разгневанной груди.

Да, согрешил мой бедный сын, но есть тому причина:
Сокрыт неведомый изъян в мозгу у Ибн Ямина.

Внемли, о справедливый шах: будь справедливей всех
И сыну моему прости его невольный грех.

Молю тебя: освободи, помилуй Ибн Ямина,
Не допусти, чтоб он погиб, наказанный безвинно.

И даже если доказать виновность удалось бы,
Будь милосерден — не отринь моей смиренной просьбы.

Молиться буду день и ночь, чтоб всеблагой аллах
Помог тебе во всех делах, премудрый падишах!»

Продиктовал письмо Якуб, потом творца восславил
И сыновей в далекий путь с посланием отправил.

Пред ним склонились сыновья и, помолвившись богу,
Полны тревоги, в тот же час отправились в дорогу.

Пришлось верблюдам и коням немало потрудиться,
Пока их караван достиг прославленной столицы.

Там братьев встретили своих Шемун и Якуда,
В плену, сказали, Ибн Ямин — ждет шахского суда.

Когда ж вручили братья им отцовское посланье,
Заплакали они навзрыд в тоске и состраданье.

Потом сказали: «Хватит с нас мучения и страха!
Должно помочь письмо отца умилоствовать шаха.

Придем, падем к его ногам, посланье вручим,
И сжалится великий шах над братом дорогим!»

Явились во дворец они и в пышном тронном зале,
Упав перед престолом ниц, владыке так сказали:

«Хвала и честь! Привет тебе, преславному владыке!
Ты — всех народов и времен глава и вождь великий.

За Ибн Ямина просим мы — за схваченного брата,
Поверь: не он — его болезнь в проступке виновата.

Тебе святой Якуб-хазрат посланье это шлет,—
За сына тоже просит он и снисхожденья ждет!»

*Глава восемьдесят шестая,
в которой рассказывается о том, как изумились братья,
когда увидели стоящего у трона Ибн Ямина, и что сказал
Юсуф-хазрат, прочтя послание Якуба*

Юсуф правдивый, окружен блистаньем небывалым,
Сидел на троне, скрыв лицо под легким покрывалом.

Спросил он тотчас: «Где письмо? Хочу его прочесть!
Что пишет мне Якуб-хазрат, прислал какую весть?»

Склонились братья, подошли к престолу властелина
И с удивленьем пред собой узрели Ибн Ямина.

Стоял у трона Ибн Ямин в богатом одеянье,
У изумленных братьев взял отцовское посланье,

А взяв, поцеловал письмо, слезами омочил
И драгоценный свиток тот властителю вручил.

Склонился падишах Юсуф над строчками посланья,
И сразу слезы потекли любви и состраданья.

«Зачем, творец,— воскликнул он,— такой тоской томиться
Ты заставляешь до сих пор безгрешного провидца?»

А ханаанцам так сказал: «Послание прочли мы,—
Страдает старый ваш отец, печальями томимый,

И все послание его с начала до конца
Полно глубокою тоской скорбящего отца.

О, сколько долгих-долгих лет в огне жестокой муки
Страдал он, раненный клинком безжалостной разлуки.

Но возвестить ему хочу надежду и добро,—
Подайте письменный прибор, бумагу и перо!»

Глава восемьдесят седьмая,

в которой рассказывается о том, как, получив ответное послание падишаха, приказал премудрый Якуб-хазрат, чтобы его сыновья любой ценой отыскали Юсуфа

Перо, бумагу взял Юсуф, любимец сил небесных,
И вновь закапала роса из глаз его чудесных.

Когда ж с волнением души он справился опять,
Перо в чернила обмакнул и начал так писать:

«Будь терпелив, Якуб-хазрат, осталось ждать немного —
Пройдут страдания твои, рассеется тревога.

Терпенье, верность и любовь откроют эту дверь,
Юсуфа — сына своего — увидишь вновь, поверь.

Да будет жертвой он твоей! Помилован судьбой,
Он жив — и жаждет всей душой увидеться с тобой!»

Так написал Юсуф-хазрат, — и, взяв его посланье,
Немедля поспешил Шемун в далекое скитанье.

За переходом переход, упорно, неустанно
Стремился он, пока достиг родного Ханаана.

К Якубу мудрому пришел, упал к ногам отца,
Ему поведал обо всем и плакал без конца.

Тем временем, позвав писца, чтоб тот прочел посланье,
Сидел слепой Якуб-хазрат в тревожном ожиданье.

Писец явился, вслух прочел пророческие строки,
И в сердце ощутил Якуб любви порыв глубокий.

С волненьем выслушал старик искусного чтеца,
И слезы хлынули из глаз премудрого слепца.

Вскричал взволнованный Якуб: «О дивное посланье!
Его слова, как райский сад, струят благоуханье.

Жив мой Юсуф! Желает вновь увидеться со мной!
Победу одержать он смог над тяжкою судьбой!

Ужели не напрасно мы тоску и боль терпели?
Ужели долгожданный путь нашли к желанной цели?»

И к сыну наклонился он, взволнованно шепнув:
«А вдруг... тот добрый падишах — любимый мой Юсуф?»

Сказал встревоженный Шемун: «Храни тебя всевышний!
Забудь, отец, не вспоминай о той беде давнишней.

Душа его давно в раю, давно истлело тело,
Из книги судеб жизнь его изгладиться успела.

В мечтах о мертвом не забудь судьбу живого сына:
Подумай, как от смерти нам избавить Ибн Ямина.

Посланье шаха получив, какой ты дашь ответ?
Ответишь — и в обратный путь отправлюсь я чуть свет!»

Сказал взволнованный Якуб: «Спешни скорей в дорогу,
Сам не пойму души моей надежду и тревогу.

А братьям передай приказ: ищите, где хотите, —
Юсуфа, радость, жизнь мою, любой ценой найдите!

Хочу, чтоб вы, пока я жив, его найти успели, —
Ступай и братьям передай: мы на дороге к цели!

Благословенно то письмо, что у меня в руке, —
Юсуфа ощущаю я в любой его строке!»

*Глава восемьдесят восьмая,
в которой рассказывается о том, как не поняли десять
братьев, где отыскать им пропавшего Юсуфа, и как сло-
ва пали они к стопам могучего падишаха*

За переходом переход, за днями дни сменялись,—
В Египет вновь пришел Шемун, тревожась и печалясь.

Явился к братьям дорогим и все слова отца
Им сразу же пересказал с начала до конца:

«Воскликнул наш отец: «Не зря мы столько мук терпели!
Теперь мы долгожданный путь нашли к желанной цели!»»

А нам он вот что приказал: «Ищите, где хотите,—
Юсуфа, радость, жизнь мою, любой ценой найдите!»»

Спросили братья: «Где ж теперь Юсуфа мы отыщем?
Погиб, конечно, в рабстве он — погиб голодным, нищим.

Его бы только в Судный день мы отыскать смогли —
И то, наверное, не здесь, а на краю земли!

Но выполним приказ отца: терпя нужду, невзгоды,
Юсуфа будем мы искать и месяцы, и годы.

Наш долг не забывать отца, святых его заслуг,
Ведь вынесла его душа сто тысяч горьких мук!

Давайте ко дворцу пойдем да бить начнем поклоны,
Пускай услышит падишах рыдания и стоны.

Когда ж он выйдет из дворца, на нас посмотрит грозно,
Ниц перед ним мы упадем, к нему взывая слезно,

Чтоб с состраданием на нас хоть раз еще взглянул,
Чтоб руку помощи святой несчастным протянул!»

Явились ко дворцу они и стали бить поклоны,
К престолу шахскому неслись их возгласы и стоны.

И, выйдя из дворцовых врат, на плачущих взглянув,
«О чем вы просите меня?» — у них спросил Юсуф.

Тут стали братья умолять, упав к ногам владыки:
«За Ибн Ямина просим мы, о падишах великий!

Чтоб согласился ты смягчить свой приговор суровый,
Из нас любые двое в плен пойти к тебе готовы.

А Ибн Ямина пощади, о милостей родник,
Иначе от тоски умрет святой Якуб-старик!»

*Глава восемьдесят девятая,
в которой рассказывается о том, как решил премудрый
Юсуф-хазрат еще раз испытать бесчестных братьев и как
повторили они свою прежнюю ложь о гибели Юсуфа*

Сказал Юсуф: «Хочу, чтоб вы подробнее рассказали,
О чем скорбит Якуб-хазрат, о чем его печали?»

И братья отвечали так: «Ты ведаешь, правитель,
О чем горюет много лет премудрый наш родитель.

Он о Юсуфе дорогом скорбит и дни, и ночи,
От слез иссохла грудь его, слепыми стали очи.

Теперь же мучится отец и за другого сына —
Страшится он за своего любимца Ибн Ямина!»

«А можете мне рассказать, — спросил Юсуф-хазрат, —
Когда и как пропал Юсуф — ваш самый младший брат?»

Тут братья начали вздыхать: «Увы, наш повелитель,
Юсуфа ангел смерти взял — безжалостный губитель.

Полвека с той поры прошло, а помним и поныне,
Как мы весенним утром с ним бродили по равнине.

Юсуфу с нами погулять позволил наш отец,
И весело играл Юсуф, а мы пасли овец.

Как вдруг громадный, жадный волк напал на наше стадо,
В смятенье заметались мы: прогнать злодея надо!

Не знали мы о роковой, грозившей нам утрате —
Забыли в суматохе мы о нашем младшем брате.

Когда же вспомнили о нем, искать повсюду стали,
Взывать все громче принялись в испуге и печали.

Искали брата мы по всем лощинам и кустам,
И становилось все страшней и все тревожней нам.

Никак понять мы не могли: куда пропал бедняжка?
Вдруг видим: вся в крови лежит в кустах его рубашка.

О горе! Согрешили мы, забыли братний долг,
А на Юсуфа той порой напал свирепый волк.

Когда мы поняли, что с ним ужасное несчастье,
От муки чуть не порвались сердца у нас на части.

С рыданиями одежды мы в безумной скорби рвали,
А волосы свои землей и пеплом посыпали.

Вот так в отчаянье к отцу явились мы домой —
Явились в ужасе, в слезах, с повинной головой.

Едва о вести роковой узнал отец несчастный,
Из старческой его груди исторгся вопль ужасный.

Затрясся, зарыдал отец, — и, словно холодный труп,
В беспомощности на грудь земли упал святой Якуб.

Так он недвижно пролежал до самого рассвета,
Казалась бездыханной плоть — душа блуждала где-то.

Когда же над землей рассвет зажегся, наконец,
Очнулся, горько плакать стал несчастный наш отец.

Полвека с дня того прошло, — а старец все страдает
И о Юсуфе день и ночь по-прежнему рыдает,

О нем расспрашивает всех и жадно ждет известий,
Из глаз ослепших слезы льет с горячей кровью вместе,

Что сына жадный волк пожрал, поверить не желает.
«Жив мой Юсуф, любимый сын!» — упрямо повторяет.

За эти годы Ибн Ямин, беззлойный и безгрешный,
Отцу опорой верной стал в печали безутешной.

Но такова судьба, что он — теперь в твоих руках,
И молим за него в слезах, о мудрый падишах!»

Глава девяностая,

*в которой рассказывается о том, как показал братьям
Юсуф старую расписку, выданную ими купцу Малику, и
как еще глубже погрязли они в своем же обмане*

Тогда сказал Юсуф-хазрат, их испытать желая:
«Давно хранится у меня записка небольшая.

Сейчас велю ее найти, а вам — ее прочесть,
Сдается мне, что тайный смысл в записке этой есть!»

Немедля принесли поднос, на нем была записка,
Поднос вручили Яхуде, — тот поклонился низко,

Записку осторожно взял — да так и задрожал,
Как будто в сердце ощутил отравленный кинжал.

Промолвил шах: «Известно мне про вас поступок низкий!
Могу и сам сказать, о чем написано в записке:

О том, что продан раб Юсуф и какова цена,
И перечислены в конце все ваши имена.

Расписку эту взял у вас купец Малик почтенный,
Не ведал он, что этот торг был сделкою презренной.

Зато отлично знали вы, какой товар вручили, —
За брата двадцать золотых дирхемов получили.

Был вами продан брат родной в неволю, в край чужой, —
Да как же вы могли дойти до подлости такой?»

Увидев, что уже не скрыть их гнусного деянья,
Пришли в смятение лжецы, пустились в оправданья:

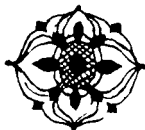
«Да, много лет тому назад мы это совершили,—
Подумать можно, что и впрямь мы очень согрешили.

Но не был праведным наш брат, был наглецом и вором,
Был глух он и к мольбам отца, и к нашим уговорам.

Был грязен, на руку нечист, еще и зол притом,—
Все худшее, что в людях есть, соединилось в нем.

И в наказание ему, а прочим — в назиданье
Отправить нам его пришлось в неволю и изгнание!»

Услышав эту злую ложь, в слезах Юсуф поник,
Хотел открыть — не мог открыть свой лучезарный лик.

Глава девяносто первая,

*в которой рассказывается о том, что ответила волшебная
говорящая чаша, когда спросил у нее падишах, как был
когда-то продан в рабство юноша Юсуф*

Сказал Юсуф: «Я ваш рассказ считаю очень странным,
Он весь с начала до конца мне кажется обманом.

Есть чудо-чаша у меня: ей ведомо любое,
Что происходит на земле — и доброе, и злое.

Попробуем сейчас спросить у говорящей чаши,
Скрывают правду или ложь слова и мысли ваши.

Вещунья на любой вопрос умеет отвечать,
От истины любую ложь умеет отличать».

Пошли за чашей двое слуг по приказанью шаха,
А братья ждали в тишине, полны тоски и страха.

Явились слуги с золотой, многоузорной чашей,—
На свете не бывало чаш изящнее и краше.

А шах молитву произнес, над чашею нагнулся
И палочкою золотой слегка ее коснулся,

И тотчас к изумленью всех из чаши колдовской
Протяжный голос зазвучал, как из груди живой.

Сказала чаша: «О эмир, могучий, справедливый,
На заданный тобой вопрос услышь ответ правдивый.

Знай: эти люди, что к тебе пришли из Ханаана,
Хоть и клянутся, а полны коварства и обмана.

Напрасно спрашиваешь их, напрасно правды ждешь:
Все то, что говорят они,— одна сплошная ложь!»

И снова палочкою шах коснулся чаши звучной,
И начала она рассказ про случай злополучный:

«Когда с Юсуфом в степь ушли завистливые братья,
Напали, стали бить его, выкрикивать проклятья,

Когда рыдал Юсуф на дне угрюмого колодца
И мнилось извергам, что брат от смерти не спасется,

Шли братья весело домой, не чуяли тревоги,
Смеясь, зарезали они козленка по дороге,

И, чтобы грех ужасный скрыть да заслужить поблажку,
В крови козлиной хитрецы испачкали рубашку.

А к старому отцу придя, одежды с криком рвали,
В притворной скорби и тоске стонали и зывали:

«О, горе! Согрешили мы, забыли братний долг,
Юсуфа нашего пожрал громадный, жадный волк!..»

И снова палочкою шах коснулся чаши вещей,
И голос чаши зазвучал еще звучней и резче.

Рассказ продолжила она о том, что после было:
О том, как юношу судьба от смерти сохранила

И как в колодец, в темноту надежды луч проник
И как страдальца в тот же день нашел купец Малик.

Потом поведала о том, как братья вновь явились,
Юсуфа увидав живым, смутились, удивились.

Сказали: «Этот беглый раб работать не хотел,
И обнаружилось теперь: в колодце он сидел!

Дай денег за него, купец, да забирай с собою,
А цену можешь сам назвать — согласны мы с любовью».

Сказали: «Чтобы не сбежать смутьяну и злодею,
Немедля цепь ему надень на ноги и на шею.

Чтоб он тебе покорен был, держи голодным, голым,
Да постоянно изнурай его трудом тяжелым.

Нам двадцать золотых монет за негодяя дай,
И можешь забирать его в любой далекий край!»

Спросил ты: «Кем погублен был Юсуф прекраснопольский?»
На этих братьях десяти лежит сей грех великий!»

Так голос чаши золотой правдиво отвечал:
В злодействе братьев обличал — как приговор звучал!

Глава девяносто вторая,

*в которой рассказывается о том, что говорили меж собой
десять братьев, когда ожидали жестокой казни, сидя в
цепях на самом дне подземной темницы*

Посрамлены, обличены в своем преступном деле,
Стояли братья, обомлев, как будто онемели,

Стояли как перед лицом небесного суда,
Уныло головы склонив под тяжестью стыда.

Сказал Юсуф: «Добро и зло не могут примириться!
Есть для преступников таких подземная темница.

Грехом заняты они, полны коварством черным,
Отрубим руки-ноги им, на виселицу вздернем!

Все эти десять пришлецов — убийцы и лжецы,
И не должны на свете жить такие подлецы!»

Пришлось за прежние грехи злодеям поплатиться;
Разверзся перед ними мрак — подземная темница.

В гнилых лохмотьях и цепях, как жалкие рабы,
Склонились горестно они под бременем судьбы.

И говорили меж собой, в тюремной тьме рыдая:
«Ах, обнаружился наш грех, открылась правда злая!»

Пришло нам время испытать позор разоблаченья,
На гибель мы обречены, на лютые мученья.

Вся ханаанская страна, весь наш старинный род
За несмыаемый позор теперь нас проклянет!

Да, хоть и много лет прошло, не скрыться от расплаты,
Всего же больше пред отцом мы нашим виноваты.

Из-за Юсуфа он страдал, потом за Ибн Ямина,
Теперь по каждому из нас он мучится безвинно.

Придут назавтра палачи — от жизни нас избавят,
Отцу же весь остаток дней позор и скорбь отравят!»

И били в грудь себя они в отчаянье жестоком,
И слезы по худым щекам так и лились потоком.

Глава девяносто третья,

в которой рассказывается о том, что услышал шахский сын Мешам, когда по приказу своего отца притаился у входа в мрачное тюремное подземелье

Как только новый день настал, Юсуф к себе призвал Мешама верного, что был превыше всех похвал.

И молвил сыну мудрый шах: «Ступай скорей к темнице, У входа, что ведет в подвал, ты должен притаиться.

Подслушай братьев разговор, а после мне шепни: Упорствуют ли в злобной лжи иль каются они?»

Так сыну приказал Юсуф, велел поторопиться. Угрюмо высилась вдали старинная темница.

Ко входу подошел Мешам, ведущему в подвал, Прислушался — и горький плач да стоны услышал.

Там, в непроглядной темноте, в сыром, глухом подвале Звучали десять голосов — рыдали и зывали.

И говорили меж собой: «Пусть мы скорей умрем!
Увы, раскаянье и стыд нам души жгут огнем!

Мы грешники, мы дождались заслуженной расплаты,
Всего же больше пред отцом мы нашим виноваты.

Мы грешники! Но видишь сам, о судия всевышний,
Как души сокрушает нам проступок наш давнишний.

Так смилуйся и пощади — нам руку протяни,
Чтоб мы прощенными могли окончить наши дни!»

Услышал праведный Мешам их жалобы и стоны
И возвратился во дворец с душою потрясенной.

Взволнованно склонился он перед отцом-владыкой:
«Отец мой, каются они, полны тоски великой.

Рыдают, жизнь свою клянут в отчаянье жестоком
И молятся, и смерти ждут, и слезы льют потоком!»

Глава девяносто четвертая,

в которой рассказывается о том, как явил милосердие Юсуф-хазрат — велел освободить раскаявшихся братьев, предстал перед ними во всем блеске своего величия

Тогда к Юсуфу поспешил посланец Джабраил.
«Будь счастлив! — так ему гонец незримый возвестил.—

Тебе судья небесный шлет свое благословенье,
Тебе со мной передает такое повеленье:

Ты должен братьев пощадить — на зверство и обман
Их в молодости соблазнил владыка тьмы — шайтан.

Прости проступок их былой — проступок злой и низкий,
Забудь о торге их с купцом, забудь об их расписке.

Во всем покаялись они, свой осознали грех,
Теперь их ждет небесный суд, а ты прости их всех!»

И отвечал Юсуф-хазрат: «О светлый и незримый!
Прошу ответ мой передать, посол высокочтимый:

Приказ, с которым прибыл ты, исполнить обещаю,
И братьев, недругов моих, я — так и быть — прощаю!»

Усердным слугам падишах велел поторопиться,—
К темнице бросились они, открыли дверь темницы,

Несчастных вывели на свет и сняли с них оковы
И объявили: не грозит им шахский суд суровый.

Сорвали грязное тряпье, в шелка их облекли
И к шаху всех десятерых немедля привели.

На пышном троне золотом, в парче одежд богатых
Юсуф, премудрый властелин, сидел в своих палатах.

Был, как всегда, он окружен придворными и войском,
И каждый воин пламенел бесстрашием геройским.

Таким величественным свод его дворца казался,
Как будто купола небес он куполом касался.

Был словно солнце падишах, и звездами вокруг
Теснились тысячи вельмож, воителей и слуг.

А рядом с тронем, где сидел могучий властелин,
Стоял его любимый брат — безгрешный Ибн Ямин.

Но вот и братьев остальных ввели освобожденных,
От слез, от страха и тоски иссохших, изможденных.

Вошли испуганно они — и замерли у входа,
Увидев стражей и вельмож и множество народа.

Еще не верили они, что минула гроза,—
В смятенье были их сердца, ослеплены глаза.

«Пусть подойдут!» — сказал Юсуф,— и, трепеща от страха,
Покорно подошли они к престолу падишаха.

А подойдя, к его ногам со стоном пали ниц,
И видно было: их мольбе, их горю нет границ!

На братьев поглядел Юсуф без гнева, без угрозы
И вдруг почувствовал: текут непрошенные слезы,

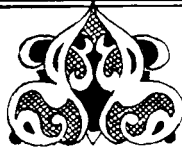
Не капли жгучие, не яд тоски и озлобленья —
Святая, чистая роса любви и умиленья.

Тогда не выдержал Юсуф,— в нем сердце запылало,
С луноподобного лица он сбросил покрывало.

И огласили весь дворец восторженные клики:
Узрел народ, узрел лицо премудрого владыки,—

И был прекрасен лик его так светел и могуч,
Как будто солнце поднялось из побежденных туч!

Глава девяносто пятая,

*в которой рассказывается о том, как поражены были
братья при виде Юсуфа и каким светлым и радостным
было долгожданное примирение сыновей Якуба*

Едва Юсуфа светлый лик — черты лица родного —
Впервые после стольких лет узрели братья снова,

От изумления они протяжный крик издали
И, как сраженные клинком, в беспомощности упали.

Когда же снова, наконец, к ним возвратился разум,
К престолу брата своего они поверглись разом.

От счастья плакали они, стонали от стыда, —
Конца, казалось, их слезам не будет никогда!

Рыдали, каялись они: «Увы, мы — горстка праха,
А на тебе — золотой венец прославленного шаха.

Как нам в лицо тебе смотреть? За наш позор и ложь
Своею праведной рукой убей нас, уничтожь!»

Встал, с возвышенья шах сошел к раскаявшимся братьям
И обнял каждого из них взволнованным объятьем,

И плакал, обнимая их, счастливыми слезами,
И каждому в глаза глядел правдивыми глазами.

«Мир вам! — изрек Юсуф-хазрат. — Окончены страданья!
Теперь мы ступим на ковер желанного свиданья.

Иссяк источник наших мук, и в первый раз для нас
Час долгожданный наступил — счастливый, светлый час!»

«О милосердия родник! — так братья отвечали. —
Нам все равно отныне жить в позоре и печали.

Ведь если даже этот грех ты больше не помянешь,
То хоть порою вспоминать о нем невольно станешь.

И если порванную нить связать ты снова смог,
То все равно, где был разрыв, остался узелок!»

«Клянусь! — ответил им Юсуф. — Вас от души прощаю,
О всех обидах навсегда забыть я обещаю.

Прощаю зависть и вражду, прощаю ваш обман
И с миром отпускаю вас в родимый Ханаан».

Так говорил Юсуф-хазрат. И, радостью объятый,
Он братьев, дорогих гостей, повел в свои палаты.

Три дня, три ночи то в саду, то в многоцветном зале
Двенадцать братьев, веселясь, гуляли-пировали.

Роскошно их одел Юсуф и одарил богато —
Дал им по сотне верных слуг, дал серебра и злата.

Светились счастьем их глаза, и пели их сердца,
И воцарились в душах мир и радость без конца!

Глава девяносто шестая,

в которой рассказывается о том, как стал просить премудрый Юсуф об исцелении своего слепого отца и как решил послать он братьев к Якубу-хазрату

Юсуф правдивый, мир над ним, премудрый падишах,
Вновь обратился к небесам: «О всеблагой аллах!

Меня, смиренного раба, по милости великой
Ты из темницы мрачной спас, потом избрал владыкой.

И вновь дерзаю я молить: будь щедрым до конца —
Простри целительную длань на нашего отца.

О слепоте его давно мы все скорбим и плачем, —
Молю, чтоб стал Якуб-хазрат опять здоровым, зрячим,

Чтоб он приехал в этот край, богатый и цветущий,
Чтоб вновь увидеться с отцом я смог, о всемогущий!

Пусть рад он будет моему величию и славе,
Моей жене и сыновьям и всей моей державе.

О, сколько лет мои глаза опять узреть хотят
Его любимое лицо, его премудрый взгляд!»

И вновь к Юсуфу прилетел невидимый гонец,
Сказал: «Твоей молитве вял всеслышащий творец.

Рубашка старая твоя осталась невредимой,
И с братьями отправь ее в свой Ханаан родимый.

Рубашкой этой пусть Якуб глаза свои протрет,
И чудо с ним произойдет: он зренье обретет!»

Юсуф правдивый, вразумлен святым посланцем божьим,
Решил мгновенья не терять и приказал вельможам:

«Немедля снаряжайте в путь богатый караван,
Отправить братьев должен я в далекий Ханаан».

А милым братьям так сказал: «Пойдемте в кладовые,
Берите всё, что видит взгляд: сосуды золотые,

Алмазы, жемчуг и парчу, оружие, украшения,
Изделия лучших мастеров, достойных восхищенья.

Пришла пора счастливых встреч, благословенных дней,—
За нашим дорогим отцом отправьтесь поскорей!»

Вельможи на совет сошлись в большом приемном зале,
Весь день проворные гонцы во все концы скакали,

А множество проворных слуг на множество верблюдов
Грузило множество вьюков, мешков, корзин, сосудов.

И рано утром был готов громадный караван
Идти с великим торжеством в далекий Ханаан.

Над миром солнце поднялось, прощаться стали братья,
Сердечны были, горячи их крепкие объятия.

И думал им вручить Юсуф перед отправкой в путь
Рубашку старую, чтоб свет глазам отца вернуть.

Глава девяносто седьмая,

в которой рассказывается о том, как впервые узнал Юсуф, где скрывалась истинная причина его разлуки с отцом, всех его мук и злоключений

В тот миг явился вновь к нему посланец Джабраил.
«Хочу подать тебе совет,— он шаху возвестил.—

Средь множества твоих рабов, прославленный эмир,
Есть ханаанец — старый раб по имени Бешир.

Дай волю этому рабу, отправь в родимый край,
А с ним и старому отцу рубашку передай!

Узнай, Юсуф: того раба печальная судьбина —
Вот всех твоих несчетных мук сокрытая причина.

Из-за того, что он страдал,— так рассудил творец,—
Страдали столько долгих лет и ты, и твой отец.

Когда-то мать его купил Якуб-хазрат почтенный,
Невольницей она была, безропотной, смиренной.

В то лето овдовел Якуб,— и с самого начала
Она твоею, шах Юсуф, кормилицею стала.

А чтобы вдоволь молоком ты наслаждаться мог,
Младенцем продан в рабство был Бешир, ее сынок.

Кормилица тебя, Юсуф, всем сердцем полюбила
И радовалась, что растут твоя краса и сила.

Но втайне мучилась она тоской неугасимой,
Что с ней насильно разлучен сынок ее родимый.

Пятнадцать лет, из ночи в ночь, истомлена судьбой,
Зывала к небесам она с отчаянной мольбой:

«Взгляни, творец: хозяин мой — Якуб-хазрат почтенный
С сыночком разлучил меня по прихоти надменной.

За что меня заставил он гореть в огне разлуки?
За что безвинно я должна терпеть такие муки?

Так пусть помучится и он, как ныне мучусь я:
Его с Юсуфом разлучи, предвечный судия!»

Пятнадцать лет прошло,— сбылось желание рабыни:
Случилось то, чем ты с отцом терзаем и поныне.

Напали братья на тебя,— и был Якуб-хазрат
С любимым сыном разлучен, отчаяньем объят.

Взгляни же на судьбу, Юсуф, премудрыми глазами:
Был зов страдающей души услышан небесами.

Несправедливо поступил когда-то твой отец,—
За это годы тяжких мук послал ему творец.

Но плату полную и мать Бешира получила
За то, что сына и отца жестоко разлучила:

С годами сделалась она согбенной и седой,
Живет бездомной и слепой, измучена нуждой.

Сидит у городских ворот да милостыню просит,
Порою, сжалаясь, кто-нибудь объедки ей приносит.

Покрылась струпьями она, гнилая рвань на ней,
Стара, космата и страшна — исчадья тьмы страшней!

Вот так влачит свой жалкий век несчастная вдовица,
Ей в утешенье раз в году младенец милый снится.

Но не младенцем — стариком, когда наступит срок,
Вернется через много лет возлюбленный сынок.

В тот миг, когда к ее лицу прильнет лицо Бешира,
Прозреют вновь ее глаза, увидят радость мира.

Вернет ей силы, исцелит сыновнее объятье,
И к небу воззовет она, чтоб снять и с вас проклятье.

Тогда пускай спешит Бешир скорее в дом твой отчий,
Где плачущий Якуб-хазрат проводит дни и ночи.

Рубашкой старою твоей Якуб глаза протрет —
И чудо с ним произойдет: он зренье обретет!»

Глава девяносто восьмая,

в которой рассказывается о том, как нашли старого невольника Бешира, как отыскал он свою страдальцу мать и как сняла она с Якуба-хазрата бывшее проклятие

Сейчас же приказал Юсуф, прославленный эмир,
Чтоб старого раба нашли по имени Бешир.

Когда ж Бешира привели — невольника седого,
Сказал ему великий шах приветливое слово,

Его на волю отпустил, за службу наградил,
Дал и одежду, и коня, в дорогу снарядил.

Был изумлен и счастлив раб, в слезах поклялся шаху,
Что передаст его отцу заветную рубаху.

Но приказал ему Юсуф сначала отыскать
Свою ослепшую давно, страдающую мать.

Да встретит сына, наконец, злосчастливая вдовица,—
Тогда лишь сможет и Якуб премудрый исцелиться.

И вот богатый караван, покинув шахский стан,
Пошел с великим торжеством в далекий Ханаан.

Неторопливо, день за днем, равниной неоглядной,
За переходом переход шел караван громадный,—

Шел весело, под гул дойры, под звоны колокольцев,
Шел, одаряя по пути прохожих богомольцев.

Одним из первых был Бешир на крепкой кобылице,
Стремилась вдале его душа подобно вольной птице.

И вот однажды поутру настал желанный миг:
Столичный ханаанский град из-за холмов возник.

Не выдержал — хлестнул Бешир гнедую кобылицу
И въехал, всех опередив, в старинную столицу.

А въехав, осадил коня и смотрит, поражен:
У главных городских ворот старуху видит он,—

Сидит, космата и грязна, да милостыню просит,
Проходят люди: кто медяк, а кто объедок бросит.

Гноятся язвы на плечах, гнилая рвань на ней,
Худа она, слепа, страшна — исчадья тьмы страшной!

Глядел на нищенку Бешир, поверить не желая,
Что это вправду мать его — несчастная, слепая.

С коня поспешно соскочив, над ней склонился он,
И хриплый шепот услышал — души тоскливый стон:

«О ты, всевидящий творец и повелитель мира,
Хоть перед смертью дай взглянуть на моего Бешира!

Хоть на мгновенье бы прозреть, на сына поглядеть —
В любых мученьях я потом согласна умереть!»

Тогда к ней бросился Бешир, не мог сдержать рыданья,
Не мог сдержать горячих слез любви и состраданья.

И перед матерью слепой упал он на колени,
«Я здесь, моя родная, здесь! — взывая в иступленье.—

Вернулся вновь под старость я в родимые края,
Теперь с тобою буду, мать, страдальца моя!»

Приблизила к его губам гноящееся ухо
И, наконец, его слова расслышала старуха.

Тряся косматой головой, не верила сначала,
Но вдруг, от счастья задрожав, завывла, закричала,

За шею сына обняла, худая, как скелет,—
Страшной и жальче существа, казалось, в мире нет!

Но стоило ее лицу прильнуть к лицу Бешира,
Прозрели вновь ее глаза, узрели радость мира.

От язв очистилась она, моложе став, стройней,
Как будто не досталось ей так много тяжелых дней!

И, с изумлением шепчась о небывалом деле,
На чудо, что случилось с ней, прохожие глядели.

А мать прозревшая, обняв возлюбленного сына,
Так начала в слезах молить творца и властелина:

«О всепрощающий, внемли мольбе моей смиренной:
Был так же с сыном разлучен Якуб-хазрат почтенный.

Так пусть порадуетя он, как радуюсь и я:
С Юсуфом встречу дай ему, предвечный судья!»

Глава девяносто девятая,

в которой рассказывается о том, какая чудотворная сила таилась в старой рубашке Юсуфа и как отправился к нему исцеленный Якуб-хазрат

Взяв мать прозревшую с собой, сев на коня лихого,
Бешир, опередив друзей, в путь устремился снова.

Из шумных городских ворот он поспешил в селенье,
Где доживал свой век Якуб в тоске, в уединенье.

Вошел Бешир под мрачный кров, где в безутешной скорби
Сидел слепой Якуб-хазрат, печально плечи сгорбя.

Страдальца мудрого узрев, Бешир совсем ослаб —
К ногам скорбящего слепца повергся бывший раб.

Вскричал он, прах поцеловав: «О ты, избранник бога,
Жизнь за тебя хочу отдать у твоего порога!

От государя я к тебе имею порученье,—
Про святость он твою слышал и про твое мученье.

Но не алмазы, не парчу везу от падишаха:
Подарок очень небольшой — лишь старая рубаха.

Зато рубаху эту шах когда-то сам носил,
Всего два слова: жив Юсуф! — сказать тебе просил!»

«Велик аллах! — вскричал Якуб в порыве восхищенья.—
Спасибо, что дожить мне дал до этого мгновенья!

Так, значит, на земле Юсуф, среди живых людей!
О, где его рубашка, где? Поддай ее скорей!»

Тут сверток развернул Бешир, полученный от шаха,—
В кровавых пятнах до сих пор еще была рубаха.

И, бережно ее достав и преклонив колени,
Вручил он старцу шахский дар в надежде и волнение.

Рубашку взял Якуб-хазрат с молитвою протяжной,
Прижал к лицу, и стала ткань от слез горячей, влажной.

Сыновний запах он вдохнул, сыновнее тепло,
И чудо с ним произошло: прозрение пришло!

Стал на глазах у всех Якуб опять здоровым, зрячим,
И огласился старый дом восторгом, криком, плачем.

У входа, радостно шумя, стояли домочадцы,
Как будто праздник должен был невиданный начаться.

И по всему селенью вмиг разнесся шум и крик:
Опять прозрел, помолодел святой Якуб-старик!

Пришел в себя Якуб-хазрат,— увидел блеск восхода,
Увидел вокруг себя родню и множество народа.

Узнал и сыновей своих,— конечно, постаревших,
Зато в одеждах и чалмах купцов разбогатевших.

Вот Яхуда, а вот Шемун, вот добрый Ибн Ямни,
Но где возлюбленный Юсуф, где самый милый сын?

Взглянул взволнованный Якуб на праздничные лица
И понял, что пришла пора мечте заветной сбыться,

И закричал на сыновей: «Живей! Седлать коней!
К Юсуфу, к радости моей, поедете скорей!»

Глава сотая и последняя,

*в которой рассказывается о том, как развязались все узлы
судьбы, иссякли все страдания, сбылись все мечты, слы-
лись все любящие сердца*

Настал благословенный день — сияющий, счастливый:
Проснулся на заре Юсуф, правитель справедливый,

И тотчас сообщил везирь желанное известье,
Что едет к ним Якуб-хазрат со всей роднею вместе, —

Покинув дальний Ханаан, пройдя немало стран,
В долину Нильскую вступил теперь их караван.

Сейчас же принялся Юсуф, горя от нетерпенья,
Вельможам верным раздавать свои распоряженья.

И вскоре из ворот дворца, спеша во все концы,
Номчались на лихих конях проворные гонцы.

Всем горожанам был приказ собраться, нарядиться,
Чтоб вышла дорогим гостям навстречу вся столица.

А сотням слуг велел Юсуф готовить пышный пир —
Великий пир, каких досель еще не видел мир!

Когда ж к зениту поднялось полдневное светило,
А ханаанский караван достиг побережья Нила,

Велел коней седлать Юсуф, — и видел весь народ,
Как выехал со свитой шах из городских ворот.

Красиво, гордо ехал он на белом иноходце,
Казалось, вся земля под ним взволнованно трясется.

Рекой бурлили вокруг него людские голоса,
Гром барабанов, клики труб взлетали в небеса!

За шахом двигались вослед советники, вельможи,
На колесницах — кто старей, верхом — кто помоложе.

Был ярким зрелищем народ взволнован, восхищен,
И крики радостной толпы неслись со всех сторон.

Блестя оружием и броней, шли воины рядами,
Над ними, золотом искрясь, играло с ветром знамя.

Сто тысяч всадников лихих скакали впереди,
Сто тысяч всадников других скакали позади.

Но были собраны бойцы не для жестокой сечи —
Для радостного торжества, для долгожданной встречи.

Певцы придворные хвалу владыке громко пели,
И, вторя им, звучали в лад то струны, то свирели.

Чем дальше отъезжал Юсуф от праздничной столицы,
Тем громче были голоса и возбужденней лица,

Тем были горячее глаза и радостней сердца:
Сын должен встретить, наконец, любимого отца!

Вдруг увидал вдали Юсуф, как над побережьем Нила
Большая туча поднялась и блеск небес затмила.

То ханаанский караван, богат и величав,
Песчаным берегом шагал, густую пыль подняв.

Увидел эту пыль Юсуф и в радостном волненье
Вскричал: «О боже! Вот оно, желанное мгновенье!»

И плетью скакуна хлестнул, и, всех опередив,
Понесся, как степной орел, могуч, петерпелив.

А караван навстречу шел, — и увидали люди,
Как старый праведник Якуб, сидевший на верблюде,

Вдоль берега из-под руки с волненьем поглядел,
Потом восторженно вскричал и руки ввысь воздел.

«О свет очей! О мой Юсуф, любимый, несравненный!» —
Так, задыхаясь и дрожа, зывал Якуб почтенный

И, всей душою ощутив прилив неожиданных сил,
Легко, как молодой джигит, с верблюда соскочил.

Тем временем летел Юсуф на белом иноходце, —
Казалось, быстроногий вихрь вдоль берега несется.

Узрел Юсуф на берегу стоящего отца
И соскочил на всем скаку с лихого жеребца.

И, слез счастливых не сдержав и руки протянув,
Друг к другу бросились Якуб и падишах Юсуф.

Свершилось! Светлый миг настал благословенной встречи:
Отца за шею сын обнял, отец его — за плечи.

И сколько б слов ни подбирать, не в силах описать я
Их умиляющего взор, счастливого объятья!

Да, после стольких тяжких лет разлуки и страданья
Они ступили на ковер желанного свиданья.

Окружены толпой вельмож, на пышной колеснице
Торжественно отец и сын направились к столице.

Весь город вышел их встречать: приветствия гремели,
Ревели трубы, пели в лад то струны, то свирели.

Так с небывалым торжеством, с бесчисленною свитой
Вступил с отцом Юсуф-хазрат в свой город знаменитый.

А вдоль дороги сотни дев чудесной красоты
Бросали под ноги коням душистые цветы.

Такого праздничного дня, по слову очевидца,
Еще не знала никогда старинная столица.

В таком восторге был Юсуф, прославленный эмир,
Что всех сограждан пригласил на небывалый пир.

То лучший месяц был в году — нежаркий, благодатный,
Гуляли, веселились все: и знатный, и незнатный.

Все были на пиру равны — кто беден, кто богат,
И длился пир не день, не два, а сорок дней подряд!

На первом месте восседал Якуб благочестивый,
А рядом с ним — Юсуф-хазрат, правдивый, справедливый!

Свиданья дождались они, — и счастье этой встречи
Переполняло их сердца, их радостные речи.

В благоухающем саду, что цвел вокруг дворца,
По целым дням они вели беседы без конца.

О, как чудесно, поборов все муки, все преграды,
Заветной радости достичь — отрады и награды!

О, как прекрасно, пережив скитанья и страданья,
Познать благословенный миг желанного свиданья!

Достиг и я конца пути, — судьбу благодарю
И о Юсуфе свой рассказ на память вам дарю.

ПОЯСНИТЕЛЬНЫЙ СЛОВАРЬ

Азраил — ангел смерти, по религиозным представлениям мусульман.

Балх — один из центров науки и культуры на средневековом Востоке. Современный Балх с развалинами крепости, где некогда создавал свою поэму «Юсуф и Зулейха» узбекский классик Дурбек, находится на севере Афганистана, неподалеку от крупного города Мазари-Шариф.

Газель — форма лирического стихотворения, состоящего из двуступиш с повторяющейся рифмой в четных строках, широко распространенная в поэзии на арабском, персидском и большинстве тюркских языков.

Даль, зод и ха — арабские названия букв д, з и х, числовое значение которых равно соответственно 4, 800 и 8. Сумма этих чисел 812 указывает на дату написания Дурбеком поэмы «Юсуф и Зулейха» по мусульманскому летосчислению, что соответствует 1409 году.

Джабраил — архангел Гавриил, считающийся у мусульман, как и у христиан, божественным вестником.

Дирхем — старинная монета, а также мера веса, равная весу сорока восьми ячменных зерен (примерно 3,12 г.).

Дойра — музыкальный инструмент — бубен, тамбурин.

Зухра — арабо-мусульманское название планеты Венеры, символ красоты и любви. Согласно легенде, Зухра была смертной женщиной, в которую влюбились два небожителя — Харут и Марут, ниспосланные богом для восстановления на земле справедливости. За этот грех оба ангела по велению аллаха были подвешены в колоде в Вавилоне. Зухра же вознеслась на небо и стала покровительницей красоты и музыки.

Прем — цветущие сады с чудесными дворцами, которые, по преданию, построил царь из племени адов, вознамерившийся создать рай на земле, да-

бы затмить славу небесного рая, обещанного благочестивым мусульманам. По этому же преданию, Ирем вместе с дворцами был разрушен по приказу аллаха.

Калам — тростниковое перо, которым писали на Востоке; в традиционной восточной поэзии — символ стройности и изящества, с ним нередко сравнивается стан красавицы.

Касыда — монокритмическая стихотворная форма обычно панегирического содержания. С давних времен и до наших дней касыда широко распространена в поэзии арабов, иранцев, многих народов Средней Азии и Индии.

Кафские горы — согласно мусульманской космографии, горный хребет, обрамляющий землю и держащий небесный свод.

Кяфыр — неверный, неверующий. Так назывались все немусульмане.

Лейли — главная героиня старинного арабского сказания о Лейли и Меджнуне, широко распространенного в классической поэзии народов советского и зарубежного Востока. Лейли — олицетворение верной возлюбленной, Меджнун — обезумевшего от страсти влюбленного. Имена Лейли и Меджнун стали на Востоке символами трагически погибших влюбленных, как Ромео и Джульетта на Западе.

Магриб — так в старинной арабской географической литературе называлась Северная Африка (Тунис и Алжир). Магрибом именовались все земли, расположенные к западу от территории расселения арабов ко времени образования Халифата.

Нух — мусульманское имя библейского патриарха Ноя, при котором, согласно преданию, произошел всемирный потоп.

Хазрат — господин; поставленное после имени, это слово указывает на высокий духовный сан его носителя.

Халил-ул-лах — «друг аллаха», эпитет пророка Ибрахима, библейского Авраама.

Ханаан — область, лежащая между Сирией и Египтом, куда, согласно легенде, пророк Муса привел свой народ. Это и есть та «обетованная земля», которую древнегреческий историк Геродот назвал Палестиной, страной библейских филистимлян.

Ходжа — праведник, уважаемый, благочестивый человек.

Хосров — первоначально имя нарицательное, входившее в титул сасанидских царей Ирана (Хосров Ануширван, Хосров Парвиз). Наиболее известный из них — Хосров Парвиз (590—628), совершил немало победоносных походов, успешно воевал с Византией, но затем потерпел поражение и был свергнут с престола собственным сыном. Вокруг имени Хосрова и его любви к красавице Ширин уже к X веку сложилась легенда, послужившая

сюжетом для множества поэм. Образ Хосрова в классической литературе Востока трактуется по-разному: например, в поэме Низами (1141—1209) он изображен как положительный герой, а в поэме Навои (1441—1501) — как резко отрицательный персонаж, воплощающий властолюбие и жестокость.

Хотан — древний город в Восточном Туркестане; иногда так называли весь Восточный Туркестан. Хотан славился женщинами необычайной красоты, а также многими редкостными товарами, в том числе мускусом.

Шаддод — мифический царь, воздвигший пышные дворцы, окруженные садами, которые он провозгласил земным раем. По преданию, на Шаддода обрушился гнев божий и он погиб вместе со своими садами.

Ясул — надзиратель, страж.

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Г. Алиев. Дурбек и его поэма «Юсуф и Зулейха»</i>	5
<i>Вступление, в котором рассказывается о том, когда, как и почему была написана эта поэма о жизни и деяниях преславного Юсуфа-хазрата</i>	13
<i>Глава первая, в которой рассказывается о том, как праведный Якуб возлюбил своего младшего сына Юсуфа и как начали завидовать ему остальные сыновья</i>	18
<i>Глава вторая, в которой рассказывается о том, какой удивительный сон приснился прекрасному юноше Юсуфу и какое объяснение дал этому сну Якуб-хазрат</i>	20
<i>Глава третья, в которой рассказывается о том, как правдивый Юсуф признался братьям в своем вещем сне и как завистливые братья задумали злое дело</i>	22
<i>Глава четвертая, в которой рассказывается о том, что сказал Якуб-хазрат в ответ на просьбу своих сыновей и какое возражение нашли его коварные сыновья</i>	24
<i>Глава пятая, в которой рассказывается о том, как премудрый Якуб-хазрат призвал своего любимца Юсуфа и как позволил ему отправиться с братьями на прогулку</i>	26

<i>Глава шестая</i> , в которой рассказывается о том, как вероломные братья увели Юсуфа в пустынную степь и как обогрились их клинки кровью невинного	28
<i>Глава седьмая</i> , в которой рассказывается о том, как жестокие братья решили не убивать Юсуфа-хазрата, а кинуть его в глубокий, заброшенный колодец	30
<i>Глава восьмая</i> , в которой рассказывается о том, как братья, взяв рубашку Юсуфа, испачкали ее кровью козленка и объявили Якубу, что его любимец съеден волком	32
<i>Глава девятая</i> , в которой рассказывается о том, как пойманный волк, неожиданно обретя дар речи, дал клятву, что не он погубил Юсуфа-хазрата	36
<i>Глава десятая</i> , в которой рассказывается о том, как почтенному купцу Малику приснился вещий сон, возвестивший о встрече с неведомым прекрасным юношей	38
<i>Глава одиннадцатая</i> , в которой рассказывается о том, как купец Малик отправился в Ханаан и как сбылось предвещание — удивительно и неожиданно встретился он с Юсуфом-хазратом	40
<i>Глава двенадцатая</i> , в которой рассказывается о том, как братья, придя к колодцу, удивились, что Юсуф остался невредим, и как решили продать его богатому иноземному купцу	42
<i>Глава тринадцатая</i> , в которой рассказывается о том, как почтенный купец Малик купил Юсуфа за двадцать дирхемов, и о том, как братья посоветовали сковать Юсуфа цепями	44
<i>Глава четырнадцатая</i> , в которой рассказывается о том, как был закован в цепи несчастный Юсуф, как повезли его на чужбину и как увидел он по дороге могилу своей матери	46
<i>Глава пятнадцатая</i> , в которой рассказывается о том, как купец Малик отправил своего раба на поиски пропавшего юноши и как жестоко обошелся раб с Юсуфом-хазратом	48

<i>Глава шестнадцатая</i> , в которой рассказывается о том, как взмолился Юсуф-хазрат, жалуясь на свою горькую судьбу, и как обрушилась на караван беспощадная буря . . .	50
<i>Глава семнадцатая</i> , в которой рассказывается о том, как прекратилась гроза и буря, как двинулся дальше караван и как благодарен был купец Малик своему рабу Юсуфу	53
<i>Глава восемнадцатая</i> , в которой рассказывается о том, как караван купца Малика спустился в Нильскую долину и как привел он своего раба Юсуфа на большой базар . . .	55
<i>Глава девятнадцатая</i> , в которой рассказывается о том, как дочь магрибского падишаха прекрасная Зулейха встрети­лась и беседовала во сне с Юсуфом-хазратом . . .	57
<i>Глава двадцатая</i> , в которой рассказывается о том, что изрек почтенный правитель Азиз, когда прочитал послание преславного магрибского властелина Теймус-шаха . . .	60
<i>Глава двадцать первая</i> , в которой рассказывается о том, как могучий и преславный Теймус-шах, получив ответ от поч­тенного Азиза, решил послать ему свою любимую дочь Зулейху	62
<i>Глава двадцать вторая</i> , в которой рассказывается о том, как Зулейха прибыла на нильские берега, и о том, что слу­чилось с нею, когда она впервые увидела своего супруга Азиза	64
<i>Глава двадцать третья</i> , в которой рассказывается о том, как сироправедливый правитель Азиз услышал о Юсуфе-хазрате и приказал купцу Малику привести юношу во дворец	69
<i>Глава двадцать четвертая</i> , в которой рассказывается о том, как впервые узрела красавица Зулейха лучезарное лицо Юсуфа-хазрата и как узнала в нем того, кто приходил к ней в светлом сне	71
<i>Глава двадцать пятая</i> , в которой рассказывается о том, как томилась и мучилась Зулейха, пылая любовью к Юсуфу, и как послала к нему свою верную кормилицу	74

<i>Глава двадцать шестая</i> , в которой рассказывается о том, как верная кормилица, возвратясь к несчастной Зулейхе, передала ей правдивое признание Юсуфа-хазрата	76
<i>Глава двадцать седьмая</i> , в которой рассказывается о том, как жены знатных беков хотели образумить Зулейху и как были они сами поражены красотой Юсуфа	78
<i>Глава двадцать восьмая</i> , в которой рассказывается о том, как прекрасная Зулейха воспользовалась отсутствием супруга и пожелала достичь соединения с Юсуфом-хазратом	80
<i>Глава двадцать девятая</i> , в которой рассказывается о том, как был оклеветан Юсуф-хазрат и даже правдивые слова младенца не смогли спасти несчастного от позора и заточения	85
<i>Глава тридцатая</i> , в которой рассказывается о том, как Юсуф-хазрат был брошен в темницу и как стала мучиться Зулейха, обрекая своего любимого на позор и страдания	88
<i>Глава тридцать первая</i> , в которой рассказывается о том, как Зулейха приказала бить Юсуфа, пока он не закричит от боли — лишь бы снова услышать голос своего возлюбленного	90
<i>Глава тридцать вторая</i> , в которой рассказывается о том, как тосковал Юсуф по родному краю и как обещал ему вещей верблюд, что пойдет в Ханаан и передаст привет Якубу-хазрату	93
<i>Глава тридцать третья</i> , в которой рассказывается о том, как посланец Юсуфа прибыл в Ханаан и рассказал Якубу-хазрату о неведомом прекрасном юноше, страдающем на чужбине	96
<i>Глава тридцать четвертая</i> , в которой рассказывается о том, как вероломный шах Яман, задумав свергнуть великого шаха Реяна, тайно прислал богатые дары двум его придворным	98

<i>Глава тридцать пятая</i> , в которой рассказывается о том, как два подкупленных вельможи задумали отравить падишаха Реяна и только счастливый случай не дал совершиться злодеянию	101
<i>Глава тридцать шестая</i> , в которой рассказывается о том, как были брошены в темницу двое уличенных в измене придворных, и о загадочных снах, приснившихся им в подземелье	103
<i>Глава тридцать седьмая</i> , в которой рассказывается о том, как Юсуф-хазрат, мир над ним, разгадал загадку обоим снам и как через три дня сбылись его предсказания . . .	105
<i>Глава тридцать восьмая</i> , в которой рассказывается о том, как великому падишаху Реяну приснился странный сон и как опозорились его придворные волхвы и гадалки . . .	107
<i>Глава тридцать девятая</i> , в которой рассказывается о том, как премудрый Юсуф-хазрат, мир над ним, разгадал смысл вещего сна и предсказал семь изобильных и семь голодных лет	110
<i>Глава сороковая</i> , в которой рассказывается о том, как честный и праведный Юсуф-хазрат отказался выйти из темницы, пока не будет доказана его полная невиновность	113
<i>Глава сорок первая</i> , в которой рассказывается о том, как ставшая вдовой Зулейха призналась в своей клевете и как был отдан приказ об освобождении Юсуфа . . .	116
<i>Глава сорок вторая</i> , в которой рассказывается о том, как правдивый Юсуф-хазрат, мир над ним, после двенадцати лет заточения сбросил наконец оковы и поднялся со дна темницы	118
<i>Глава сорок третья</i> , в которой рассказывается о том, как справедливый падишах Реян возвел Юсуфа-хазрата на золотой престол и как прошли семь первых лет славного правления Юсуфа	120
<i>Глава сорок четвертая</i> , в которой рассказывается о том, как после семи лет небывалых урожаев пришли семь лет невиданной засухи и лишь мудрое правление Юсуфа спасло страну от гибели	123

<i>Глава сорок пятая</i> , в которой рассказывается о том, как после шести неурожайных лет иссякли все запасы зерна и как снова помог Юсуф-хазрат страдающему народу	125
<i>Глава сорок шестая</i> , в которой рассказывается о том, как околчились голодные годы, снова наступило изобилие, снова воцарились по всей стране веселье и счастье . .	127
<i>Глава сорок седьмая</i> , в которой рассказывается о том, как продолжала страдать Зулейха, пылая безнадежной любовью к Юсуфу, и как иссохла и ослепла она в огне этой страсти	129
<i>Глава сорок восьмая</i> , в которой рассказывается о том, как великий властитель Юсуф-хазрат по дороге в свой дворец встретил ожидавшую его несчастную, ослепшую Зулейху	131
<i>Глава сорок девятая</i> , в которой рассказывается о том, как обзумевшая от любви Зулейха поздней ночью прибежала на место своей недавней встречи с Юсуфом-хазратом	134
<i>Глава пятидесятая</i> , в которой рассказывается о том, как верные служанки Зулейхи умоляли свою госпожу успокоиться и как еще семь дней провела она в адских мучениях	136
<i>Глава пятьдесят первая</i> , в которой рассказывается о том, как, почувствовав приближение смерти, захотела страдалница Зулейха в последний раз услышать голос своего любимого Юсуфа	138
<i>Глава пятьдесят вторая</i> , в которой рассказывается о том, как несчастная, слепая Зулейха в третий раз появилась возле шахской дороги и как впервые подошел к ней милосердный Юсуф-хазрат	140
<i>Глава пятьдесят третья</i> , в которой рассказывается о том, как на глазах у изумленного народа совершил Юсуф небывалое чудо — возвратил Зулейхе прежнюю молодость, зрелость и красоту	143

<i>Глава пятьдесят четвертая</i> , в которой рассказывается о том, как был поражен Юсуф-хазрат при виде красавицы Зулейхи и как он печально порвал подол ее атласного платья	145
<i>Глава пятьдесят пятая</i> , в которой рассказывается о том, как стала горько расканиваться Зулейха в своей гордыне и дерзости и как решила она снова встретиться с Юсуфом-хазратом	148
<i>Глава пятьдесят шестая</i> , в которой рассказывается о том, как Юсуф протянул золотую плеть, как передала ему Зулейха свое пламя и как настала очередь Юсуфа страдать в огне любви	150
<i>Глава пятьдесят седьмая</i> , в которой рассказывается о том, как жестоко мучился влюбленный страдалец и как беседовал Юсуф-хазрат с прекрасной Зулейхой, спрятавшейся за пологом	153
<i>Глава пятьдесят восьмая</i> , в которой рассказывается о том, как сорок дней продолжалась свадьба, как ширвал и веселился весь народ и как навсегда соединились судьбы Юсуфа и Зулейхи	155
<i>Глава пятьдесят девятая</i> , в которой рассказывается о том, каким благословенным был брак премудрого Юсуфа и прекрасной Зулейхи и как прославился Юсуф своим справедливым правлением	157
<i>Глава шестидесятая</i> , в которой рассказывается о том, как счастливо жили Юсуф и Зулейха, как родились у них дети и как все чаще тосковал Юсуф, вспоминая любимого отца	159
<i>Глава шестьдесят первая</i> , в которой рассказывается о том, как в дни голода, постигшего Ханаан, отправились в дальний путь сыновья Якуба и как узнал великий шах Юсуф о прибытии своих братьев	161
<i>Глава шестьдесят вторая</i> , в которой рассказывается о том, как заплакал Юсуф, увидев своих братьев, и как приказал он старшему сыну с почетом встретить прибывших в столицу ханаанцев	165

<i>Глава шестьдесят третья</i> , в которой рассказывается о том, как десять братьев, придя к падишаху, поразились богатству его дворца, но не узнали Юсуфа-хазрата, скрывшего от них свое лицо	167
<i>Глава шестьдесят четвертая</i> , в которой рассказывается о том, как объяснили десять братьев причину своего приезда и как взволнован был Юсуф известием о любимом отце	169
<i>Глава шестьдесят пятая</i> , в которой рассказывается о том, как разгневался Юсуф на своих братьев, не открыл им правды о себе, велел одному из ханаанцев остаться заложником	171
<i>Глава шестьдесят шестая</i> , в которой рассказывается о том, как братья привезли зерно в Ханаан и как объяснили отцу, почему отважному Шемуну пришлось остаться на чужбине	174
<i>Глава шестьдесят седьмая</i> , в которой рассказывается о том, как пришел в отчаянье Якуб-хазрат и как отказался он разлучиться с самым любимым из оставшихся у него сыновей	178
<i>Глава шестьдесят восьмая</i> , в которой рассказывается о том, как был вынужден Якуб-хазрат отпустить на чужбину своего любимца Ибн Ямина, и о том, какую клятву дали ему на прощанье сыновья	180
<i>Глава шестьдесят девятая</i> , в которой рассказывается о том, как вторично отправились братья в путь, с каким почетом были встречены и как опять предстали перед престолом великого падишаха	183
<i>Глава семидесятая</i> , в которой рассказывается о том, как братья вручили послание Якуба и как заплакал правдивый Юсуф-хазрат при виде письма, присланного его досточтимым отцом	185
<i>Глава семьдесят первая</i> , в которой рассказывается о том, как пригласили братьев на шахскую трапезу и как загрустил безгрешный Ибн Ямин, вспомнив о горестной судьбе своего любимого брата	188

<i>Глава семьдесят вторая, в которой рассказывается о том, как правдиво ответил Ибн Ямин на вопрос великого падишаха и как поведал ему о своей тоске по погибшему брату</i>	190
<i>Глава семьдесят третья, в которой рассказывается о том, какой великой чести удостоился Ибн Ямин, как сидел он рядом с шахом за трапезой и как узнал Юсуфа по несравненной красоте его рук</i>	192
<i>Глава семьдесят четвертая, в которой рассказывается о том, как поведал Ибн Ямин о пропавшем брате и как был удивлен Юсуф-хазрат, увидев через много лет свою окровавленную рубашку</i>	194
<i>Глава семьдесят пятая, в которой рассказывается о том, как, оставшись наедине с Ибн Ямином, открыл свою тайну Юсуф-хазрат и какую радостной была встреча двух любящих братьев</i>	197
<i>Глава семьдесят шестая, в которой рассказывается о том, какое обещание дал Юсуф любимому брату и как поразились остальные братья, узнав о небывалой прозорливости прославленного шаха</i>	199
<i>Глава семьдесят седьмая, в которой рассказывается о том, какой приказ отдал Юсуф своему казначею и к какой хитрости решил прибегнуть, чтобы не расставаться с любимым братом Ибн Ямином</i>	201
<i>Глава семьдесят восьмая, в которой рассказывается о том, как был обвинен в воровстве безвинный и безгрешный Ибн Ямин и как сурово встретил Юсуф вернувшихся хаанацев</i>	203
<i>Глава семьдесят девятая, в которой рассказывается о том, в какое возмущение пришли десять братьев и как с неслыханной дерзостью вызвали великого властелина на смертный поединок</i>	206
<i>Глава восьмидесятая, в которой рассказывается о том, как достойно держался Юсуф-хазрат и как недостойно вел себя Яхуда — какой смешной была его наглая, хвастливая речь</i>	207

<i>Глава восемьдесят первая</i> , в которой рассказывается о том, как шахский сын Мешам, вступив в борьбу, победил сильнейших из ханаанцев, а затем и сам Юсуф показал свою богатырскую силу	209
<i>Глава восемьдесят вторая</i> , в которой рассказывается о том, как Яхуда и Шемун остались на чужбине и в какой безутешной печали отправились восемь остальных братьев в родной Ханаан	211
<i>Глава восемьдесят третья</i> , в которой рассказывается о том, как вернулись домой восемь братьев и в какое отчаянье пришел Якуб-хазрат, узнав о позорной участи своего любимца Ибн Ямина	213
<i>Глава восемьдесят четвертая</i> , в которой рассказывается о том, как явившийся во сне Азраил ободрил слепого праведника Якуба — объявил, что среди мертвых нет его любимого сына	215
<i>Глава восемьдесят пятая</i> , в которой рассказывается о том, какое скорбное прошение послал Якуб, умоляя помиловать своего любимца, и как доставили братья это письмо великому падишаху	217
<i>Глава восемьдесят шестая</i> , в которой рассказывается о том, как изумились братья, когда увидели стоящего у трона Ибн Ямина, и что сказал Юсуф-хазрат, прочтя послание Якуба	220
<i>Глава восемьдесят седьмая</i> , в которой рассказывается о том, как, получив ответное послание падишаха, приказал премудрый Якуб-хазрат, чтобы его сыновья любой ценой отыскали Юсуфа	222
<i>Глава восемьдесят восьмая</i> , в которой рассказывается о том, как не поняли десять братьев, где отыскать им пропавшего Юсуфа, и как снова пали они к стопам могучего падишаха	224
<i>Глава восемьдесят девятая</i> , в которой рассказывается о том, как решил премудрый Юсуф-хазрат еще раз испытать бесчестных братьев и как повторили они свою прежнюю ложь о гибели Юсуфа	226

<i>Глава девяностая</i> , в которой рассказывается о том, как показал братьям Юсуф старую расписку, выданную ими купцу Малику, и как еще глубже погрязли они в своем же обмане	229
<i>Глава девяносто первая</i> , в которой рассказывается о том, что ответила волшебная говорящая чаша, когда спросил у нее падишах, как был когда-то продан в рабство юноша Юсуф	231
<i>Глава девяносто вторая</i> , в которой рассказывается о том, что говорили меж собою десять братьев, когда ожидали жестокой казни, сидя в цепях на самом дне подземной темницы	234
<i>Глава девяносто третья</i> , в которой рассказывается о том, что услышал шахский сын Мешам, когда по приказу своего отца притаился у входа в мрачное тюремное подземелье	236
<i>Глава девяносто четвертая</i> , в которой рассказывается о том, как явил милосердие Юсуф-хазрат — велел освободить раскаявшихся братьев, предстал перед ними во всем блеске своего величия	238
<i>Глава девяносто пятая</i> , в которой рассказывается о том, как поражены были братья при виде Юсуфа и каким светлым и радостным было долгожданное примирение сыновей Якуба	241
<i>Глава девяносто шестая</i> , в которой рассказывается о том, как стал просить премудрый Юсуф об исцелении своего слепого отца и как решил послать он братьев к Якубу-хазрату	243
<i>Глава девяносто седьмая</i> , в которой рассказывается о том, как впервые узнал Юсуф, где скрывалась истинная причина его разлуки с отцом, всех его мук и злоключений	245
<i>Глава девяносто восьмая</i> , в которой рассказывается о том, как нашли старого невольника Бешира, как отыскал он свою страдальцу мать и как сняла она с Якуба-хазрата былое проклятие	248

<i>Глава девяносто девятая, в которой рассказывается о том, какая чудотворная сила таилась в старой рубашке Юсуфа и как отправился к нему исцеленный Якуб-хазрат</i>	251
<i>Глава сотая и последняя, в которой рассказывается о том, как развязались все узлы судьбы, иссякли все страдания, сбылись все мечты, слились все любящие сердца . . .</i>	253
<i>Пояснительный словарь. Г. Алиев</i>	257

Дурбек
Д84 Юсуф и Зулейха: Староузбекская поэма/Пер.
С. Северцева; Вступ. статья и пояснит. словарь
Г. Алиева; Худож. Ф. Гамбарова, Д. Шимилис.—
М.: Худож. лит., 1987.— 271 с.

Классик узбекской литературы конца XIV — начала XV века
Дурбек в основу своей любовно-романтической поэмы «Юсуф и
Зулейха» положил библейский миф об Иосифе Прекрасном, но рас-
сказывается в ней о жизни и быте узбеков той эпохи.

Поэма близка к народным сказаниям.

Д $\frac{4702570100-207}{028(01)-87}$ 127-87

ББК 84 Уз1

ДУРБЕК

ЮСУФ И ЗУЛЕЙХА

Староузбекская поэма

Редактор *Р. Фаткуллина*

Художественный редактор *А. Максимов*

Технический редактор *Г. Такташова*

Корректоры *Г. Ивановна* и *О. Стародубцева*

ИБ № 4536

Сдано в набор 4.11.86. Подписано в печ-
ать 27.05.87. Формат 60×84/16. Бумага
мелован. Гарнитура «Обыкновенная но-
вая». Печать высокая. Усл. печ. л. 15,86.
Усл. кр.-отт. 58,42. Уч.-изд. л. 8,87. Ти-
раж 30 000 экз. Изд. № IV-2328.
Заказ 2347. Цена 2 р. 90 к.

Ордена Трудового Красного Знамени из-
дательство «Художественная литерату-
ра». 107882, ГСП, Москва, Б-78, Ново-
Басманная, 19

Ордена Ленина типография «Красный
пролетарий». 103473, Москва, И-473,
Краснопролетарская, 16